

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

2. 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхийев

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 938-911-34-04

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35

Дата выхода в свет:

21.06.18

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Машар АЙДАМИРОВА. *Талисман гор*. Роман.
Продолжение.....2
Шамсуддин МАКАЛОВ. *Одиссея беглеца*.
Повесть. *Продолжение*.....58
Магомед АКТЕМИРОВ. *Жорик*. Рассказ.....72
Муса АРСАНУКАЕВ. *Поездка в Канаду*.
Путевой очерк.....81

ЮБИЛЕИ

- Леча АБДУЛАЕВ. *Гатлуш. ма гатта ло-кх хьо,*
мерза са... Стихаш.....18

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Салих ГУРТУЕВ. *Погибшим на войне*. Стихи.....21
Александр КАРЛЮКЕВИЧ. *«Я славлю народ мой,
не сдавшийся бедам...»*.....24

ДРАМАТУРГИ

- Муса АХМАДОВ. *Сатийсаман берд*. Драма-кица.....27

ГОЧДАР

- Александр ПУШКИН. Евгений Онегин.
Роман байташкахь.
Гочийнарг ХАТАЕВ Хьусейн.....40

ПОЭЗИЯ

- Шапап КОВРАЕВ. *Къоме весет дина...* Стихаш.....54
Адам АХМАТУКАЕВ. *Пока не настал этот день...*
Стихи. *Перевод с чеченского*
Юрия ЩЕРБАКОВА.....55
Хава ГАГАЕВА. *Останься здесь со мной...* Стихи.....69
Элина САЙДУЛАЕВА. *Могила сына*. Стихи.....77
Малкан ИСМАИЛОВА. *Судьба – летящая стрела*.
Стихи.....80

ДЕБЮТ

- Амина ШАХГИРИЕВА. *Учись мечтать...*
Стихи.....75

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

- Шарани ДЖАМБЕКОВ: *«Нам нужны молодые люди,
преданные науке»*.
Подготовил Сулиман МУСАЕВ.....98

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ЭТИКА

- Аминат ХАСБУЛАТОВА. *Об особенностях формул
извинения в русском и чеченском языках*.....104
Петимат УСМАНОВА. *Сравнительная характеристика
формул приветствия в русском
и чеченском языках*.....108

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Сацита ИСРАИЛОВА. *«От правды жизни – к правде
художественного слова»*.....111

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Раиса САЙДУЛАЕВА. *«Для написания картины
нужен взрыв эмоций»*.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ...112

Машар Айдамирова**Талисман гор**

Роман

*Продолжение. Начало в № 1.***Глава 2****Сур-Корта**

Тишину ущелья прервал пронзительный скрежет, лес содрогнулся от протяжного стога надломленного великана.

Это был не просто стон, а предсмертная агония старого бука. С невыразимой тоской исторгнув прощальный крик души, он бессильно накренился и, судорожно цепляясь иссохшими ветками за зеленые кроны молодых деревьев, теряя

вожделенные просторы синего небосвода, не в силах больше держать некогда могущественную, а теперь обезвоженную ствол, с глухим стоном провалился в темную глушь ущелья. Больше не вдыхать ему горного духа свободы, не созерцать дерзкого полета молодых орлят, не блуждать призрачным туманам в его густой листве. С этого дня он будет медленно гнить в сырой темноте, уткнувшись морщинистым лбом в затхлую массу палой листвы.

Снова наступила тишина. Все вернулось в свое русло, лес опять, как ни в чем не бывало, запел, зажурчал, зашелестел.

Тархан глубоко вздохнул.

Сегодня он не в духе, будто душа закована стальными цепями.

Он и есть пленник опостылевшей профессии каменщика. Да разве он не способен на что-то большее, чем возведение башенных построек?! У него семь старших братьев – рослых, сильных богатырей, они и без него неплохо справятся. Не хочет он следовать династии, пускай она сто раз почетна, востребована. Это же не означает, что все обязаны строить башни. Ведь кто-то же должен защищать эти самые башни, нужны настоящие воины-сурхо.

Недавно они закончили строительство башни для состоятельного князя. На такую работу уходит ровно год, уложились в срок. Теперь взялись за новую.

И зачем в горах столько башен?!

Природа сама постаралась за людей: вокруг, куда ни глянь, острые зубья гранитных скал, с великим трудом, и то если повезет, сумеешь взобраться на самую вершину, но, чтобы вернуться тем же путем назад, и речи быть не может – разобьешься или останешься калекой.

Сколько камней! И таскать их приходится ему.

Прав отец: из развалин одного аула невозможно построить одну башню, а вот из одной башни можно застроить целое селение. Это он уже усвоил на собственном опыте. Но одну пользу из ненавистной профессии Тархан для себя извлек – он стал самым сильным в округе и далеко за его пределами. Силач легко побеждал взрослых соперников, даже намного опытнее себя.

Заметив груды огромных камней, он с любопытством подошел и попытался приподнять один. Сколько ни старался, не смог даже сдвинуть с места. Тогда схватился за другой – опять тщетно.

– Осторожно, надорвешься, – донесся до его слуха чей-то насмешливый голос.

Тархан машинально вскочил, озираясь по сторонам. Никого не было. Думая, что показалось, снова упрямо взялся за проклятый камень.

– Зови на помощь Турпал-Канта!

– Кто здесь? – не на шутку разозлился богатырь. Но ему отозвалось лишь эхо.

– Тарха-а-а-н! – услышал он голос старшего брата Мисарбулата.

– Во-о-о, вай!

– Возвращайся домой!

– Иду, – отозвался Тархан, про себя недовольно буркнул: «Какой там дом? Мой дом далеко, в Моцкарах», – при мысли о родных местах защемило сердце.

Хотя в горах ночи бывают холодными, но они полны незабываемых впечатлений.

Треск огня, фейерверком отбрасывающий искорки в ночную мглу, запах вяленого мяса, аппетитно лоснящийся жиром на горячих углях, лепешки, творог со сметаной, зеленый лук, жгучий чеснок и вдобавок к этому изобилию – чудесные истории сказителей. Завершают такие ночи тихими напевами на дечиг-пондуре.

Тархану по душе эти ночные посиделки. Особенно с нетерпением дожидается очередного сказа о былинных богатырях, их подвигах, необычных историй о снежных людях-алмазах, обитающих на горных вершинах и изредка показывающихся людям. С каждым переездом в его копилку добавлялись новые рассказы – у каждого жителя на новом месте свои истории.

– Говорят, что при рождении девочки на земле появляется новый источник чистейшего ручейка, рождается мальчик – на небе засверкает новая звездочка. Есть такое поверье: в момент воссоединения их судеб звезда отражается в прозрачной воде источника, и таким образом они находят друг друга. Смотрите, взгляните в небо, видите, маленькая звездочка сияет рядом с Большой Медведицей? Так вот, это и есть Турпал-Кант.

Тархан напряг слух – сегодня он слышит это имя во второй раз.

– Однажды юноша встретил у родника девушку редкой красоты, они полюбили друг друга, но отец любимой наотрез отказался выдать за него свою дочь. После долгих уговоров согласился, но с одним условием – жених за это должен достать три вечно горящие полена и неиссякаемую баранью грудинку у Дарц-Наны, матери семи братьев Большой Медведицы, что живет на высокой вершине горы Башлам. Задача была трудная и опасная, но влюбленный юноша согласился. Дарц-Нана, хозяйка ветров, очертила кругом границу, и перешагнувший эту черту не выбирался живым. Смелчаку удалось одолеть гору, выкрасть поленья и грудинку, но он не успел далеко уйти. Разъяренная владычица ветров погналась за похитителем, однако ее сыновья сжалились над влюбленным юношей и забрали к себе на небо, подальше от жестокой расправы своей матери. Дарц-Нана же не успокоилась, бросилась искать ту девушку, но та спряталась от нее, превратившись в родниковую воду. Тогда беспощадная старуха забросала камнями тот родник, чтобы Турпал-Кант никогда не нашел ее... С тех пор влюбленные не могут встретиться, – закончил сказитель. – Многие пытались сдвинуть эти камни, освободить девушку из каменного заточения, но безуспешно – на них лежит проклятье Дарц-Наны, и только ей под силу это сделать.

Вдруг поднялся ветер, закружил, засвистел, откуда-то с вершины истерично зашлась в хохоте гиена.

– Вы слышали? – говоривший загадочно закатил глаза, поднял палец и предостерегающе зашептал: – Это Дарц-Нана лютует, нас подслушивает.

Слушатели невольно замерли, будто на самом деле к ним в гости наведалась сама хозяйка ветров.

Акбулат, отец Тархана, тоже приступил к рассказу.

– А у нас такое сказывают... Это было в давние времена, когда далекие ледяные горы были еще выше, на их вершинах не лежали снега и ледники, а цвели разные цветы и душистые травы, когда нетающими снегами и ледниками были скованы глубокие ущелья и горные склоны. Я расскажу вам, с каких пор на той вершине Баш-Лома лежит снег, с каких пор на гладкой равнине, на горных склонах растут душистые травы, дивные цветы. В те времена наши предки, нарт-орстхойцы, жили-поживали в глубоких ущельях, в высоких башнях, в широких пещерах. Они были такими же высокими, как та горная вершина. И кони их были такими же большими. Были нарт-эрстхойцы сильными, как медведи, смелыми, как волки, ловкими, как барсы, хитрыми, как лисы. Они хватали, легко отрывая от скал, и далеко забрасывали огромные камни, они своим криком заставляли горы содрогаться, они своими воплями сотрясали небеса, и все же они были бессильными, у них не было огня...

Холодно было нарт-орстхойцам, горестно было нарт-орстхойцам, тревожно было нарт-орстхойцам, огня у них не было.

А всемогущий Села был жестоким, был коварным.

Он был хозяином неба, и огнем он владел.

Какая польза от силы, если людям добра от нее нет?

Какая польза от силы, если людям от нее горе и мучения?

Чтобы показать нарт-орстхойцам свою силу, Села приседал, взлетал в небо и носился во все стороны, вызывая гром, который гремел с такой великой силой, что казалось, будто небеса вот-вот раскалятся и обрушатся. Он напускал ужас на людей.

Небесный свод, где жил Села, всегда был закрыт черными тучами. Села сгущал над землей полные дождя тучи. А этот дождь, превращаясь в крупный град, обрушивался на землю, принося людям еще большие страдания, еще большие мучения. Затем Села брал в руки радугу из огненных лучей и бросал на землю молнии-стрелы, сжигавшие все на своем пути.

Добро и зло – все было в руках Селы.

На зло Села был щедрым, на добро – скупым и жадным.

Добро люди отвоёвывали в жестокой борьбе, зло Села отдавал сам.

Вражда между небом и землей продолжалась вечно!

Борьба между человеком и Селой была всегда!

Чем больше прижимали нарт-орстхойцев горе и трудности, тем больше блаженствовал Села, чем больше наслаждался Села, тем больше унывала Сата, возлюбленная Селы, мать нарт-орстхойцев. Сата хотела помочь нарт-орстхойцам, но она боялась Селы.

В то время в горах жил сильный нарт-кузнец Пхьармат. Пхьармат был искусным мастером. За добрые слова он выковывал для нартов сабли, щиты и кольчуги из холодной бронзы. Доброе слово высоко ценится в горах: «Счастья тебе! Удачи тебе! Победы тебе! Будь свободным!»

Пхьармат был скромным, щедрым и сильным нартом. Он мало говорил, он много думал. Он думал над тем, как и чем помочь людям, о том, что нужно сделать, чтобы добыть огонь из очага Селы. Добровольно же Села огонь не отдавал!

С самого появления на свет Пхьармат вбирал все лучшее, что есть в человеке: силу, ловкость, острый ум, хитрость, терпение. Его конь Турпал жил в горах на свободе.

Нарты говорили:

– Конь закаляется под седлом и джигитом, а кьонах – в труде и борьбе. Почему твой конь всегда резвится на свободе?

Пхьармат отвечал:

– Мой конь уже закален. Придет время, и он принесет огонь!

Нарт-орстхойцы простодушно смеялись над этими словами Пхьармата. А Пхьармат все думал свою думу о том, как помочь людскому горю.

В один из дней Пхьармат кликнул своего Турпала, отчего ущелье Аргуна зазвенело, горы загудели, а могучий небесный Села проснулся и перевернулся набок. Пасущийся на далекой горе Турпал отозвался на зов хозяина, и от его ржания горы содрогнулись, как волны в Аргуне, река вышла из берегов, а дикие звери на лесистых склонах застыли на месте от испуга. Быстрее молнии примчался Турпал к хозяину своему.

Пхьармат надел бронзовую кольчугу, взял в руку дубинку, закрепил на запястье щит из зубровой шкуры, перекинул через плечо лук, на пояс подвесил наполненный стрелами колчан, к поясу подвязал саблю. Оседлав своего Турпала, выпив полный турий рог йий (браги), пожелав себе: «Чтобы ноги приросли к скакуну, как к смоле, чтобы рука слилась с вожжами, как с тестом!» – он сел на коня и выехал в путь, куда никогда и никто не направлялся и откуда никто не возвращался... – Акбулат рассказывал былинку вдохновенно, словно сам был свидетелем подвига великого эпического героя.

При свете огня лица слушателей странно светились, богатое воображение выдавалось в широко раскрытых глазах, в которых язычки пламени отражались бесноватыми искрами.

– Чтобы Пхьармату сопутствовала удача в пути, нарт-орстхойцы посыпали просом дорогу, по которой он проедет, поставили наполненную ячменем ступу с пожеланием: «Уезжая, будь легким-пустым, возвращаясь, будь тяжелым-полным!»

Долго ехал Пхьармат. Семь дней и семь ночей был в пути. Семь ущелий пересек, семь гор преодолел. И дошел до подножия самой высокой горы Баш-Лама, поддерживающей небесный свод, где жил Села.

Много сил потерял Пхьармат, поднимаясь по тяжелым склонам на вершину Баш-Лама. Ароматные травы и разные цветы росли на вершине Баш-Лама, волшебю пели птицы.

На вершину Баш-Лама иногда спускалась на отдых излучавшая солнечное сияние Сата – Села-Сата, возлюбленная Селы, мать нарт-орстхойцев.

Она предстала перед Пхьарматом, превратившись в белую птицу. И заговорила человеческим языком:

– О могучий нарт! Не случайно поднялся ты на вершину горы Баш-Лама...

– Это правда, добрая птица, не случайно я поднялся на вершину Баш-Лама. Я пришел, чтобы унести факел из очага Селы, и без него я не вернусь, – отвечал Пхьармат.

– Тому, кто вышел для совершения доброго дела, будет сопутствовать удача. Я помогу тебе. Быстрый ли конь твой? – спросила Села-Сата.

– Мой конь быстрее ветра.

– Сильный ли конь у тебя?

– Конь мой силен. Где он ударяет копытом, родник появляется.

– А ты сам силен ли?

– В моих руках холодная бронза мягче осины, воска, – отвечал Пхьармат Села-Сате.

Села-Сата рассказала Пхьармату, как, по какой дороге достичь ему очага Селы и как взять оттуда факел.

– Сейчас Села спит. Быстрее ветра гони своего коня, чтобы он перепрыгнул через очаг Селы. Ты же в тот момент наклонись и хватай на скаку факел. Береги голову! Села грозный! Села жестокий! Если он проснется, живым не уйдешь, не доставишь и факел.

Пхьармат так и сделал, как советовала Села.

Конь Пхьармата быстро помчался и перепрыгнул очаг. А в это время Пхьармат нагнулся, выхватил факел. Конь Турпал летел так быстро, что позади Пхьармата протянулся длинный хвост из искр от факела. Эти искры защекотали нос грозного Селы, и он проснулся.

Села знал, что, получив огонь, человек станет сильнее, храбрее и восстанет против него, потому сильно испугался.

Он поднял могучую погоню за храбрым нартом. Села открыл мешок с черной ночью. Стало так темно, что Пхьярмат не видел пальцев своих рук, ушей своего коня. Пхьярмат и его конь ничего не видели. Вот-вот они могли сорваться в пропасть и погибнуть, но дивно прекрасная птица Села-Сага вылетела вперед и своими чарующими песнями указывала им путь.

Села увидел, что черная ночь не в силах остановить Пхьярмата и его коня. Тогда он раскрыл свой второй мешок со стремительной снежной вьюгой. Всемогущая вьюга и беспросветная ночь вместе окутали храброго нарта и его коня. Но прекрасная птица своими песнями указывала им путь. Храбрый нарт увидел, что вьюга гасит его факел. Он, не раздумывая, сунул его за пазуху. Вокруг храброго нарта в смертельном танце кружила вьюга. От сильного волнения воды Аргуна выплескивались из кремневых теснин, словно соломинки, носило по небу вырванные с корнями огромные дубы. Села увидел, что ни черная ночь, ни сильная вьюга не в силах остановить храброго нарта и его коня, что они без вреда проходят через небесные своды и спасаются от погони. Тогда он открыл третий мешок с лютым холодом. От холода скалы взрывались, горы морщились, но мужественный нарт Пхьярмат и его конь Турпал неслись вперед. Села испугался еще больше.

Он увидел, как храбрый нарт и его конь достигли подножия Баш-Лама, как они въехали в пещеру и скрылись. Тогда он, обезумев от злобы, взял в руки радугу из огненных лучей и стал метать молнии-стрелы вслед нарту.

Молнии раскачивали горы, пробуждали замерзшие родники; по склонам гор, словно напуганная отара овец, во все стороны разбегались волны Аргуна, а высокие горные кряжи шевелились, будто живые. Но ни лютый холод, ни сильная вьюга, ни черная ночь, ни молнии-стрелы не сломили, не остановили храброго нарта Пхьярмата и его коня Турпала. Они прибыли в большую пещеру, где их ожидали нарты.

– Возьмите! Вот вам огонь! – сказал Пхьярмат удивленным нарт-орстхойцам.

– Разведите большой огонь в каждой башне, в каждой пещере, в каждом доме! Пусть в каждом доме будет огонь, будет тепло и свет! Будьте счастливы! – сказал Пхьярмат.

А в это время до гор докатились раскаты грома неимоверной силы. Небеса вызвали землю на борьбу на вечные времена.

– Будьте счастливы! – снова крикнул храбрый нарт. – Я должен принять мучения! Я отдаю себя, чтобы отвести от вас злобу Селы! Обо мне не печальтесь!

Храбрый нарт Пхьярмат покинул пещеру и пошел навстречу молниям, холоду, ночи и вьюге, на вершину Баш-Лама.

Молнии метались над его головой, вьюга его качала, руки и ноги его немели от холода, черная ночь окружила его, – это был Села, изрыгающий зло, не остывший от злобы.

Когда увидел, как храбрый нарт Пхьярмат поднимается на его небосвод над Баш-Ламом, Села медленно втянул в мешки вьюгу, холод и ночь. Снега на равнинах, горных склонах и в ущельях начали таять, вечная мерзлота вслед за Пхьярматом медленно потянулась на вершину Баш-Лама. Вершина Баш-Лама оказалась в плену снегов и ледников, которые навечно завязали на ней белый башлык.

Крикнул Села:

– Чтобы ты завидовал огню, который унес с неба, чтобы ты завидовал теплу!

Села послал навстречу Пхьярмату своего верного раба, одноглазого Ужу с бронзовыми цепями. Одноглазый Ужа теми бронзовыми цепями приковал Пхьярмата к вершине Баш-Лама.

Проклял его Села.

С тех пор так и установилось. Все добро проклял Села! Все, что Селой проклято, приветствуется человеком!

Между небом и землей – вечная вражда!

Между человеком и Селой – вечная борьба!

Каждое утро к прикованному Пхьармату прилетает князь всех птиц Ида. Он садится на колени Пхьармата и каждый раз спрашивает его одно и то же:

– Эй, несчастный Пхьармат! Эй, грешный Пхьармат! Раскаиваешься ли ты в содеянном? Если ты раскаиваешься, я не трону тебя, если нет, я буду клевать твою печень!

Зная о предстоящих адских муках, Пхьармат, говорят, тем не менее отвечает одно и то же:

– Нет! Я не раскаиваюсь. Я дал людям счастье, я дал людям тепло, я дал людям свет! Нельзя раскаиваться в том, что сделал добро!

Тогда Ида, поточив свой булатный клюв о кремневую скалу, начинает, говорят, клевать печень Пхьармата.

Пхьармат-нарт не издает ни стоны. В его глазах никогда не появляются слезы. С большой стойкостью, не теряя духа, переносит он эти ужасные мучения, эту страшную боль.

С тех пор и завелось у нахов, нарт-орстхойцев: кьонах не должен плакать!

С тех пор и лежат на вершине Баш-Лама вечные снега и ледники. Когда Пхьармата приковали, Села и собрал их с равнин, ущелий и горных склонов на вершину Баш-Лама, на вечные мучения Пхьармата, чтобы он всегда завидовал теплу.

С тех пор и пришло тепло на горные склоны, ущелья и равнины. И тепло это разлилось от огня, который Пхьармат доставил с небес. С тех пор и растут на склонах гор, в низинах ароматные травы, разные цветы, чарующе поют птицы, а на вершине Баш-Лама царит невыносимая стужа, всегда воев вьюга, стоит вечная мерзлота. Там и прикован Пхьармат. Он будет вечно страдать, но никогда не умрет.

Герой не умирает. Герой живет вечно! – закончил Акбулат.

Тархану нравится легенда о Прометее, и он не первый раз ее слышит. Он во всем старается походить на него – и силой, и мужеством. Нет, далеко этому Турпал-Канту до его Прометей. Прометей пожертвовал своей жизнью ради людей, он тоже мечтает совершать подвиги во имя победы добра на земле.

Да, мечтает, и на этом заканчиваются его подвиги!

А что ему остается делать?!

Эти злополучные башни скоро вырастут на его голове, как рога у оленя.

Как жить дальше, что делать, куда податься от этой бытовой рутины?

Братья поймут его, а как уговорить отца?

Тархан закрыл глаза – хоть во сне, в далеких отсюда краях, он побудет настоящим героем.

Постройка башни в горах задача не из легких. А строить башенную крепость вдвойне сложнее. От его крепости очень многое зависит – жизнь людей, его защитников. В первую очередь земля должна принять остов будущей башни. Еще мастер должен обладать мастерством художника-дизайнера, ибо он должен создавать свой шедевр, ни в коем случае не нарушая природную композицию, и башня просто обязана вписаться в гармонию лесного пейзажа. Мастер все учитывает наперед.

Сначала тщательно проверяли твердь земли, которая будет должна выдержать всю тяжесть каменного великана. Бовлой, строители башен, чтобы умиловить кормилицу-мать, преподносят ей жертвенный дар – молоко. Нана-земля откликается на просьбу благородных бовлой – она принимает обильную трапезу, пьет парное молоко, пропитанное целебными травами. Делает глоток, второй, третий. С каждым глотком бовлой сменяют грунт, и только тогда, убаженная щедрым угощением, насытившаяся земля предлагает надежную опору для каменной стражи нахов.

Восемь гранитных глыб, выношенных огнедышащим вулканом во чреве гранитной горы и закаленных голубыми льдами вечных снегов! Восемь гранитных исполинов, вынесших неимоверную тяжесть свода горной пирамиды, испытанных бесконечным временем и граненных небесными

ювелирами – свирепыми вьюгами и студеными дождями! Каждую вырвали из мертвых объятий горной вершины, с силой оторвали от каменной груди родного утеса и доставили к месту их нового пьедестала. Двенадцать могучих быков, запряженных в железную телегу, тащили каждую громаду, мучительно пригибаясь под тяжестью ровесников мироздания, точно мифические атланты, держащие на своих богатырских плечах вселенский небосвод. Двенадцать дней и ночей девять каменотесов стальными теслами дробили восемь горных созданий. Каждый камень тесали двенадцать дней девять каменотесов, стальные тесла крошились у них, словно липовые. Двадцать тесел каждый каменотес сломал о ребра камней, и камни стали ровны, как стекло. Привели барана, чья шерсть горных снегов белей и рога, как копыя, остры. Самый старший взял острый, как слово мудреца, нож, перерезал баранье горло, и кровь закипела из-под ножа, бурля, словно горный поток, и каждый камень был обагрён горячей, как солнце, кровью...

Бовлой приступили к строительству нового немого свидетеля истории наход.

Весна в горах по-особенному хороша. Радует глаз, ласкает слух. Учащенно бьется сердце в трепетном ожидании чуда.

Но Тархану не до весенних красот, вчера он получил весточку от друзей, что Астамир дал приказ молодым воинам собраться в Сур-Корте в течение недели.

Взволнованный Тархан посоветовался со старшим братом.

– Скажи отцу, чтобы отпустил меня... Меня он даже слушать не станет.

Мисарбулат не спешил с ответом, облокотился об столб, задумался. Да, возмужал Тархан. Хоть и самый младший, но ростом и силой превзошел старших семерых. Ему едва исполнилось семнадцать лет, а выглядит старше: богатырское телосложение, чудовищная мощь угадывалась в покатых плечах, плотных пластах мышц, распиравших рубаху. Но глаза, этот бесхитростный взгляд выдавал в нем неискушенного ребенка. Прямодушен, прямолинеен, доверчив. Как его такого отпустить одного в опасный путь? Времена настали опасные, в приграничных районах все чаще стали промышленать военными набегами обнаглевшие половцы, участились случаи грабежа, людьми торгуют, как скотиной. А этого неопытного юнца в два счета обманут, и он даже подумать не успеет, как окажется в жадных руках опытных работорговцев. Такие богатыри – большая находка для них.

– Я поговорю с отцом, – коротко ответил он.

– Самые тяжелые работы мы уже сделали, а в остальном вы и без меня справитесь, – говорил о своем Тархан.

– Не в этом дело.

– А в чем же еще?

– А ты подумай хорошенько.

– Вы мне не доверяете, – насупил брови Тархан. – Но я уже не маленький.

– Мы верим в тебя, гордимся... Время сейчас неспокойное, одному в дороге небезопасно... Мы должны держаться вместе, – объяснил Мисарбулат.

– Но я же не один буду, меня друзья ждут. Да и Астамир не поймет мое отсутствие. Как вы собираетесь с ним объясниться? Мол, наш брат еще несмышлениш, и мы не решились его отпустить из-под своего крыла?! – в сердцах воскликнул Тархан. – Да я лучше умру, чем позволю так подумать о себе!

Мисарбулат сдержанно ухмыльнулся.

– Ладно, успокойся, посмотрим, что скажет отец.

Акбулат злился на Тархана. Старшие сыновья никогда не перечили отцу, а вот младшего не в силах удержать, не лежит его душа к ремеслу отцов, которое продолжают вот уже пять поколений.

– Пусть идет, отец, не на войну же отправляем, – дружно заступились братья за Тархана.

Акбулат бросил на сыновей гневный взгляд.

– Что я слышу? Когда это мы уклонялись от военной обязанности? При первом же зове родной земли мы всегда оказывались в первых рядах сражений, – немного успокоившись, он добавил: – Глупый он еще, ростом вышел, но умом не дорос...

– Отец, можно я скажу? – тихо попросил слова Мисарбулат.

– Говори.

– Друзья брата – самые достойные ребята нашего аула. К тому же, мы не можем подвести Астамира, это он его позвал.

Тархан в ожидании конца переговоров пошел прогуляться по лесу, чтобы как-нибудь унять охватившее его волнение. В надежде увидеть Дику, зашагал в сторону крепости. Захотелось услышать ее голос, звонкий смех.

Дика была удивительной девушкой. Под стать здешней природе – высокая, стройная, гордая красавица, она вскоре завоевала большое сердце Тархана. В первые дни приезда она долго издевалась над бедным богатырем, насмехалась, укрываясь в недоступных от глаза местах, одаривала его колкими шутками.

Но однажды ей пришлось открыться.

Недалеко от них жил кузнец, его кузня находилась у самого склона горы. Тархан любил бывать там в свободное время, ему здесь нравилось все, одни тяжелые удары кувалды чего стоили. В отскакивающих горячих искрах могучее тело кузнеца напоминало его любимого героя легенды Прометея. Много именованных князей бывало у порога его бедной сакли, выкованное им оружие славилось на весь Кавказ. Здесь молодой человек узнал все секретыковки самых лучших мечей, их особенности, с любовью рассматривал меч терс-маймал, тайно мечтал о нем, восхищался им.

По дороге в кузницу он встретил всадника, отчаянно махавшего рукой.

– Тархан, помоги мне!

Зовущая на помощь оказалась обладательницей того голоса, который так долго преследовал его в последнее время, раздражая шутками и прибаутками.

Вся запыхавшаяся, она резко осадил коня, почти прокричала:

– Там мой друг... на него напали медведи... помоги... скорее!

Не задавая лишних вопросов, Тархан поскакал вслед за ней.

Картина была ужасная. Один огромный бурый медведь лежал мертвый, второй гигант громко ворчал, мотал круглой башкой, в его раскрытой влажной пасти белели клыки, за ним тянулась длинная нить слюны. Его разъяренные глаза налились кровью, он в бешенстве, всей своей тяжестью пытался подмять под себя окровавленного человека, тот изо всех сил боролся с могущественным хищником. Тархан пустил стрелу, но животное даже не отреагировало на такую царапину, тогда богатырь сам бросился в его бурные объятия и всадил в самое сердце острый кинжал. Медведь взревел, взмахнул мохнатыми лапами и, издав последний раз урчащий рык, замертво повалился на землю.

Только что им спасенный человек истекал кровью, огромная рана зияла на груди, широкие плечи рассечены острыми когтями хищника. Тархан подошел к нему, хотел оказать помощь, но тот встал и, пошатываясь, подошел к огромному белому волку, лежащему в стороне без всяких признаков жизни. Наклонился, прислушался к груди, на измученном лице промелькнула радостная улыбка. Он встал, взвалил на плечи отяжелевшего белого друга и зашагал прочь. Обернулся, бросил благодарный взгляд на своего спасителя, кивком головы попрощался с девушкой и скрылся в лесу.

Ничего не понимающий Тархан удивленно воззрился на незнакомку.

Девушка немного пришла в себя, виновато улыбнулась:

– Прости меня, Тархан, все произошло так внезапно!

– Кто ты? Откуда ты знаешь мое имя?

– Я дочь Малх-Азни, для которой вы строите боевую башню. Меня зовут Дика.

Тархан вопросительно перевел взгляд на деревья, за которыми только что скрылся странный человек.

– Он лесной человек, – дала она ответ на немой вопрос юноши. – Когда была

маленькой, я заблудилась в лесу, он нашел меня и показал дорогу домой... Если бы не он, меня растерзал бы барс... И сегодня, как тогда, спас меня от медведей. Его имя Алмаз, вернее, я его так назвала.

Так неожиданно Дика вошла в жизнь молодого человека, скрасила ее однообразие. Часто видеться не удавалось, встречались изредка, но за это время они успели сдружиться.

– Тархан, как хорошо, что ты пришел! – издали раздался радостный возглас девушки. Она сегодня выглядела необычно – тонкий стан облегал бронзовые доспехи, специально сделанные для девушек-мехкарий, на голове – изящный головной убор, тоже из тончайших бронзовых пластин. Юная амазонка сияла позолотой в отражении яркого солнца.

– Тебя и не узнать! – Тархан не мог отвести восхищенного взгляда от грозной воительницы.

– Я пришла попрощаться!

– А куда ты собралась?

– Мы получили приказ немедленно собраться в Сур-Корте.

«А я тут распинаюсь перед своими, вымаливая у них разрешение! У этой девушки больше прав и свободы, чем у меня!» – с досадой подумал Тархан. Вслух сказал с напускным безразличием:

– Я тоже получил приказ.

Дика обрадовано захлопала в ладоши:

– А когда выступаешь?

– Через два дня.

– Мы тоже.

– Это кто же такие «мы»?

– Мы же мехкарий из крепости. Разве ты не знал?

– Конечно, знал, ты мне столько рассказывала обо всем, – поддел он ее, показывая всем своим видом оскорбленное ее недоверчивостью достоинство.

– Прости, Тархан, нам запрещено говорить о своей жизни! – Дика была искренна.

Тархан много слышал о таинственных мехкарий, но никогда не видел их, они мало показывались на людях, даже свои боевые учения тщательно скрывали.

– Наша предводительница не разрешит тебе примкнуть к нашему отряду, как бы мне этого ни хотелось, – озабоченно произнесла Дика.

– А я бы и не согласился, – вызывающе бросил Тархан.

– Это почему же? – обиделась девушка.

– Люди неправильно поймут, подумают – вы моя охрана.

– Ну и что?

Тархан представил братьев. Боже, не хватало, чтобы они узнали об этом, засмеют до смерти.

Его опасения оказались не напрасными. Так и случилось.

Едва он переступить порог дома, его встретили дружным хохотом.

– Тархан, почему не рассказал все, как есть?

– А мы-то волновались за него!

– Сотни мехкарий вызвались тебя сопровождать!

– Они не дадут тебе заблудиться...

– Или, передумав, вернутся...

– Ты хоть намерен вернуться?

– Прекратите шутки, – вмешался Мисарбулат. – Отец идет.

Акбулат вошел, сыновья почтительно встали – все рослые, крепкие, сильные. Он обратился к младшему из них, стоявшему поодаль Тархану.

– Сын, я слышал, что царь Алании Роксолан-Бахадур собирает отборные отряды у Сур-Корта. Горные нахи всегда отличались от равнинных своей силой и ловкостью. Я уверен, и теперь не ударят лицом в грязь... Я не против твоего участия в этих испытаниях, совсем нет. Я и твои старшие братья участвовали во многих битвах против чужеземных захватчиков, защищали эти горы, аулы, род от разбойничьих набегов степных варваров. Это долг каждого нохчо. Мы,

строители башен, денно и ночью трудимся, это тоже своего рода воинский долг, ведь башни строятся не ради красоты, они выполняют функцию защиты от вражеских нападений, их каменные стены спасают жизни детей, женщин, немощных стариков... В Сур-Корте проверяются не только военные навыки, но это испытание и на нохчалла, твердость духа. Ты силен, но этого очень мало. Если человек с первых же шагов своей самостоятельной жизни допускает оплошность, совершает поступок, не подобающий нохчо, его сила и храбрость ничего не стоят, он не только себя позорит, но и весь свой род... Прометей, о котором я часто рассказывал, не сразу стал тем Прометеем, о ком до сих пор говорят легенды. Он своим мужеством и благородством завоевал уважение и авторитет своей общины, затем пожертвовал жизнью ради людей – он выбрал бессмертие, чем жалкое существование...

Акбулат на примерах великих героев и праведников захватывающе рассказывал о долге и чести настоящего нохчо-кьонаха. Сыновья внимательно слушали отца, внимая каждому его слову. У них тоже дома в Моцкарах остались большие семьи, скоро вырастут сыновья, и они в точности передадут им знания их предков.

– Тархан, завтра же выезжай. Путь немалый, сюда больше не возвращайся. Мы сами докончим работу, уже немного осталось. А ты после похода возвращайся в родовой аул, Моцкары, а мы позже подъедем. Будь осторожен, не посрами честь рода. Мудрость всегда должна быть на шаг впереди безумной храбрости, иначе такая сила влечет за собой смерть и разрушение. Помни об этом. Друзья у тебя надежные, это радует, и потому я спокоен за тебя... Счастливого пути!

На второй день ранним утром, попрощавшись с отцом и братьями, наш герой отправился в свое первое путешествие. Грудь распирало от обуреваемой радости, он был счастлив: наконец, сбудутся его мечты – он станет великим воином-сурхо. Сердце бешено колотилось, будь его воля – взлетел бы орлом, объял бы весь мир.

Издалека слышались попеременные удары молотка, то глухие, длинные, то короткие, звонкие. Тархан направился в ту сторону.

Одетый в походные доспехи, он важно зашел в кузню.

– Я знал, что не уедешь не попрощавшись, – обрадовано встретил Нажа своего юного друга и прижал к мощной груди. – Молодец, что зашел! Вот, держи, подарок от меня, – протянул ему меч терс-маймал, о котором он так давно мечтал.

Тархан растерялся от неожиданности, взволнованно пробормотал:

– Это слишком дорогой подарок, я не могу взять!

– Ты хочешь меня обидеть? – воскликнул кузнец громовым голосом. – Этот меч я ковал специально для тебя, он будет послушен только твоей руке и твоей воле. Удачи тебе! Возвращайся героем!

Теперь осталось попрощаться с Дикой.

Она обещала быть в условленном месте, а слово держать она умела. Но сегодня запоздала. Видимо, ее задержало что-то важное. Тархан понимал, с каким трудом удаются эти мимолетные встречи юной девушке, он был много наслышан о железной дисциплине в крепости, о суровом нраве ее матери Малх-Азни, знаменитой воительницы. Дика не помнила своего отца, его коварно убили подлые кыпчаки. Военная крепость мехкарий высилась на горе. Отец с сыновьями строили для них боевую башню у склона горы.

Ожидание Тархана затянулось.

Его взгляд упал на белые глыбы камней, которые он не смог сдвинуть с места, когда впервые наткнулся на них.

Вспомнил сказку про Турпал-Канта. Интересно, правду ли говорят люди, что влюбленные обретут друг друга, стоит только освободить родниковую воду из каменного заточения?

Надо проверить, насколько это правда. Недолго думая, Тархан собрался духом и приступил к битве за любовь. За год молодой силач набрался еще больше сил, он мощным захватом одолел первый камень, могучими руками оттолкнул

в сторону. Второй тоже последовал за ним. А третий, самый крупный, ни за что не хотел оторваться от прижитого угла – острыми гранитными клыками впился в земную кору. Тархан объявил войну упертому врагу, мысленно представил на месте родничка Дику, жалобно взывающую о помощи. Образ девушки придал новые силы, из груди вырвался победный клич, камень не выдержал такого напора, сдался и, охнув, тяжело перевернулся. Богатырь спустил вниз каменное проклятье.

Тархан до того увлекся, что не заметил девушку, уже давно наблюдавшую за его борьбой с каменной глыбой. Шумно отдуваясь, поднял голову и только тогда ее заметил.

Дика удивленно уставилась на Тархана. Тот смущенно отвел глаза.

– Родник! – прервала она неловкую паузу.

– Что? – не понял он.

Дика кивнула в сторону воронки, оставленной камнями – из недр земли забулькала водица, несколько раз фонтанчиком весело подпрыгнула, проложила себе дорожку и, упиваясь обретенной свободой, растянулась, разлилась, наполняя воронку ледяной водой, чистой и кристальной.

Девушка наклонилась, набрала воду в бурдюк и протянула усталому парню.

– На, Тархан, выпей, попробуй вкус своей победы!

Вода была ледяной, даже один ее глоток утолял жажду.

– Надеюсь, Турпал-Кант теперь найдет свою любимую!

– Видно, уже нашел. Слышишь, как родник счастливо зажурчал! – засмеялась Дика. Эта история влюбленных была ее любимой сказкой.

Но тот не расслышал ее слов, в его сердце уже зазвучала волшебная мелодия любви – Тархан нашел свою любимую, свою прекрасную воительницу.

Время пролетело быстро, пришла пора попрощаться.

– Тархан, у меня к тебе просьба, – Дика в нерешительности осеклась на полуслове. – Даже не знаю, как ты это воспримешь.

– Сначала скажи, а там решим, – он никогда не видел ее такой неуверенной.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Ты не мог бы взять с собой Алмаза? – вкрадчиво попросила Дика.

Тархан был ошарашен такой просьбой:

– Чего?

– Прошу тебя, пусть он поедет с тобой в Сур-Корт, он так об этом мечтает!

– Да ты шутишь! – не поверил тот своим ушам.

– Мне не до шуток, – амазонка вскочила на коня.

– Да пожалуйста, хоть целое племя алмазов, – захохотал Тархан, представив недоуменные лица своих друзей.

Дика сердито рванула коня.

– Постой, Дика, – остановил ее юноша. – Прости, но ты тоже меня пойми, как мне с ним себя вести, и вообще, я едва его знаю... На каком языке с ним общаться? – Тархан уже был в замешательстве.

– Так ты согласен?

– Только ради тебя.

– Спасибо тебе, – радостно заулыбалась девушка. – Я его знаю, разве этого тебе недостаточно? Он будет ждать тебя на перепутье. Увидимся в Сур-Корте! – помахала маленькой ручкой и скрылась в густом лесу.

Тархан подъехал к указанное месту. Там его никто не ждал. «Решила подшутить надо мной, – подумал он. – Я тоже хорош, попался на удочку. Но она была так серьезна и сердилась так натурально».

Он возник перед ним бесшумно, как привидение. Это был настоящий витязь в отличных доспехах, на красивом лице черные густые брови с изгибом орлиного крыла, чуть продолговатый подбородок – статный, широкоплечий богатырь. Восседал воин на таком же богатырском коне, прямо как Турпал – конь Прометей – черный, густая грива развеивается на ветру, глаза сверкают огнем, нетерпеливо перебирает копытами.

– Приходи свободным, Тархан! Я Алмаз! – грудным голосом пробасил великан.

– Ты... ты... Алмаз? И ты умеешь говорить? – Тархан от удивления даже не ответил на приветствие.

– Конечно, я же человек, – улыбнулся тот, обнажая ровный ряд мраморно-белых зубов. – Спасибо, что согласился взять меня в попутчики. Дика много о тебе рассказывала. Надеюсь, мы подружмся.

Тархан, наконец, пришел в себя, ему стало неловко за свою оплошность.

– Подружмся, а как же иначе... ты уж извини меня, Алмаз... я растерялся...

– Я все понимаю, Тархан. Мне не приходилось жить среди людей. Поэтому я буду больше слушать и наблюдать, я не привык много говорить. Одним словом, тебе придется стать моим поводырем в вашем мире...

– С большим удовольствием, – с готовностью ответил Тархан. – Хотя могу тебя слегка разочаровать – этот поход для меня тоже в новинку.

– В любом случае, ты больше меня знаком с вашим миром... Одну минуту, друг, я скоро, – Алмаз слез с коня, пошел в сторону пещеры.

Он быстро вернулся, ведя за собой великолепного скакуна. Протянул Тархану поводья.

– Это подарок от меня, – добродушно заговорил он. – Это совсем не значит, что твой конь плох, просто он недолго выдержит твой вес. А наш путь не близок.

У Тархана перехватило дыхание – это был чудесный подарок. Сегодняшний день оказался полон сюрпризов. И самым большим приобретением для него стал Алмаз. Они еще не знали, какие перипетии судьбы их ожидают и сколько им придется перенести лишений, чтобы испытать и закалить свою дружбу.

Прохладный воздух всю ночь пролежал в сырых объятиях земли, обмякшей и изнеженной от весеннего тепла. Вдоволь насытившись, одурманенный ее влажными парами, с отяжелевшим брюхом тучно поднялся в небо.

Сорвавшийся с гор ветер не дал разбухшим тучам разрешиться дождем, он быстро погнал их на запад. Упылыло прочь зыбкое марево дождей, и яркие лучи солнца высветили чарующую красоту величавого ущелья.

Хан-Кала – знаменитая Сторожевая крепость, главные ворота к сердцевине мира нахов.

Словно два великана вздыбились над плоскостью щетинистые от леса горы – это и есть знаменитый Сур-Корт.

Хан-Кала, Сур-Корт...

История оставила здесь свои мрачные отпечатки. Столько воинов тут полегло, столько молодых жизней принесено в жертву во имя свободы. Каждая пядь земли, каменные утесы, дремучие деревья – немые свидетели жестоких сражений, вобравшие в себя победный клич и предсмертные стоны мужественных защитников. Деревья до сих пор вздрагивают листвой от глухого конского топота и стального скрежета булатных мечей, будто бессмертные души погибших вновь оживают в их могучих корнях и снова рвутся в бой.

Того, кому удастся одолеть Хан-Калу и Сур-Корт, можно смело считать хозяином этих необузданных гор и его свободолюбивых детей. Одним махом меча обезглавить двуглавую вершину Сур-Корта означало вынудить его воинственных сыновей склонить голову.

Но до сих пор никому не удалось сделать ни то, ни другое. Эти горы не нуждаются в господине над собой, а его дети не желают видеть в своем родительском доме ненавистного отчима. Вековые горы предоставили в их полное распоряжение свою каменную летопись, а девственные леса заботливо укрывают их от чужих недоброжелательных взглядов.

Сегодня сторожевая крепость Хан-Кала прямо бурлит жизнью.

Давно пора, а то от долгого бездействия она впала в ленивую дрему.

Воздух оглашается многоязычным говором. Все вокруг смешалось: лязг металла, ржание коней, громкие окрики, скрип тяжелых телег – все куда-то торопится, везде снуют юные оруженосцы. Воины щеголяют новыми доспехами, в отлитых до блеска щитах отражаются ослепительным светом солнечные лучи. Воздух наполнен приятным ароматом разных специй – в огромных чугунных котлах варится мясо, поднимая клубы сочных паров – готовится обильная еда для воинов. В огне костров громко трещат сухие ветки, от его дыма слезятся глаза.

Шум и гвалт стоит как на базаре. Здесь царила удивительная атмосфера восторженности, все дышало боевым азартом, каким-то юношеским задором. Казалось, они не ощущали на телах тяжелых доспехов, играючи орудовали мечами, металлическими палицами, боевыми топорами, размахивали длиннющими копьями.

Астамир тщательно скрывал свое волнение под непроницаемой маской хладнокровия.

– Тархан еще не показывался? – в который раз задавал он один и тот же вопрос подошедшему Лечи.

– Нет, – так же коротко отвечал тот.

– Может, с ним что-то по дороге произошло? Что еще могло его задержать?

– Не беспокойся, Астамир, он же не ребенок. Ему ехать издалека, они строили башню далеко в горах, путь не близок... А может, наша весточка запоздала. Но он знает нашу дисциплину, постарается прибыть вовремя.

– А что с твоим другом, с Кюри? Что-то он неважно выглядит, случилось что? – все замечает вождь боевой дружины, ничего от него не утаишь.

Леча взглянул на друга – тот уныло стоял в стороне, витая где-то в облаках.

– Ничего серьезного, – улыбнулся он. – Всего лишь сердечные раны, со временем заживут.

Как только Лечи получил указание Астамира прибыть в Сур-Корт, они вместе с Арзу сразу же бросились на поиски друга. Дядя уклончиво ответил, что не знает, куда ушел племянник: вооружился и ушел в ночь. Но друзья догадались о причине ухода Кюри. Он не хотел делиться с друзьями своим невыносимым положением в доме родственника, а они, в свою очередь, делали вид, что ничего не замечают. Нашли его на большой дороге, подавленного и удрученного исчезновением юной канатоходки. По описаниям Лечи и Арзу узнали ее в девушке, которую встретили по дороге в толпе вооруженных головорезов. Кюри еще больше приуныл. Но друзья успокоили его, обещав организовать поиск девушки, но сначала они должны немедленно выехать в Сур-Корт.

– Тархан прибыл, – зоркий глаз Арзу издалека заметил скачущего богатыря. – Но он не один, кажется – прихватил с собой такого же великана.

Друзья облегченно вздохнули. Теперь они спокойны, победа им обеспечена.

Осталось ждать почетных гостей. Они неторопливо подъехали к специально отведенному для них месту на возвышении. Среди них было много гостей, странные наряды выдавали в них чужеземцев.

– Скажи, Астамир, тот, с высокой чалмой на голове, кто он, откуда? – в глазах Кюри заиграли огоньки любопытства.

Арзу подмигнул Лечи:

– Наш друг приходит в себя!

– Я же говорил!

Астамир охотно ответил:

– Он из Египта.

– Выглядит грозно... даже свирепо.

– Ты слышал о мамлюках?

– Да.

– Так вот, он предводитель мамлюков, звать его Айбак. В своей стране он известен как бесстрашный воин, не знающий поражения. Говорят, даже царь Египта его побаивается, а весь его дворец он держит в страхе.

К Айбаку подошел статный молодой человек, встал за его спиной, зорко оглядывая ровную площадь для состязаний. Даже отсюда, на большом расстоянии, чувствовалась его мощная энергетика.

– Ух ты, а это кто? Он тоже из Египта?

– Да, он самый лучший из мамлюков, правая рука Айбака. О его исполинской силе ходят легенды. Говорят, он плавает, как дельфин, и своими силами тащит огромное судно в море.

– Вот это да! А как его зовут?

– Айбак называет его Биберд, а мамлюки дали ему имя Бейбарс.

– А я слышал от отца, что многие воины из состава мамлюков выходцы с Кавказа. В младенчестве они попадают к ним через работоторговцев. Говорят, на детей-горцев у них большой спрос, из них вырастают отличные воины, – сказал Арзу.

– Да, да, – Кюри уже окончательно пришел в себя, – я даже не сомневаюсь, что этот молодой мамлюк из наших, нохчо! Узнать бы его поближе, а, Лечи, такой друг бы нам не помешал!

Астамир сдержанно засмеялся, глядя на вмиг преобразившегося Кюри.

– Может, вы и правы. Среди мамлюков я тоже встречал немало кавказцев.

– А того, в середине, я знаю, видел его в Магасе – Роксалан-Бахадур, царь нашей Алании, – не без бахвальства сообщил Кюри.

Дали сигнал к началу военных игр.

Сюда съехались самые храбрые и искусные воины со всех концов страны, из разных племен. Они показывали высшее мастерство различной боеготовности: верховая езда, ближний бой на мечях, рыцарские поединки. Затем выступили с показательным построением: верховые всадники выстроились таким образом, что воины шли острым клином, врезались во вражеский строй, рассекая его надвое, заходя с тыла, и стремительно брали врага в окружение.

Как было бы здорово, если бы войны остались в игровой форме, как вот здесь, на площади, без всякого кровопролития, убийств, насилия! Вот так поборовшись, улыбаясь, расходились бы, пожимая друг другу руки.

К сожалению, человечеству еще далеко до этого.

Астамир очень доволен своей дружиной. Их выступление никого не оставило равнодушным. Особенно отличились Тархан и его новый друг. Они, словно нарты из сказок, без всяких усилий одерживали победу за победой над соперниками, при этом широко и добродушно улыбались.

– Из какого они племени? – молодой мамлюк рядом с Айбаком с большим уважением наблюдал за двумя богатырями. Биберд горел желанием испытать их силу.

– Они нохчи! – ответил ему визирь, молчаливо стоящий за спиной царя Алании.

– Откуда они? – Айбак тоже поражен этим зрелищем.

– Твой вопрос напомнил мне одну историю.

– И какую же?

– Персидский царь Дарий приказал построить на севере страны укрепление и поставить там стражу – по одной дружине от каждого народа и от каждого племени, населяющих этот край. Повеление было исполнено, и гонцы доложили об этом царю. Дарий со своей свитой приехал посмотреть на укрепление и стражу при нем – по одной дружине от всех народов, населяющих Кавказ. Несколько дней подряд наблюдал он за поведением воинов, за их выдержкой и стойкостью. Дружин, охраняющих укрепление, велено было не кормить, не менять и не поить их коней. Не прошло и трех дней, как дружины стали морально разлагаться: кто дезертировал, кто обменивал боевых коней и оружие на хлеб и вино, кто начал совершать грабежи и мародерство, нападая на мирных жителей. Но выделялась среди всех остальных своей дисциплиной, выдержкой и стойкостью одна дружина – дружина, состоявшая из нахов. Не сбавляя энергии, прыти и норова, она непрерывно занималась тренировками боевых коней, пуская их на короткие дистанции, испытывая свою ловкость

и умение владеть боевым оружием, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни каких-либо неудобств.

Видя их выдержку, стойкость и энергию, царь Дарий был в восторге.

Прошло семь дней и ночей, а дружина нахов все больше распаляется и вдруг, образовав круг, начинает боевую пляску, танец крепости духа и самообладания, затем пускает в пляс своих коней.

Восторгам царя Персии не было предела. Он подозвал своих военачальников и спросил: «Кто эти железные люди, что это за каменные люди, что это за негибачаемые люди, лишенные за семь полных суток всего того, что требуется для жизни, не сбавляющие энергии ни на минуту, когда все остальные дружины разбрелись, не выдержав голода, усталости и бессонницы?»

Вельможи ответили царю Дарию: «Это нахи, они живут на севере Большого Кавказа. Они таковы по своей природе».

– Нахчи жажхан! Турпал Нахчи! – воскликнул царь Персии. – Рыцари Великолепные!

С тех пор закрепилось за ними это славное имя – Турпал-Нохчий! – закончил визир.

Как бы в подтверждение рассказанного, в заключительном показе воины-нахи закружились в знаменитой боевой пляске – чагара-хелхар.

– Дарий был прав, они действительно Рыцари Великолепные! – не сдержался – старый вояка разбирался в военной доблести.

– Так и хочется пуститься с ними в пляс! – Биберд был сильно возбужден. – Вот чего нам не хватает, предводитель!

Среди них находился прославленный путешественник Юстиан, он тоже напряженно следил за каждым движением сильных воинов. Ученый мудрец повернулся к царю Алании, тот тоже заворожено наблюдал за ними.

– Скажите, ваше величество, в какой стороне расположена страна этих воинов? Они же ведь ваши соплеменники, не так ли?

– О да, конечно! – в голосе Роксалан-Бахадур чувствовалось огромное уважение. – Нахи занимают восточную часть Алании, они называют свою страну – Нашха-Мохк. Великодушие и благородство у них крови, а насколько они сильны и мужественны, вы сами видите!

– Узнать бы этот народ поближе! – мечтательно произнес Юстиан.

– Я тоже не прочь побывать у них в гостях, – изъявил желание и Айбак.

– Ну что ж, это совсем нетрудно, здесь присутствует сын их правителя, Шамшук, с ним и договоритесь о встрече.

Вдруг долина огласилась восторженными криками. Всадники дружно рассыпались, затем встали в ряд, уступая место новым участникам великолепного зрелища – на площади показались невероятно красивые девушки-мехкарий.

Сур-Корт взорвался громким приветствием:

– Слава мехкарий! Слава! Слава!

Гости так и ахнули от восторга.

– Как же они прекрасны!

– Талисманы наших гор! – Роксалан-Бахадур был невероятно горд за храбрых воительниц. – А ведь на вид никто и не скажет, сколько ловкости и силы духа в этих хрупких девushках! Настоящие львицы!

Мехкарий вихрем пронесли по майдану и ровным строем встали посередине площади.

Астамир поспешно подскакал к предводителю мехкарий. Она выделялась среди остальных более роскошными бронзовыми доспехами, но лицо было прикрыто золотым шлемом.

– Иштар, тебе не следовало приезжать, – укоризненно произнес Астамир. – Малх-Азни сама бы справилась.

– Не волнуйся за меня, Астамир, – мелодичным голосом ответила она. – Ламха в курсе, а мне так захотелось попробовать свои силы!

Астамир вернулся к своей дружине.

Давид сгорал от любопытства.

– Кто она?

– Талисман гор.

– Почему у нее лицо закрыто? – не унимался тот.

– Уродлива, вот и закрылась.

Давид безнадежно замолчал – из Астамира просто так слова не вытянешь.

Мехкарий блестяще показали свои военные навыки. Против них выставили опытную дружину из Магаса. Тархан и Алмаз узнали Дику. Она лихо гарцевала на коне, на скаку метко стреляла из лука, далеко бросала копья, в ближнем бою ловко отбила меч у соперника. Тархан переживал за нее, у него перехватило дыхание, на лбу появились капельки пота от волнения. Алмаз, наоборот, был абсолютно спокоен: видимо, для него ее битва не внове. Под конец, окруженные и обезоруженные, под дружный хохот зрителей, воины-магасцы сдались на милость очаровательных мехкарий.

– Мы просто загляделись на них! – оправдывались побежденные.

– Неправда, вы бились из последних сил, мы же видели!

– Друзья, я, кажется, уже убит голубоглазой красавицей, – шутливо схватился за сердце верзила.

Ближе к вечеру все закончилось. Над долиной, переполненной многочисленными воинами, воцарилась тишина. Внимание всех обращено к царю Алании.

– Правители племен, вожди, воины! Я собрал вас всех не просто так, ради праздничных увеселений... Над нашей страной нависла угроза войны, иноземные захватчики положили глаз на наши плодородные земли, на наши богатства, и культурные, и материальные... Девятнадцать лет назад эти варвары застали нас врасплох, мы не были готовы к этой битве, не было единства среди наших племен, поэтому мы понесли большие потери. Враг оказался хитрым и коварным... Теперь монголы снова приближаются к нашим границам, и я обращаюсь к вам с просьбой – будьте готовы к войне, не дайте врагу, как в прошлый раз, разъединить себя, только в единстве наша сила. Только так мы сокрушим любого врага!

– Мы едины!

– С нами боги!

– Мы не позволим врагу ступить на нашу священную землю!

– Смерть врагам!

Долина Сур-Корта вся затряслась от дружных выкриков и бряцанья оружия.

Внезапно небо потемнело. Тучи, предвестники дождей, стремительно обволокли небо, грянул гром, заглушая боевой клич «Орс-тох!», и холодный ливень дождя охладил пыл разгоряченных воинов.

Продолжение следует.

Перевод с чеченского автора.

Леча Абдулаев

Абдулаев Леча жимчоохъ, мукъамаиш язбеш, композитор хила ойла йолуш хилла. Ткъа поэзехъ къахъега иза университетан филологин факультет чекхъйаьккхинчул тлаьхъа волавелира. Цуьнан дуьхъарлера байташ зорбане евлера Тяхъа-Мартан кIоштан газетехъ.

Къоначу поэтан говзалла кхиарна беркате хилра Леча «Пхъармат» цIе йолчу къоначу яздархойн цхъанакхетаралле вар а, цуьнан балхахъ цо жигара дакъалацар а, шен говзали йовзуйтуш, кхечеран ериш йовиуш, йийцаре еи.

Оцу заманахъ Абдулаев Лечин кхоллараллин хьалхара жамI лара мегар ду «Сатийсамийн анайистаиш» цIе йолчу юкъарчу гуларехъ араевла стихаиш.

Царна юкъара «Пхъарматхошка» цIе ерг хIетахълерачу къоначу яздархойн махкана а, халкъана а хьалха долу декхарш билгалдохуш шатайна кхоллараллин программа яра, поэзин кепехъ язйна.

И стихаиш тлаьхъа араевлачу гуларина поэто юкъа ца яхийтинехъ а, тахана а шайн исбаьхьаллин маьIна лахдалаза ю.

ХIетахъ дуьйна поэто арахеца дуккха а гуларш: «Хьалхара тулге», «Орамаиший, тIемаиший», «ГIенах сан гIенаиш», «ХIолламаиший, кларлагIаиший», «Хьаржинарш». И хIора жайна поэто яьккхина поэзин лакхе ю, шен кхоллараллехъ хилла ца Iаиш, ерриге а нохчийн литературехъ а.

Шех къаьсттина къамел хила хьакъ ду Лечин поэзин исбаьхьаллех, меттан говзаллех, и мотт шорбеш, кхиош цо беш болчу балхах лаьцна а.

Тахана а, тIеюгIучу ханна а, махкана а хьалха лаьттачу декхарех йолу Лечин публицистика а, чулацамица, куц-кепаца керла йолу цуьнан проза а нохчийн литературехъ шайн лераме меттиг дIалоцуш ю.

Абдулаев Лечас нохчийн литературехъ хьобьгу беркате къа шен мехалла цкъа йовр йоцуш ду, цуьнан исбаьхъа стобьмаиш бехар бу нохчийн мотт а, литература а мел еха.

«Вайнах» журналан редакцис 65 шо кхачарца даггара декъалво Абдулаев Леча. Дала керл-керлачу говзаришца хьайн кхолларалла езачарна кест-кеста совгIатаиш дан могаиш-маьриша дуккха а вахавойла хьо!

«Вайнах» журналан редакци.

Гатлуш ма гат а ло-кх хьо, мерза са...

Нана, нана, нана,
Хьан воI къанлуш ву.
Сина паргIагьяла,
КхидIа къеж ма ло.

Гарехъ, дахар даьлла
Хьан сайидина, –
«Аьрха», «харцахъ» аьлла,
Хьан воI вийцина.

Дагна чемаш хоьржуш,
«Вуйлуш нахала»,
Ас кхин дан ца доьгIна
Мерза гIалаташ.

Зама аьлла яьлла
Эриг замано.
Нисйи цо сан амалш,
Шарди аматаш.

Къоначарна аьлла,
Дан сан хьехар ду...
Нана, нана, нана,
Хьан воI къанлуш ву.

ХIун дер, ткъа? Дерриг ду нийса.
Дерриг ду ша хила деззарг.
Вай гуттар Iере сатийсарх,
Дика цкъа дIадаха деза.

Цунах а хир вац, цхъа дика,
Гуттар а 1ен веъна хъаша.
Д1адобдуш ца хилча дика,
Вуо а хир дара 1ен маърша.

Чудирзина чудерза мел дезарг,
Чу ца ерза, яха г1арг1улеш.
Сан а х1ума дац кхин араыйза,
Маълхан, беттан рожехъ г1аролдеш.

Со д1авуьсу х1инца беа пенна,
Тхевнах тешош деган сийна г1аш.
Собца дуьсу и сан маълхан г1енаш,
Тхига, баце сан сатийсамаш.

Хаъа, юхайог1ур юйла б1аьсте,
Юхайог1ур юйла г1арг1улеш,
Амма вац сан цкъа а, царах къаьсташ,
Уьш кхин суна гур ю ала, теш.

Деган шо сайн г1арг1улеша долош,
Г1арг1улеша дерзадеш и д1а,
Х1оразза а, ваха юкъахволуш
Санна, доккху ас т1едог1у 1а.

Д1авахнарг вуьсучохъ виса,
Цкъа со а д1аг1ур ву ваьлла.
Хиндоцче эрна сатийсар
Цу новкъахъ сол хьалхадаьлла.

Дезарг, и дезарна, деза,
Дезарна кхин ял ца лобхуш.
Бацалахъ лепа и зезаг,
Зевне йиш, д1о-о геннахъ лобкху;

Кора к1ел заздаьтг1а лайлак,
Бетгасих бухьюьйлу буьйса -
И дерриг, со диъна, лайна
Валарх а, жобра ца дуьсу.

Х1етте а, ловш дегаэшам,
Цхъаь хир ду-кх, вайн даге хаттахъ,
Дуьсушдерг вайх дисарх тешар...
Хир ду и – вайна кху лаьттахъ,
Ваьш доцуш иза мел лаьтта,
Ваьш дагадог1у дог эшар.

Мархаш, дашал язъелла,
Лаьтта стиглахъ сарралц,
Логехъ эккха кечбелла
Велхаран къурд санна.

Я ца хуьлу йочана,
Я ца йолу екхна,

Малхах хъаьгна волчунна
Меттиг боцуш эккха.

Йоцуш йовха я шийла,
Бодане я сирла,
К1еза санна, дашийна,
Са а ц1ийза кийрахъ.

1а д1адаха, д1адолуш,
Б1аьсте яц-кх схъахуьлуш.
Хаац суна, х1ун олу
Шеран х1окху муьрах.

Ткъа дог духу-кх, духу, цхъа
Б1аьсте йолуш хала,
Йог1ур юйла хуушшехъ,
Йог1ур йоцуш санна.

Добшу сайн цкъа мацах яздина илли.
И тахна иштта ца яздан мегара.
Амма ас цхъа дош ца хуьйцу цу т1ера,
Цкъа мацах яздинарг дуьгу ма-дарра.
Хьобжу сайн цкъа мацах
даьккхинчу суьрте.

Со тахна иштта ца хъежа мегара.
Далла бу хастам,

и хийца йиш йоцуш-м,
Даим а хир долуш х1инца ма-гарра;
Сурта т1ехъ мукъне а и ехар йолуш -
Б1аьстенна биллинчу б1аьргийн
хьогалла...

Саца, м1аьрго, хьо исбаьхъа ю!
И. Гете

1аьнан а хуьлу шен
малх кхетта денош,
Наггахъ кхуссу сенчу гаьн т1е луо а.
Х1ора де а дог1ур дац дог делош,
Хуьлуш дац я гуттар лаьтта вуо а.

Хийцам бохуш, хьийза горга дуьне,
Темаш, весаш – ший а ду шайн ц1ера.
Шина а кедан барам деши дуьллий,
Ца нисдо шен терза дашопхьеро.

Б1аьрг боьлхучун
б1аьргах дериг а ду-кха
Б1аьрг боьлхучун
б1аьргах доллу б1аьрхи.
Дерриг тайна цхъана а дас ца дуу...
Вахар ша ю цхъа исбаьхъа м1аьрго!

Дог 1ехадо хазахетаро,
Г1аьхьало йоцуш дуй хаарх.

Ларамза вай вовшахкхетар а
Цхъаь дара – вай къаста бахъна.

Хаза глан гленах а дезало,
Хьо сацо лабара лаа-м,
Амма, глан цкъа хада дезарна,
Йитира боцуш дегбаам.

Тлехтилла хьо хазаетар...
Масане тили цул тлаьхъа.
Хьо ас а йицйира хлетгехъ,
Вицвина хир вара ахъ а.

Ткъа тахна ца йолу тлаьхъара,
Дуьхъал ван сан некъ ца хилча...
Дуьнен тлехъ хьо йоций хааро
Хьо йицъян ца вуьту хлинца.

Меллаша не1 йоьллуш,
цхъа хаза чуер ю хьо.
Ас къахкор дац хьуна
и хьобца чудеьна х1уо.
Эхарган марзонех рузбанан
и деза ч1аг1дарш
Тховсенна дуьту ас.
Вайн не1арш, кораш тлеч1аг1а.

Ойланна хилахъа полланан
т1омал а яйн.
Шок тухург х1оттабе пилта
т1е чай кхехкон яй.
Чайнан яй кхехкачу юкбанна
хилахъа юххехъ,
Йолало, т1едухий вайн
ц1ахъ хьо ц1ера ен духар.

Турпалчу дагна а
ма лаба цкъа 1ехадала.
Ва, дукхаяхарг,
хъан дерриг ду сан сина дала:
Цхъа пхьег1 екае,
ц1овзийта ц1енкъара у –
Моттийта кху ц1ен тлехъ
миччахъ а хьо цхъанхъа ю.

Саххийза. Стенна саххийза?
Сагатло. Стенна сагатло?
Хетало, б1аьрга буй ххийзош,
Седарчий белхар до батто.

Цицигах хьекхало когех,
Бер санна, схъа мара хьерча

Мела х1уо. Хьесталун х1уо гой,
Когаш тлехъ ийъало хьечаш.

Чилланаш цкъар хеза уллехъ,
Д1анехъо бух1а а ека.
Сан хьеший, жим-жимма гуллуш,
Схьагулло, сан г1айг1а екъа.

Беттаса хьалхачул б1аьрла
Схьакхета. Кхойкху д1о-о борг1ал.
Тлаьххъара бецан хал аьлла
Сан хьеший набарах бовлу.

Со-суо цакхетачух кхетий,
Сан г1айг1а д1аьбцу ерриг,
Суна сайх царах цхъаь хеттал:
Гаьннех – га, бецах – цхъа хелиг...

Гатлуш ма гат а ло-кх, мерза са,
Юткъалуш ма юткъало хьо,
сема ойла...
Юха а хила там ма бара са, –
Юха а хилла хъан – цхъа дика гойла.

Х1етте а сецна ю моттало хан.
Бухара д1адоьду моттало латта.
Хъан шовкъаш ца юьсу харца а ха.
Я лобхург ца дуьсу, дуьнене хатта.

Бутт а лей, ца дузу хъан беттаса.
Малх а лей,
ца дов хъан тевжийла, 1ойла.
Эх1, ша а тоьаш ду гатделла са.
Дог делхо, тоьаш ю юткъаелла ойла.

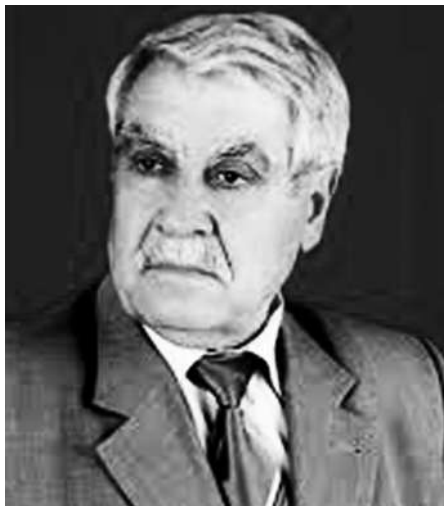
– Х1унда? – ма хеттахъа.
Х1ун жоп ду сан?
Цамгаран ц1е хиьча-м,
ден дарий дарба.
Ша гатлун дела, д1агатло-кха са.
Цунах а веза хир-кх цкъа доггах 1аба.

– Х1унда? – ма хеттахъа.
Х1ун жоп ду сан?
Х1ун ала деза вайн жимма дог айъа?
Парз хилла доцушшехъ,
гатдечохъ са –
Вай ийриг хир ю-кха
цхъа суннат г1айг1а.

Салих Гуртуев

Ровно пять лет назад на страницах нашего журнала мы отмечали 75-летний юбилей балкарского поэта и переводчика Салиха Султанбековича Гуртуева. В этом году Салиху Султанбековичу исполнилось 80 лет. Искренне и от души поздравляем юбиляра с этой датой, желаем ему еще многих лет жизненного и творческого долголетия и верим, что отмечать юбилей классика северо-кавказской литературы и друга нашей редакции станет у нас доброй традицией.

Ниже мы представляем подборку стихов Салиха Султанбековича и статью министра информации Республики Беларусь Александра Карлюкевича, которую он любезно предоставил нашему журналу.

Погибшим на войне

Вы те, которым еще долго-долго
Жить надо бы под звездами страны,
Но рано ваша кончилась дорога,
Мечта ослепла в пламени войны.

Не наглядевшись в глубину их, были
Оторваны вы от любимых глаз.
И мы сейчас глядим в глаза любимых,
Что и увидеть не успели вас.

Оставили стихи, не дописавши,
На полпути вы, как сердца свои.
Хотели б мы стихи продолжить ваши,
Но сможем ли писать мы так, как вы?

Вы на конях, что искрами сверкали,
На свадьбах появлялись бы не раз...
Сумеет ли сказать, как вы сказали?
И скакунов тех нет уже у нас.

Душой своей вы все в грядущем были,
Но не успели песни завершить...
Сумеет ли любить, как вы любили?
Сумеет жить, как вы умели жить?

Святое заклинание матери

Земля моя все тяжелей вздыхает.
Душа моя, тебе покоя нет.
Упал ребенок.
Женщина чужая

Кричит: «Где мама?»

«Здесь я, здесь!» – в ответ.

У времени конца нет и начала,
За днем ушедшим новый день встает.
И, видя это, мать моя сказала
Святое заклинание свое.

Но прежде мать испуганно взглянула
На мир, в котором дракам нет конца,
Где вековое дерево согнулось
Под натиском железа и свинца.
Чаши весов.

На них одновременно
Грудь матери и Жизнь сама – легли.
И эти чаши замерли мгновенно –
Друг друга перевесить не смогли.

В темнеющие дали с содроганьем,
Как много лет назад, смотрела мать
И мне свое святое заклинанье
Негромко продолжала повторять:
– Надежды тень светла, она спустилась
В ущелье над бурлящею рекой.
Пусть девушка,

что нынче не влюбилась,
Тебя полюбит завтра всей душой.
Опять люблюсь я вершиной белой,
Что птицей устремилась к небесам.
Тот, кто вчера кому-то больно сделал,
Пусть сегодня обожжется сам.
Богатства мира, все богатства наши
С тобой сравню ли, добрый человек.
Пусть землю

буйвол времени пропашет,
Похоронив людское зло навек.

Добро – оно рождается на свете
 Любовью, без которой все умрет.
 А мужество – и в нас, и в наших детях
 Пусть рядом с добротой всегда живет.
 Земля, хотя заботы неизменны,
 Следи за сердцем трепетным своим.
 Сбережь его должна ты непременно –
 Оно необходимо всем живым.
 Упал ребенок. Женщина чужая
 Кричит. Спешит ему на помощь мать.
 Если Земля споткнется, я не знаю –
 Кому кричать? И как ее спасти?
 Пускай исчезнут ссоры, войны, голод.
 Пусть не горит Земля людей в огне.
 Страна моя, чей символ –
 серп и молот,
 Пусть вечно остается на коне.

Страна любви

1

Медее

Кто велел мне: «Камень оживи!
 Солнцу уподобься в небе синем!
 Ты теперь навек – в стране Любви,
 Ну, а в ней всяк любящий всесилен!»?

Может, сердце? Только в нем одном
 Вечно расцветают государства
 Истинной Любви, хоть живы в нем
 Те, кто полон Злобы и Коварства.

Разве знает кто: когда ей срок,
 Где, кого она порой застигнет,
 Ибо в сердце, этом древнем тигле,
 Жив ее бессмертный огонек.

Что там я один, когда весь мир,
 Заглянув в ее глаза однажды, –
 Мир прекрасен или мир не мил, –
 Все едино: сохнет, как от жажды.

Кажется, порой, иным она,
 Дарящая горе иль блаженство,
 Что несовершенства вся полна,
 Или же, напротив, – совершенства.

На нее нельзя со стороны
 Поглядеть, чтоб дух не захватило,
 Как глядим на звезды, диск луны,
 Или же, зажмурясь, на светило.

Кто бы ни вершил там приговор,
 Нежный и жестокий в то же время,
 Как когда-то вдел он ногу в стремя,
 Так и скачет по стране с тех пор!

Та страна! Кто к ней с добром – входи:
 Бел в ней путь, как вечный снег
 Эльбруса...
 Ожидает только впереди

Поражение – гордеца и труса.
 То стремятся все к ней, даже те,
 Кто не знает, что стремится тоже:
 Вдруг увидит и – мороз по коже

От прикосновенья к красоте!
 Сложная и яркая страна.
 Да, под стягом страсти и величья
 Испокон веков живет она,

Принимая разное обличье.
 Ни мгновенья в жизни без борьбы!..
 Но, из поколения в поколение,
 Есть здесь – добровольные рабы

И рабы по слабости и лени.
 Если так, то почему всегда,
 С ног сбиваясь, среди дня и ночи
 Каждый устремляется сюда,

Хочет он того или не хочет?!
 Мне сказали бы: «Возьми и правь!
 Стань мерилом разума и воли!..» –
 Отказался бы от всяких прав,
 Чтоб не стать причиной чьей-то боли!

2

Может, это все – одни слова?..
 Только мне сквозь гул разноречивый
 Ближе – ясноглазая молва
 О стране прекрасной и счастливой.

О стране, где солнце и земля
 Служат тем, кто все пройдя напасти,
 Горести и радости деля,
 Познаются испытаньем счастья.

У богатства там свои черты:
 Там навек живут, с любовью слиты,
 Высота сердечной доброты,
 Широта душевности открытой!

Колесницей служит там луна,
 Солнце же – сиятельный возница!..
 В миг, когда гляжу в родные лица,
 Мнится: в их сердцах живет она,

Та страна!.. О Жизнь, благослови
 Путь мой к тем высотам и глубинам,
 Чтоб и я мог стать в Стране Любви
 Рядовым хотя бы гражданином!

Балкарская мать

Когда от горя волосы секлись
И виделся родной аул в разлуке,
Она в тоске не проклинала жизнь,
В беде не простирала к небу руки.

Просила только счастья для детей,
Как все другие матери-горянки.
И годы слез не отняли у ней
Ни мудрости, ни княжеской осанки.

И пела песнь балкар, и шерсть пряла,
Судьбою обделенная дарами,
Она других жалела и была
Душой с осиротевшими горами.

Начертанного свыше на роду
Не миновать...
На радость, на беду ли
Ждала вестей от мужа в том году,
А он в бою погиб от вражьей пули.

Бредут натужно времени волны,
Нагружены ольховыми жердями,
А на лугах зеленые валы
Высоких трав ждут
встречи с косарями.

В лесу

Я тосковал по лесу – я в лесу.
И капля с ветки падает за ворот,
Хожу, гуляю, веточку трясю
Под каждым деревом забываю город.

Пронесся дождь, и в воздухе сыром
Свежей лицо листвы, узнавшей отдых,
И в небе вдруг родится адский гром,
Чтоб умереть на дальних огородах.

Промокший лес стоит вокруг меня.
Среди него я сам стою промокший.
И, капельки с листвы не оброня,
Мне машет дерево
веточкой продрогшей.

Ведь я пришел сюда без топора,
Но – со стихами
здешними, быть может,
И листья прошлогодние с утра
Моя нога по-дружески тревожит.

И мокрая тропинка – что клубок:
Разматываясь, катится восьмеркой,

И падает под горку из-под ног,
И вдруг взлетает
вновь над ближней горкой.

В лунную ночь

Мне двадцать лет исполнилось.
И ночью
Луна плыла сквозь голубую мглу, –
Как будто ртуть катилась по столу.
Прислушался, а сердце песни хочет.

Луна глядит на звездную отару
У края тучки, как чабан с бугра;
Подставь ладони, и она, щедря,
Тебе хрусталь преподнесет в подарок.

Она лучами тонкими, косыми
Строку стихов у многих залила,
В балкарскую поэзию вошла,
Воспетая в простых стихах Кайсына...

Мне кажется, и я луне обязан:
Она мне дарит целых двадцать лет
Свой – для поэтов
и влюбленных – свет,
А я о ней не написал ни разу.

Прими мой стих. Меня ты охраняла,
Когда я был беспомощен и мал.
Ты тьму гнала, чтоб я спокойно спал,
Укутан в лунный свет, как в одеяло.

Ты знала, потому и тьму гнала ты, –
Чтоб я спокойно жил, спокойно спал,
Смертельный бой в то время бушевал,
И шли в крови бессмертные солдаты.

Тебе бы озарять не реки крови –
Глаза влюбленных,
слушать гул сердец...
Себя для нас, не пожалев, отец
Остался тоже там, на поле боя.

Прекрасен мир под мирною луною,
Но память болью до сих пор полна.
В почетный караул встает луна
Над скорбными могилами героев.

Во имя тех, кто пал в бою сраженный,
Подлунный мир,
не дай греметь войне,
Чтобы стихи писались о луне,
Лишь как о спутнице
одних влюбленных
И как мечта о лунной целине.

Александр Карлюкевич

«Я славлю народ мой, не сдавшийся бедам...»

28 мая 2018 года исполняется 80 лет со дня рождения известного балкарского поэта и переводчика Салиха Гуртуева. Родился кавказский мастер стихосложения в селе Белая Речка. Неподалеку от Нальчика. Школу окончил в Средней Азии, где вместе со своим народом был в ссылке. «Соки живые свой бег замедляют в стволе./ Дереву снится: оно засыхает, гниет./ ... Мартовской ночью не слышно ни звука в селе./ Год до Победы. /Выслан балкарский народ». («Сон кизилового дерева. 1944», перевод Аркадия Кайданова).

В дополнение к страданиям народа, вызванным довоенными репрессиями 1920 – 1930-х гг., свою печать на судьбу балкарцев наложил период Великой Отечественной войны. С 24 ноября по 4 декабря 1942 года части НКВД под предлогом борьбы с бандитизмом с Черекском ущелье расстреляли сотни мирных жителей. Были среди них – старики, женщины, дети. Были сожжены несколько сёл (в частности, Сауту, Глашево и другие). А 8 марта 1944 года... Впрочем, сначала дадим слово поэту Салиху Гуртуеву:

Март сорок четвертого был словно сель:
Безжалостный, бешеный черный поток –
Вагон за вагоном, от отчих земель,
Не камни, но целый народ – на восток...

8 марта 1944 года по ложному обвинению в пособничестве немецким фашистам балкарский народ был принудительно переселен (а точнее – депортирован) из мест своего постоянного проживания в Среднюю Азию и Казахстан. Балкарцев по прибытию в другие советские республики расселяли среди местного населения – для быстрой ассимиляции. И это в то время, когда более 15 тысяч балкарцев сражались на разных фронтах Великой Отечественной... Когда балкарцев представляли к званию Героя Советского Союза. Лётчик-истребитель Алим Байсултанов получил Звезду Героя за бои на Балтике. Посмертно (погиб в 1943 году) представлялся ко второй Звезде. Но «не пропустили» – уже шла депортация. И, конечно же, балкарцу просто не могли позволить стать дважды Героем Советского Союза. Пусть и после смерти... Балкарцы сражались в партизанских отрядах на Украине (в партизанских соединениях Ковпака, Федорова, Медведева) и в Беларуси, воевали в итальянском и французском Сопротивлении, защищали Брестскую крепость (известны имена более 20 участников обороны Брестской крепости)... Пройдет время – и Салих Гуртуев напишет поэму «Алим», посвященную отважному летчику, погибшему за Ленинград.

Алим! Сквозь года
ты приходишь к нам снова и снова.
Ты видишь: беда –
ты не встанешь за спину другого.
И солнце взойдет –
каждый листик в лучах его светел...
Свободен народ –
даже смерть – что в сравнении с этим?!

(Перевод В. Торопыгина).

28 марта 1957 года Указ Президиума Верховного Совета СССР принял Постановление о восстановлении государственности балкарцев и возвращении

прежнего названия республики – Кабардино-Балкарская Автономная ССР. Балкарцам разрешили вернуться на прежнее место жительства. Тысячи людей остались лежать в земле Казахстана, Средней Азии. За годы депортации тысячи балкарцев умерли от голода...

С этой непреходящей болью вернулся домой и Салих Гуртуев. После возвращения из ссылки молодой человек поступил в Кабардино-Балкарский педагогический институт. Окончил его в 1963 году по специальности «преподаватель балкарского и русского языков и литератур».

Поэзия, литература и стали главным смыслом всей жизни талантливого сына балкарского народа. Я заглядываю в его большой том поэтических изысканий «Сон кизилового дерева», вышедший в московской «Художественной литературе» в 2010 году, и думаю о том, что Салих Гуртуев пишет всю свою жизнь одно стихотворение или одну поэму. И в этом одном произведении отражается судьба его великого, богатого на исторические традиции народа. Даже, если он пишет свой цикл «Из польской тетради», даже, если в цикле стихотворений «Югославия, я твой гость» обращается к классику сербской поэзии Изету Сарайличу. Всю свою творческую жизнь он, Салих Гуртуев, выполняет данный однажды самому себе наказ:

Поэт, тебе легла на плечи ноша –
И ты ее несешь весь век один.
Иной увидит путь не дальше носа.
Твой взгляд – орлом взлетает до вершин.

О, это нелегко – идти над кручей
И быть с горячим солнышком на «ты»,
Оставив над ближайшей черной тучей
Друзей – на полпути до высоты.

Поэт, когда судьба к тебе сурова,
За луч, как за соломинку держись!
Вершина – место испытанья слова,
А сроком испытанья служит жизнь.

Поэт, поэт! Твой пульс – обвалы снега.
Твое дыханье – ветерок весны.
Твой компас – все распахнутое небо,
В котором бьется стрелочка сосны.

Поэт, ты пой весну, пока поется,
И верно горной тропочки держись.
Но если стих в душе не отзовется,
Напрасно прожил ты и день, и жизнь!

(«Поэт», перевод А. Щуплова).

В 1986 – 1991 гг. Салих Гуртуев возглавлял Государственный комитет Кабардино-Балкарской Республики по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Наверное, в те годы и созрела реализованная позже идея создания межрегиональной организации «Клуб писателей Кавказа», первым президентом которой и стал балкарский поэт. Если быть более точным, идея создания Клуба писателей Кавказа принадлежала другу и коллеге Салиха Гуртуева – чеченскому писателю, поэту и драматургу Мусе Ахмадову. С предложением о необходимости создания Клуба Муса Магомедович выступил в 2008 году на форуме северокавказских писателей в Грозном, который проводился под эгидой журнала «Дружба народов». Организация сплотила вокруг себя многих мастеров художественного слова буквально

из всех регионов Северного Кавказа, из Грузии, Азербайджана, Армении. Конференции, творческие вечера, чествование писателей-юбиляров, издание книг, литературных альманахов, организация художественных переводов – и это далеко не весь спектр инициатив Клуба писателей Кавказа. Салих Гуртуев – в самом эпицентре этого общественного творческого объединения. Сегодня президентом Клуба является народный писатель Чеченской Республики Муса Ахмадов. Предложение по его кандидатуре внес Салих Гуртуев, который все равно остался почетным президентом Клуба писателей Кавказа. Балкарский поэт много и настойчиво занимается переводами поэзии народов Кавказа. Постоянно поддерживает связь с чеченскими поэтами. Недавно издал сборник авторских переводов чеченской поэзии на балкарский язык – «Наши спутники» (2017 год). Презентация этой книги настоящего друга чеченских писателей прошла и в Грозном.

В статье о творчестве поэта младшего поколения классик балкарской литературы Герой Социалистического Труда Кайсын Кулиев еще в 1982 году (почти четыре десятилетия назад!) написал: «Поэты, которым сейчас от тридцати до пятидесяти лет, умножая открытия старших мастеров, много сделали для сегодняшнего расцвета балкарской поэзии. Это касается в одинаковой мере содержательности произведений, их идейной глубины и совершенства формы. К этому поколению относится и Салих Гуртуев. О мере талантливости Салиха, разумеется, убедительнее всех наших слов скажет сама его книга, являющаяся самым правдивым свидетельством. Так обстоит дело с книгами любого автора. Гуртуев уже внес свою долю в родную поэзию, но мы верим и в то, что его лучшее слово и самые зрелые песни еще впереди. Характером, так же необходимым поэту, как и талант, Салих не обделен. Есть и знания, которые он, надеемся, будет умножать. Дело поэта требует от него постоянно быть в движении, в поисках. Гуртуев, судя по его книгам, понимает это. Непокой – неизменное состояние тех, кто хочет быть верным назначению поэзии. Мне кажется, что Салиху присуще и это. Он в таком возрасте, когда необходимо умение в полную меру и мудро пользоваться всеми своими творческими возможностями. Поэзия любит беспредельную преданность ей...»

И в этой преданности поэт Салих Гуртуев, балкарец по национальности, проявляет свою гражданскую сопричастность со всем миром. Читаешь его поэму «Первая чеченская» – и невольно перелистываешь в памяти прошедшие времена, невольно проходишь дорогами испытаний других народов, а на самом деле – дорогами испытаний мира, испытаний планетарного гуманистического мышления. Думаешь о том, кто окажется сильнее в этом столетии – война или мир? Кто выстоит в противоборстве, в сражениях зла и добра? Балкарский поэт Салих Гуртуев живет, ежечасно трудится в Поэзии, чтобы выдержал, выстоял, одержал победу Мир. Трудится и пишет прямо, не сгибая спину, не склоняя голову, не опуская в землю взгляд... Потому и имеет право на строки, прозвучавшие в поэме «Первая чеченская»: «За то, что не погиб, прошу прощенья,/ хотя какой в прощенье этом толк?!/ Кровь пролитая требует отмщенья,/ и в человеке вновь проснулся волк!»...

*Драматурги***Ахмадов Муса****Сатийсаман берд**

Драма-кица

Дакъалоцури:

Къано
 Поэт
 Толамхо
 I глаттамхо
 II глаттамхо
 I стаг
 II стаг
 I зуда
 II зуда
 Tевеънарг
 Нах

I сург

КЪАНО. Ма дукха шераш дIадевлла, тхо дехаш, орамаш хедда, цкъа цхъана махо цхъана агIор дIадубгущ, юха вукху махо кхечу агIор дIадубгущ, цхъанхъа а тIетовжийла йоцуш, тхо хIокху кегарийн, хъаьгIнийн, цатешамийн хIордахъ деха... Орамаш хедда, уьш кIорга тосийла а яц, нагахъ къам хи тIехъ дехаш хилча... Оьшург тешаман берд бу, нехан дегнашкахъ доггах Делах тешаш хиларан берд бу. Муха кхочур ву цу берда тIе... Суна хаъа цу тIе воьду некъ, амма сан хъекъал а, говзалла а ца тоъа адамаш цига дига...

Гучуволу Поэт...

ПОЭТ. Де дика дойла хъан, воккханиг.

КЪАНО. Воккханиг аьлча а, къанвелларг ву-кх со...

ПОЭТ. Суна воккха ву-кх хъо хъайн хааршца а, хъайн шерашца а... Шайна хаахъара хъо мила ву, со санна хъоьга ладегIа тIегIертар дара адамаш... Амма адамашна ца оьшу кхетам, адам хъаьддий-деддий лела, вовшашца къийсалуш, кху махкахъ девлла стоьмийн дитташ шений, шений доладаха гIерташ, уьш вайн генарчу дайша юьртана юкъара доьгIна хилар дицдина.

КЪАНО. Соь ладогIа лууш нах кIезиг бу. Со дукха жима волуш суна, баккхийчара дубйцуш хезна, вайн кема берд болчу кхочур дац, хIоранна а шен дагчохъ берд ца карабахъ... ХIоранна а берд каруо аьтто бер бу, нагахъ иза доггах Далла Iамал еш, шен Iамалшкахъ дикчу гIиллакшакахъ алсамвалахъ... Цуьнан ойлаеш стаг а вац... Массо а шен-шен меттиг алсамъяккха гIерта, шашь хIорда юккъехъ хилар дицдина.

ПОЭТ. Лами боцчу тхов тIехъ ву хъо,
 Кема доцчу хIордахъ ву хъо,
 Серло йоцчу хъуьнхахъ ву хъо,
 Серло еха Везчу Деле.

КЪАНО. Ма говза аьлла ахъ иза. Иштта хъайн байташ ешахъа... Нахана кест-кеста...

ПОЭТ. Кху дубьненан букъах тассал орам,
 Синтеме хан оьшу къомана.
 И хан яккха аравала хIора,
 Iама лара, вовшийн кхоамбан.

КЪАНО. Лаятгах орам таса, цкъа лаятта тле длакхача деза.

Оцу хенахь гловганаш йовлу... Гучубовлу Глаттамхой...

І ГІАТТАМХО. Мичахь ву иза, и къанвелларг?

ІІ ГІАТТАМХО. Мичахь ду и къанделла дитт!...

ПОЭТ. И хІун гловганаш ю аш йийраш? И хІун жІалин мотт бу аш буйцуруш?

І ГІАТТАМХО. Оха бийца хъакъболу мотт буйцу!

ІІ ГІАТТАМХО. Тхуна кІордийна цуьнан бага хьобжуш Іизн! Цъхаь дан деза.

ПОЭТ. ДІадовла кхузара, воккхачуьнца и тайпа къамел дан мегар доций ца хаь шуна?

ІІ ГІАТТАМХО. Мегар ду! Къамелаш дан а мегар ду. Тхо-м къамелаш дина а Іийр дац.

ПОЭТ. ДІавала кхузара, ма ле суна дуьхьал, со хъайн воккхаволу ваша хилар дицдина ахь!

ІІ ГІАТТАМХО. Ваша?! Ваша цІийца верг вац, ваша сан санна ойланаш ерг ву. ХІара ву-кх сан ваша. (Вукху глаттамхочун тле пІелг хъажабо).

ПОЭТ. Хьо юьхь Іаржо! Хьо эхь! Къайлавала кхузара!

І ГІАТТАМХО. Къайла хъаха воккхар ву хьо оха! (Поэт схьа а лоций, юьстах кхуссу).

КЪАНО. ХІун диэ боху аш, вайн гонах хІорд хилча?

І ГІАТТАМХО. И дика хаь тхуна а... Хийца деза гІайрин тІера Іедал...

КЪАНО. Стенна йо аш гловганаш... Сан карахь цъха а Іедал а дац, хІара сан карара цъха гІаж йоцург... Іасанна метта ас лелош, вайн гІайрин ерза еза некъ гойтуш... лелош...

ІІ ГІАТТАМХО. Схъаян и Іаса, схъаян!.. Тобар ду ахь хІинцалц гайтина некъ...

І ГІАТТАМХО. ХІинца ас лестор ю хІара, сайн луьчу агІор...

ІІ ГІАТТАМХО. Схъадуйла, адамаш, шайна луьург диэ... Вай хІинцалц охъанехъа ихнехь, хІинца хъаланехъа обхур ду вай. Нийса ихнехь, раз обхур ду, ирхнехъа ихнехь, пурх обхур ду...

І ГІАТТАМХО. ХІаь, иштта, ирх-пурх, хъала-охъа, дІа-схъа, хІинца гонаха...

КЪАНО. Схъая и гІаж... Мегар дац... Иштта агІонаш хийца... ГІайре хІаллакхийр ю аш...

ІІ ГІАТТАМХО. Хуьлда кхунах, кху гІайренах, кху дуьненах хила доьгІ нарг... КІордийна хьо а, хъан гІаж а...

І ГІАТТАМХО. Маршо! Маршо!

ІІ ГІАТТАМХО. Схъадуйла, адамаш! Схъадуйла, маршо яьлла, маршо!

КЪАНО. Схъаян и гІаж...

І ГІАТТАМХО. Схъадуйла! Схъадуйла! Шух, халкъах, лачкъийна латтош къайле хилла хІокху къанвеллачун! (Нах схъахьовду...)

І СТАГ. ХІун къайле? Яста иза...

ІІ ЗУДА. Суна хаа-м, хъаха, хаьара вайх цъхаь кхара лечкъадойла.

ІІ СТАГ. Гучуяккха къайле, гучуяккха!

НАХ. Гучуяккха... Къайле гучуяккха!...

І ГІАТТАМХО. Къайле иштта ю... Шуна моттту хир ду вай тле Іаш дерг латта ду... Дац!... Вай тле Іаш дерг я латта а дац, я гІайре а яц... ХІара суна хІун ю а ца хаь...

ІІ СТАГ. Хъалха а ца кхийсалуш, Къаночуьнга алиьта.

КЪАНО. Сол хъалха баьхначара дийцарехь, цъха хан еана хилла вайн къомана юкъара ийман, эхь дІадаьлла, уьш дицделла... Наха шайн дан деза гІуллакхаша дитина, ялта ден дезачара ялта а ца дуьйш, бежнаш Іалашдан дезачара уьш Іалаш а ца деш, адам акхадаьлча, хІара мохк кхечу лаятгах хаьдда пана хІорда чу дІабахана... ХІетахь дуьйна иза, и жима гІайре, лаятгах тесна орам а боцуш, хІорда чухула дІасалелаш ю... Иза иштта лелар ю доккхачу лаятта тІетовжа

берд шена карабаллалц... Иштта дуйцу наха. Наха хетарш дуйцу. Бакъдерг хууш верг цхьа Дела ву.

I ЗУДА. Муха берд боцуш? Муха орам боцуш г1айре ю?

I СТАГ. И бохург х1ун ду? Шена луучунна дуьне мел ду д1а а ваьлла, д1аваха йиш яц ткъа?

II Г1АТТАМХО. Яц... Гонаха х1орд бу... Я х1ара г1айре а ю аьлла ца хета суна... х1ара доккха ширделла х1орда кема хила тарло. Ткъа вайга и аьлла а дац.

I Г1АТТАМХО. Вайх лачкыйна латтийна и къайле... Вайга схьааьллекъара...

ПОЭТ. Ладог1а, нах, карзах ма довла! Хуучунна хаьара вайгара хьал... Ца хуучуьнга ца дийцина, цуьнан дог ца дохо... Тахана-кхана, Дала кьинхетам а бина вай лаьтта т1е д1акхачаре сатуьйсун...

II Г1АТТАМХО. Аш ма дарра хьал дийцинехъара... Тхуна цхьа некъ карийна хир бара...

Гловг1анаши йовлу нахана юккъехь.

НАХ. Некъ карийна хир бара... Хир бара... Хир бара...

ПОЭТ. Ма йиэ гловг1анаш... Некъ лаьтта т1ехъ карабо... Х1орда чохь аг1о бен билгал ца йоккху... И дан хууш цхьа Къано ву, д1алуо цуьнга г1аж! Д1алуо цуьнан 1аса.

II Г1АТТАМХО. Кху г1ожах дан дезарг суна хаьа шуна... *(Кагъян г1урту...)*

КЪАНО. Ма, ма, ма делахъ иза... *(Поэт т1екхета)*

ПОЭТ. Схьаян иза!

Шолг1ачу г1аттамхочо сацаво Поэт. I г1аттамхочо каг1о г1аж.

Къано дог г1еллой охъавоьду.

I Г1АТТАМХО. Чекхъели, вайн нийса аг1о гойту бохуш, вай хьийзинчу г1ожан оьмар. Нах, и кьанвелларг ву шуна массо х1уманна бежке... Д1ахаййта иза массаьрга а.

Нехан тулг1ено хьошу Къано. Мох ч1аг1ло, дог1а долало, нехан маьхъарий «Орца дала!» Карзах баьлладу х1ордо хьуьло и гловг1анаш.

ТОЛАМХО. Д1асадовла! Четарш т1етийса ялтин! Махах д1аловчкъа! 1аннашкахъ хьулло! Деле до1анаш де хаддаза!

Хеза «Нохчийчохъ дог1анаш» или. Цхьа хан йолу. Тийналла х1утту.

ТОЛАМХО. Альхьамдулиллах1, хастам бу-кх Хьуна, я Аллах1 Дела! Массо х1уман ницкъ кхочург Хьо ву-кх. Тийначу х1орде карзахалла йоссон а, юха и эсала деш, синтем бала а ницкъ кхочушверг хьо ву-кх, ва Везандела... Ницкъ лодахъ тхуна кху халчу зерех ийманехъ чекхдовла...

I СТАГ. И мила ву?

ПОЭТ. Иза Толамхо ву.

II СТАГ. Х1унда ву и Толамхо?

ПОЭТ. И жима волуш, цуьнан 5 шо долуш, цхьа текхарг яьлла хилла и волчу ц1а чу. Пеша хьалха 1уьллу морзаг1 схьа а эцна, и цунна бетташ, и текхарг йожийна цуо, бера чохъ долчу аганна т1е ца кхочуьйтуш. Эццехъ цунна т1екхаьчначу баккхийчара аьллера цунах: оццул жима воллушшехъ, текхарг эшон хьуьнар долу к1ант ша-тайпа тамашийна к1ант ву. Х1етахъ дуййна д1аяхна цуьнан Толамхо аьлла ц1е.

II сурт

І ГІАТТАМХО. Схьагулло, нах, схьагулло!
 І СТАГ. ХІинца хІун хилла вайна?!
 І ЗУДА. Хилаза хІун дисна вайна!
 ІІ ГІАТТАМХО. Схьагулло шу, хуур ду шуна хІинцца.

НАХ (*гловгІанаиш, абзнаиш*). Гулделла тхо!

І ГІАТТАМХО. Нах, дикка ладогІалаш. Тхан кхаь бу шуна баккха. Вай долчу Керла стаг кхаьчна.

І СТАГ. И мичара кхаьчна?.. И муха кхаьчна?
 І ЗУДА. Цхьанхьа цхьа хІорд-кема а доьхна, кхаьчна хир ву-кх...
 ІІ ГІАТТАМХО. ХІан-хІа, иштта ца кхаьчна боху иза гинчара.
 І СТАГ. Ткъа муха кхаьчна иза?
 ІІ ГІАТТАМХО. Стиглара чувогІуш гина боху иза цхьаболчарна...
 І ЗУДА. И ма доккха хІума ду стиглара чувеьнарг...
 І ЗУДА. Ах бакьделахь а, доккха хІума ду иза-м.
 І СТАГ. И цхьа кьайле йолуш стаг ву... И иштта делахь.
 ІІ СТАГ. Дала вай кІелхьара даха вайитина вац-техьа?
 І ЗУДА. Иштта хир ду, Дала мукьлахь.

Нехан гловгІанаиш йовлу...

І СТАГ. ВогІуш ву. ВогІуш ву.

Гучуволу керла стаг. Цунна тІедуьйхина шатайна духар ду.

ТІЕВЕЪНАРГ. Маршалла ду шуьга!
 І ГІАТТАМХО. Марша вогІийла!
 ІІ ГІАТТАМХО. Алахьа, хьо муха мичара кхаьчна кху тхан гІайри тІе?
 ТІЕВЕЪНАРГ. Со кхуза кхаьччахьана тайп-тайпана хабарш хезна суна...
 Олхазар санна, тІомаваьлла, стиглара чувеьний... Сирчу динахь ахьавоьссиний бохуш, уьш цхьа а бакь дац. Уьш туьйранаш ду.
 І ГІАТТАМХО. Бакьдерг хІун ду ткъа... Дийцахьа бакьдерг.
 ТІЕВЕЪНАРГ. Бакьдерг ду со сайн хІаваь-кема хехкина стиглахула схьавогІуш, и кема гал а даьлла, доха а доьхна сайна тІехула четар а даржийна...
 Шу гІайри тІе воссар ду. Цхьан маьІаргонна махо хІурда чу дІа а хьора...
 Эццахь, цхьадика, мох хьекхаран агІо хийца а елла, со шун гІайре тІе нисвелир-кха.
 І СТАГ. ХІорд боцуш, латта долуш меттиг юй -техьа... кху дуьненчохь.
 ТІЕВЕЪНАРГ. Ю дера... Дуккха ю иштта меттигаш...
 І СТАГ. Муха ю и меттигаш...
 ТІЕВЕЪНАРГ. Тайпа-тайпана ю. Лаьмнаш ду... Аренаш ю.
 І ЗУДА. Лаьмнаш муха ду?
 ТІЕВЕЪНАРГ. Уьш лекха ду. Цхьадерш хьала хьаьжча бохь а ца гуш лекха ду. Цкъа а цхьана хІордо кьайла а доккхур доцуш...
 І ЗУДА. И меттиг яр-кха тхуна оьшург... Цига муха кхочур дара-техьа?
 ТІЕВЕЪНАРГ. Цига а кхочур ду, дан дезарг дичахьана...
 І СТАГ. ХІун дан деза охьа?
 ТІЕВЕЪНАРГ. Сан бакьо яц шуна некь хьеха, аша шаьш, массо а реза а волуш, и суна тІе ца диллахь...
 І ГІАТТАМХО. ХІей нах, хІей! ХІара стаг Дала вайна схьавелла ву! Кхунна дуьне а девза, кхунна лаьмнаш а гина. Реза дуй шу хІара вайна хьалхаваккха а, кхуо бохург дан а?
 НАХ. ЧІогІа реза ду, реза ду...

I ГIАТТАМХО. Тахана дуьйна хьо ву хьуна тхан хуунча, тхан некъгойтург... Хьалхавала, хIан, хIара ю хьуна гайтаман Iаса.

ТIЕВЕЪНАРГ. Дика ду, аш бохург дийр ду ас... ХIинцалц мича агIор ихна шу?

II ГIАТТАМХО. ХIинцалц цхьана къаночун бага хьобжуш Iийна. Цкъа цхьана агIор доьлхуш, юха вукху агIор пийсигаш хьобкхуш.

ТIЕВЕЪНАРГ. АгIо цхьаь хила еза – малхбузе... Шу, шайна ма хетта, гена а дац шуна лаьттана, цхьа бIе я ши бIе чаккхарма хир ю, жимма сов хила а тарло, я жимма кIезиг хила а тарло.

II СТАГ. Хьуна муха хаьа тхо мел генахь ду лаьттана?

ТIЕВЕЪНАРГ. Суна дерриге а гина, лакхара охьа хьабжча.

ПОЭТ. Нах, мичара мила ву а ца хууш цхьаь гучуваьлча, цунна тIаьхьах Iийтта кийча ду вай. Со ца теша цунах.

I ГIАТТАМХО. Ца тешахь, дIавала кхузара!

НАХ. ДIавала! ДIавала!

ТОЛАМХО. ХIара хIун гIовгIанаш ю? (ТIевеьначуьнга). Хьо мила ву? Мичар ваьлла? Мила ву хьан да? Хьан ворххIе да?

ТIЕВЕЪНАРГ. ХIун бен ду иза? Хьуна гуш верг ву-кх со!

ТОЛАМХО. ЛадогIа, нах, ладогIа. Вай чIогIа атта теша цхьанхьара схьавеьначу, шен вийца ворхIе да а воцчу стага дийцинчу хазчу хабарех, цуьнан маьIна, цуьнан бух ца толлуш, теша сихло вай. Бераша санна, хIоразза ваьш Iехадойту вай. Tаккха дерриг а дуьне бехке до вай. Ткъа бехк вайн бу. Вайна хьакьдерг ду вайна тIекхочург. ТаханIера хьал а вай ваьш далийна. И хийца а лур дац дикчу агIор, вай ваьш ца хийцахь. И ду Делан дош.

I ГIАТТАМХО. Толамхо, хьо тоьлур воцу кьийсам ца болош, Iаддале. Ахь кхето висина стаг вац хьуна. Оха Tевеанчо бохург дийр ду. Дийр дуй вай, хIай нах?

НАХ. Дийр ду! Дийр ду!

II ГIАТТАМХО. Tевеанчо керла некъ хьобхур бу!

ТОЛАМХО. Хьаштдоцург ма дийца! Шаш дохкодьвр дерг ма диэ. Ма хIитта цу стагана тIаьхьа.

I ГIАТТАМХО. Дитахьа тхо, дитахьа тхо, тхуна хьалха яккха бож карийна.

ТОЛАМХО. Дала нийсачу новкъа дохийла шу. Ма харцахь хьабвзина-кх шу тахана. (дIавовьду).

II ГIАТТАМХО. Вист хила, Tевеьнарг.

ТIЕВЕЪНАРГ. Аш со Бож хаьржинехь, бе-ме а ца бохуш, ас бохург дан деза уьстагIаша.

I ГIАТТАМХО. Бакьлуйш ву Tевеьнарг! Бакьлуйш ву!

II ГIАТТАМХО. Ала ахь, хIун дан деза.

ТIЕВЕЪНАРГ. Уггар хьалха, цхьа жима гила-кема а дина, уггаре онда жима ши стаг вахийта веза Малхбузехьа хьалха дIа... И шиь ши де-буьйса далале дIакхача декхар ду лаьтта тIе.

II СТАГ. Гила-кема муха дийр ду вай?

ТIЕВЕЪНАРГ. И дан хIун хала ду? Йиь дечиг вовшах а йихкина, хIорда чу хеццахьана... Вовшах таса гила-кема, чухааве ши пийсигхо...

I ГIАТТАМХО. ЛадугIуш ву! (IгIаттамхо дIахьовьду)

II ГIАТТАМХО. Хьан омра кхочушдина. Гила-кема а вовшахтесна, хIара уггаре онда ши жима стаг а кечвина новкъа ваккха.

1 КIАНТ. Со кийча ву аш тIедиллинарг кхочушдан !

2 КIАНТ. Со а кийча ву хIорд хадийна лаьтта тIе кхача!

ТIЕВЕЪНАРГ. Иза дика ду, агIо билгалыйний царна?

II ГIАТТАМХО. Йина, малхбузе...

ТIЕВЕЪНАРГ. Малхбузе! Малхбузе! Вайн Iалашо малхбузе. Малх букь тIехьа а бугуш дIаэха шуьшиь, гутгар а иштта дIаэха лаьттан йист гучу яллалц.

2 ЗУДА. Нанаяларг, хьо сан цхьаь бен ма вац. Ма къиза бу и хIорд.

1 КIАНТ. Са ма гаттаде сан нана, хIордаца къовсавала ницкъь бу соьгахь.

2 ЗУДА. Х1ордаца кыйса ца дезара, сан к1ант, х1ордах ларвала везара...
 2 Г1АТТАМХО. Д1аяла, зуда, сийлахьчу г1уллакхан новкъарло ма е.
 1 Г1АТТАМХО. Д1аяла! Д1аяла!

Ши тийсигхо новкъа волу.

1 СТАГ. Уггар тоьлла шиь д1а-м вахийти...
 2 СТАГ. Мох баьлча, махана дуьхьал х1отта а, тулг1енаш карзахйовьлча, орцах вала а ницкъ болу шиь вай д1а- м вахийти...
 1 Г1АТТАМХО. Т1евеьнарг, ткъа оха х1ун дан деза?
 Т1ЕВЕЪНАРГ. Вай массара а ладуг1ур ду цу шимма орца а даьккхина, нах вайна орцах бовллалц.
 П СТАГ. Ца теша со... Иштта атта хиллехьара лаьтта т1е боьду некъ, Къаночунна тоххарехь карийна хир бара иза.
 1 Г1АТТАМХО. 1адда йита хьайн шеконаш, Шекваьлларг. Кхин Къано ма хьахавелахь, тоьар ду и бахьанехь дайина шераш... Цо цхьаь дуьйцу бохуш.
 П СТАГ. Къаночо шегалург дира... И емал вар а суна нийса ца хета.
 ПОЭТ. Къаночо нийсо а латгийра вайна юкъахь. Низам а латгийра, х1орш карзах а боьвлла, кхара доххолц.
 1 СТАГ. Т1евеанчо дуьйцург ч1ог1а атта х1ума ду, и бакъ хир ду бохучух шеконаш кхуллуш.
 П Г1АТТАМХО. Муьлхачу а Сийлахь-доккхачу х1умане а аттачу некъаца кхочу.
 П СТАГ. Хьовсур ду вай... Иштта хилча дика-м дара иза...

Т1ЕВЕЪНАРГ. Малхбузе, малхбузе.
 Вайга хьоьжу малхбузе.
 Т1екхачале маьрк1аже,
 Д1аг1ур ду вай малхбузе.

Наха т1аьхьара олу.

III сург

Нах бу гулбелла лаьтташ, хааме сатуьйсун.

1 СТАГ. Т1евеанчо дийцина ши де, буьйсий д1а-м даьлла.
 1 ЗУДА. Дукха хаза зурма яра цо лекхнарг. Бакъ хилча, тамаша а болуш...
 П СТАГ. Сатухур ду вай, дикане сатийсарца.

Вог1ий гучуволу Поэт.

1 СТАГ. Сатухур ду вай, ваханчу шингара хаам хуьлий хьожуш...
 ПОЭТ. Цу шингара хаам хир бац.
 П СТАГ. Х1унда боху ахь?..
 ПОЭТ. Цу шиннан ши дакъа х1ордо вайн г1айре йисте кхоьссина...
 П ЗУДА. Суно даго хьоьхура, цу Т1евеанчух дика болх хир бац бохуш...

Гучуволу г1аттамхо.

1 Г1АТТАМХО. Х1ун дуьйцуш ду шу? Стенах хир бац боху ахь дика болх? Ма дийца и эрна хабарш... Т1евеанчо шайга боххург дие.
 П ЗУДА. Вай нана яла хьан! Ас ма хала кхиинера хьо... Сайна ца юуш, хьуна луш, сайна ца молуш, хьуна малаш... Ас дуьрачу х1ордана, мецачу ч1ерашна кхиина ма дацара хьан турпал дег1...

II ГІАТТАМХО. ХІун ду хилларг? И хьанна тийжаш ю?

ПОЭТ. Латта лаха вай вахийтинчу шина кІентан цхьанна нана ю...

I ГІАТТАМХО. Хилча хІун ду иза?

ПОЭТ. Цу шинна латта ца карийна, цу шинна Іожалла карийна.

II ГІАТТАМХО. Муха Іожалла?

ПОЭТ. Цу шиннан ши дакъа, хІордо вайн гІайри йисте кхоьссина.

II СТАГ. Суна хаъара цо дуйцург эрна хабар дуйла.

I ГІАТТАМХО. Собарде, сихлур дац вай... Мичахь ву ТІевеънарг?

ТІЕВЕЪНАРГ. *(Гучу а волуи)*. Со кхузахь ву... ХІун ду хилларг?

II ЗУДА. Дала хІалквиэ хьо!

ТІЕВЕЪНАРГ. Хьадалча! И хІун къамел ду Некъгойтучунна дийриг?

I ГІАТТАМХО. Мила ву Хьадалча?

ТІЕВЕЪНАРГ. Хьо ву-кх Хьадалча! *(ИгІаттамхочунна тІе нІелг а хьажош)*

Ткъа хьо – Вадалча ву... Шуьшиь сан Хьадалчий, Вадалчий ву. Цундела ас хобгту шуьшинга: соьца, Некъгойтучуьнца, ларам цахилар муха лов аша?

I ГІАТТАМХО. Лараме Некъгойтург. Вай гила-кеманца вахийтинчу шина пийсигхочун ши дакъа хІордо вайн гІайри йисте кхоьссина.

ТІЕВЕЪНАРГ. Кхоьссича хІун ду? Цъха къестарш, эшамаш боцуш цъха а гІуллакх хила йиш яц шуна... Лайтта тІе боьду некъ гайтар и доккха хІума ду. Цу новкъахь къестарш а, бохамаш а хир бу. ХІордо дІаэцнарг шен ижу ю... Нагахь санна со хьалхаваьллачу халчу новкъахь, шу шайн Іалашоне, шашь сагуйсучу гІайрене кхача гІертахь, шу кийча хила деза Іожаллина а. Вай кху тІерачу адамехь ах дІакхачахь а, иза а доккха гІуллакх ду. Нийса лобь со, Хьадалча?

I ГІАТТАМХО. Нийса лобь!

II ГІАТТАМХО. Нийса лобь... Кхин дІа хІун дан деза дийца оха.

ТІЕВЕЪНАРГ. Кхин дІа хІун дан деза а дуйцург ду... И шиь лайтта тІе дІацакхачаро гойту со сайн хьесапашца мелла а галваьлла хилар. Суна моьттура вай лайттан бІе чаккхарма генахь ду... Со цъха жимма галваьлла, вай лайтана эзар чаккхарма генахь долчух тера ду.

I СТАГ. Эзар чаккхарма... Иштта делахь вай цкъа а кхочур дац цига...

ТІЕВЕЪНАРГ. Іадда дита эшаме къамелаш. Суна керла некъ дагабеана. Сан хьесапашца, кху меттигна тІехула хІаваь-кеманаш тІехдуйлу хІора ахсахьт моссаса долу. Цундела вай йоккха цІе лато еза, вайн тІехула дІаобхучу хІаваь-кемане вайн тидам байта. Йоккха цІе лато еза...

ПОЭТ. ХІокху керла гучуваьллагунна дицделла моьтту суна вай мичахь ду... Кхуо дуйцург лартІехь хІума дац.

ТІЕВЕЪНАРГ. Хьадалча, Вадалча, дІасацаве и декъаза къамелаш дуйцург.

I ГІАТТАМХО. Кхин вист ма хилалахь...

ПОЭТ. Лаахь вист а хир ву... Нах, ма делаш цо бохург.

II ГІАТТАМХО. ДІасаца. Хьо дІа ца сацахь, оха хІорда чу кхуссу хьо.

Шина гІаттамхочо дІатакхаво Поэт хІорд болчу агІор.

ТІЕВЕЪНАРГ. Собарде, и стаг эша а тарло вайна, чу кхосса сих ма луо. Оцу стагана со Іовдал хетта шел. ЦІе вай юккъехь латор ю... Дукха йоккха ца ялийта гонаха хи деттар ду. Вайн хил дукха хІума дац, гобаьккхина хІорд бу.

I СТАГ. Иза-м бакь ду.

II СТАГ. ЦІе марсаялахь, и вай деттачу хих сецар ю аьлла ца хета суна.

II ЗУДА. Ма сацахьара иза... Сийна цІе яьлла дагахьара массо а хІума. Сайн кІант воцу хІар дуьне иккхина дІадоьдахьара.

ТІЕВЕЪНАРГ. Вай цъха къастам бан беца, хІай хІордахой. Я кху тІе йоккха цІе а латийна, вайна хІаваь-кеманаш орцах довлуйтур вай... Я вай кху акхачу хІорда чохь дуьсу, эзар чаккхарма лайттана генахь...? Карзахбаьллагучу хІордан тулгІенаша дІакхаллалц, я мацалла, хьогалла даллалц. ХІун къастам бо вай: цІе я хІаллак хилар?

НАХ. Ціе лагайо! Ціе! Уггар йоккха ціе!
 ТІЕВЕЪНАРГ. Хьадалча! Вадалча! Діалатае ціе.
 І ГІАТТАМХО. ЛадугІуш ву!
 П ГІАТТАМХО. Кхочуш дийр ду хьан ома! (*Ціе лагайо*).
 ТІЕВЕЪНАРГ. Ткьа аш массара а кхабанашца, чийликашца, ведаршца,
 кхийолчу пхьегІашца схьаэца хІордан хи... Ціе шор ма ялийта, лакха ялийта!
 І ГІАТТАМХО. Ціе шор ма ялийта, лакха ялийта.
 П ГІАТТАМХО. Ціе шор ма ялийта, лакха ялийта!
 НАХ. – ХІинца-м лакха яьлла хьуна иза!
 – ХІинца-м ца ган йиш яц хьуна хІара.
 – ХІаваь кеманна хІинца-м гур ю хьуна.
 П СТАГ. Ціе ца сацало! Ціе карзахьяьлла.
 І ЗУДА. Ціаро хІаллакдеш ду вай.
 ПОЭТ. Ціаро чехош хІорда чу лобьку, Везандела, орцахвалалахья! Оха
 Хьобга доьху... Тхо Хьобга кхойкху, кьинхетам бехья!
 П ЗУДА. Ціаро шеца бегаш ца бойту, цхьадика хІинца чекхдер ду дерриге а.
 П СТАГ. Оцу Тіевеанчо бохург а дина, ваьш би-кха вай хІара бала.

Гучуволу Толамхо.

І ЗУДА. Мох баьлла! Ціе алсамьяьлла.
 ТОЛАМХО. ХІорда йисте таІа, цІарах ларлуш! ХІорда йисте таІа!

*Толамхо тІеІотло цІарах ведда вьодучу Тіевеъначух. Цхьана юккьана
 вьовшашка хьаьжжсинчохь сацало и шигь. Цул тІехь дІахьодий,
 Тіевеънарг кьайла волу.*

ТОЛАМХО. МогІар дІахІийтта. Сихха бертахь цІарна тІетоха хи! РагІ ма
 йохае!

ХІай Везандела! ХІай Воккхадела! Массо хІуманна ницкь кхочург Хьо
 ву-кх! Хьо бен вац-кха тхан деха, Хьо бен Дала вац-кха тхан. Хьобга доьху-кх
 оха! Орцахвалахья тхуна. Я АллахІ Дела, догІа дайитахья тхуна... ХІара тхан
 бен хІаллакбеш, летта ціе дІайойьуш догІа дайитахья тхуна. Тхьоца долчу
 маликийн-берийн дутьхья, дуйненан марзонаш дІаевлла, эхартахь кьинхетам баре
 сатуьйсущ, шайн ерриге хан, Хьобга кхойкхуш, хьуна доІанаш деш йоккхучу
 баккхийчу гІорасиз нехан а дутьхья, шайн берех хаьдда, хаддаза дагчохь царна
 боьлхучу нанойн дутьхья, Хьайн беркате догІа дайитахья тхуна, тхан дегнашчохь
 яьлла кхераман ціе йойьуш, дарбане догІа лохья тхуна! Тхуна гонаха яьлла,
 кьизалин ціе йойьуш нуьцкьала догІа лохья тхуна! Я АллахІ кьинхетам бехья
 тхох!

П ЗУДА. Мархаш евлла!
 І СТАГ. Уьш догІанан мархаш ю!
 П СТАГ. АлхьІамдулиллахІ. ДогІа ду! ДогІа доладелла!
 П ЗУДА. ДогІано йойьу ціе...
 І ЗУДА. Дала жоп дели оцу дикчу стеган доІана...

ДогІа алсамдолу, Цо дІайойьу ціе...

IV сурт

ПОЭТ. Нах, ладогІалаш! ЛадогІалаш! Вайна гира-кх, мичара вогу ца хууш,
 вайна юкьавеъначу цхьана стага бохург а дина, вайн кху кеман тІехь яьккхина
 ціе... Оцу цІаро хІаллакдаза диси вай... Диси вайн юкьахь волчу дикчу стеган
 доІа бахьанехь. Шуна гира-кх, Дала цуьнан доІийна жоп луш, вайна догІа
 доуьйтуш... Цундела ас боху, шуна массеран цІарах, Толамхочуьнга вайна
 хьалха вала... Реза дуй шу?

НАХ. – Реза ду.
– Ч1ог1а реза ду.

ПОЭТ. Гуттар а Далла 1амал еш волчу цунна хьобхур бу Дала нийса некъ, кху х1орда чуьра лаятта т1е довла гечо. Толамхо, х1ара ю хьуна некъ гайтаран 1аса. Хьеха тхуна дандезарг.

I Г1АТТАМХО. Цо х1уьу хьехахь а, вайна ялтех дукхахдерг ц1арах х1аллакхилла.

II Г1АТТАМХО. Иштта х1аллакхилла даьхни а.

II СТАГ. Хиллехь, шу бахьанехь хилла-кх. Аш ваьккхир-кха иза хьалха, цо бохург дан деза аьлла.

I Г1АТТАМХО. Бехк тхойшинна хилла ца 1а. Шу массо вара и Т1евеьнарг хьалха ваккха реза.

ПОЭТ. Х1инца мичахь ву иза?

I ЗУДА. И ц1е латийча кьайлавелир-кха иза.

II ЗУДА. Х1етахь дуьйна суна гина а вац.

ПОЭТ. Х1ей нах, х1ей! Т1евеьнарг гиний цхьанна а?

НАХ. Ца гина, ца гина.

ПОЭТ. Гур а вац, иза ша дан леринарг дина ваьлла... Цундела кьайлаваьлла.

I СТАГ. Муха кьайлаваьлла... Схьа а карийна та1зар дан деза цунна...

Гучуволу Толамхо.

ТОЛАМХО. Эрна ма леха, и карор вац...

II СТАГ. Стенна ца карош ву иза?

ТОЛАМХО. Шайт1а лацалур дац вайга.

I ЗУДА. Ватга-а, оцу шайт1ане 1еадайти-кх вай.

II ЗУДА. И кхуза валийначунна та1зар дан деза... «Т1евеьнарг керла стаг ву, цунна дуьне доьвза», – бохуш, хабарш дуьйцуш.

НАХ. – Нийса боху! Бакьлоь!

– Та1зар! Та1зар дан деза.

ТОЛАМХО. Нах! Адамаш! Хилларг хилла! Хилларг луйстуш, бехкениг лобхуш, вай барт бохабахь, вайн г1уллакхаш кхин а галдевр ду... Дала боху шен сийлахьчу Кьурьан чохь, дикачу х1уман т1ехь шу шиннан барт хилахь, Ша шун накьост ву шуна. Мел доккха х1ума ду иза. Вай дерриш тахана х1орда юккьехь дисина, вовшах доьвлла даха меттиг а яц. Х1инца мукьане кьеста а ца кьесташ цхьаь хила вай... Х1инца мукьане бакь лиэ вай. Дала бакьо толайойла!

НАХ. Амин! Амин!

ПОЭТ. Толамхо, тхо хьан даше ладог1на ду хьуна! Ала ахь дан дезарг.

ТОЛАМХО. Дан дезарг. Уггар хьалха вай доьлху аг1о хийца еза... Х1инца дуьйна д1а вайн цхьа аг1о ю. Я малхбузе а, я малхбале а яц... Кьилбе ю... Вай кьилбехьа д1адуьгур ду вайн х1орда-кема...

I Г1АТТАМХО. Деха обхур дуй-те вай, вай кхаа денна даьбал бен ялта а ца хилча, деа денна маллал бен хи а ца хилча.

ПОЭТ. Нехан дог дохон кьамелаш ма диэ... Даа ч1ерий ду шортта, хи... дог1анан хи лоцур ду...

II Г1АТТАМХО. Хьовсур ду вай цунах х1ун хуьлу.

II СТАГ. Ашшимма цхьа питана ца доладахь, цунах г1уллакх хир ду-кх. Дала мукьлахь.

ТОЛАМХО. Нах! Дикка ладог1алаш! Х1ара вайна лакхахь гуш йолу стигал а, цигахь лепа эзарнаш-эзарнаш седарчий а, х1ара вайн гонахара х1орд а, цу чохь деха эзарнаш-эзарнаш ч1ерий а, кхийолу садолу х1уманаш а кхоьллинчу Далла х1ун ду вайна мискачу адаманна рицкь далар? Рицкьана дукха са ма гагде! Рицкь а, вай лаятта т1е д1акхачийтар а Деле деха. До1анаш диэ. Диц ма де мискачу нехан ницкь – иза ц1енчу дагца, даггара деш долу дола ду... Нагахь шух х1ора а шен до1анашца лаккхарчу деган ц1аналле кхачахь, шуна шайгахь,

шайн дагца хаалур ю лаяттан ч1аг1о, ломан ч1аг1о. Нагахь и тайпа адамаш вайн юкъяхь алсамдовлахь, вай кхочур ду ваьш сатуьйсучу лаяттан т1е.

І СТАГ. Кхета халуо х1уманаш ду ахь дубьйцурш... Амма тхан декхар, шеконаш ладда а йитина, ахь бохург кхочушдан г1оргар ду.

ТОЛАМХО. Сатосуш, я садовш, шаьш цхьа дисча ойла йиэ аш... Ойла йиэ аш шайн а, шайн гонахарчу лаламан а... Дала кхетар лур ду шуна, Дала мукълахь. Хинца д1асадовла, х1ораммо а шен-шен г1уллакх диэ... Пийсагаш хьокхучара Къилбехьа нисдиэ вайн ша-тайпа х1орда-кема...

Нах д1асаболу.

ПОЭТ. Хьобга кхайкха цкъа а дийр дац к1орда,
Хьо цхьаь воцург орцахвала вац,
Ахь дола деш хилча, пана х1ордахь
Тхо цхьалха дац, тхо д1агесна дац.
Ахь дига тхо, Веза-Сийлахьа Дела,
Хьайна нийса хеташ болчу новкъа.
Довла йиш яц хьан нийсачу кхелах,
Реза ду тхо лан муьлхха хьовзам.

V сурт

Толамхо ву дола деш.

Я Аллах1 Дела, гуттар а Хилларг, Волушверг, Хинверг, заманаш кхоьллинарг, латтанаш кхоьллинарг, стигланаш кхоьллинарг, заманашца хийцалуш воцург! Махана метгахьхьер деллерг, х1ордана к1оргалла елларг. Т1улгана ч1ог1алла елларг, адамийн дегнашна к1адалла елларг! Хастам бу хьуна!

Буьрсачу махо тулг1енаш х1иттош, массо х1ума, дерриге а дуьне д1акхалла санна карзахбаьлла х1орд, карийна цциг санна эсал хилийта Ницкъ берг, цу х1ордан куьзгана чохь эзарнаш серлонаш лепош, исбаьхьа сурт кхолла малх х1оттийнарг, цуьнан тов ца латкъийта Суьйре Елларг, буйса хазьян стиглахь бетгаса Х1оттийнарг, адаман ойла т1аьхьакхиа йиш йоцуш, Айхьа кхоьлличу х1ора х1уманна яккхий къайленаш кхоьллинарг, Хьобга кхойкху-кх тхо, х1окху карзахаллин, лоттабаккхамийн х1орда чуьра берда улло дахахьара Ахь тхо!... Тхан дехарш тидам боцуш ма дитахьара Ахь, Х1ай тхо кхоьллина, тхо д1адерзор долу, Я Аллах1-Дела!

Я Аллах1-Дела, со кийча ву-кх х1ара адамаш Ахь къобал бинчу нийсачу новкъа х1иттош, х1орш кху къизачу х1ордчуьра берд йисте дохуш, ложалла т1еэца. Я Аллах1-Дела, Хьайн дуьхьа делахь ас хьобгу къа. Къобал делахь сан нийят.

VI сурт

*Х1орда йистехь цкъа стигла хьожуш, юха г1амара т1е цхьацца сизаш деш,
шабар-шибарш деш йолту II зуда. Цунна гонаха х1иттина лаятта нах:
I г1аттамхо, II г1аттамхо, кхиберши.*

II ЗУДА. Седарчаша боху, вай къастийна аг1о нийса яц... Вай Къилбаседехьа даха деза... Латта вайна моьтгучул дуккха а уллехь ду... Нагахь мох баьлча, и мох хьокхур бу Къилбаседехьа... Шина куьйга т1е четар а дихкина, цу мохаца айавелларг, оцу мохо кхачор ву лаятта т1е...

I Г1АТТАМХО. Со ву-кх и дан кийча! Оцу хабарчийн бага а хьожуш лачул...

II Г1АТТАМХО. Со а ву кийча!

I Г1АТТАМХО. Кху х1орда юккъе а хиьна муствелла лачул, валар г1оле ду!

II Г1АТТАМХО. Бакьду-кх иза ... Валар г1оле ду.

I СТАГ. Зуда, хьо х1инцалц стигла хьожуш а яцара, хьо мичара 1емина седа-жайна деша...

II ЗУДА. Иштга 1емина-кх, х1ордо д1акхаьллинчу сан цхьаь бен воцчу к1ента сино хьобху суна дан дезарг...

ПОЭТ. Нах харц новкъя хьийсабо ахь. Ма дийца хьайна ца хуург... Вай хьалха ваьккхина Толамхо ву.

I Г1АТТАМХО. Суна бакъ хета цо дуьйцург. Иза седарчийн 1илманца дог1уш къамел ду. Со реза ву цунна.

II Г1АТТАМХО. Со а реза ву...

ПОЭТ. Ма леладе хьаштдоцург, сан ваша.

2 Г1АТТАМХО. Юкъя ма г1ерта. Вайшиннан некъаш къаьстина. Хьо 1ен хьо, хьайн дешнаш керчох, Толамхочун бага а хьобжуш. Со махо лаьтта т1е кхачор ву.

ПОЭТ. Махо хьо т1епаз войур ву. Кхетам галбаьлলেখь а, сан дех, ненах схьаваьлла сан ваш ма ву хьо, ма х1огта х1аллакхиларан новкъя!

II ЗУДА. Т1еоза шайн куьйгашна четарийн т1емаш... Хаало суна, мох бу гергахь... Кечло г1овтта махаца...

Мох болу. Мохо айина ши г1аттамхо къайлаволю.

I СТАГ. Мича ваха и шиь...?

II ЗУДА. И шиь кхача веззачу д1акхаьчна шуна. Царна са ма гатде.

I СТАГ. Мича кхаьчна и шиь.

II ЗУДА. Гила-кеманца латта лаха вахна сан к1ант кхаьчначу д1акхаьчна-кх и шиь а.

ПОЭТ. И х1ун ду ахь динарг?

II ЗУДА. И сан бекхам бу-кх... И чекхдели ... Х1ай нах, х1ай... Вайна цкъа дог1а а деана юха стигал еккхалц, ас д1акъовлу сайн седа-жайна. Х1етталц суна т1аьхья ма лела. Д1асадовла. Д1асадовла.

VII сурт

Поэт ву ша.

Поэт. Сенчу х1ордан анайистах
Хьакхалуш ю сийна стигла.
Басца вовшах жимма къеста:
Х1орд бу таь1на, стигал сирла.
1уьйрре маьлхан дашо овьна,
Х1орд а боькьуш, дижна аьлла,
Тулг1еш мохца юьйлу доьвне,
Вовшах детгаш деши маьлхан...

Толамхо гучуволю.

ТОЛАМХО. Дика сурт х1оттадо ахь дешнашца.

ПОЭТ. Ма беса, ма г1ийла сурт ду-кх иза суна гучу, суна хаалуьчуьнга хьаьжча.

Цхьа а вист ца хуьлуш тийналла лаьтта.

ТОЛАМХО. Х1ун боху наха...

ПОЭТ. Нах юха а бекьалуш бу... седа-жайна хьожуш ю ша бохуш, юкъяьлла цхьаь ю... Цунна т1аьхьах1иттина цхьаберш... Царах шиь, кху х1орда юкъя а хиьна муствелла 1ачул валар г1оле ду аьлла, шаьш динчу четаран т1емашца махаца г1аьттина д1авахна, т1епаза вай.

ТОЛАМХО. Дала-м 1еминера вай, даха 1ама вай цкъа мукъане нах санна.
Дийца ахь, дийца ахь, дош дашца нисдийриг.

ПОЭТ. Цъаберш юха а вайн кемано аг1о хийца еза бохуш, г1овг1анаш еш
бу... Амма дукхахберш, хьох тешаш, ахь бохучунна т1ехь бу...

ТОЛАМХО. Доккха х1ума ду, сан ваша, нахана хьалхавалар а, царна дола дан
г1ортар а. Собаре хила ала нахе... Делан диканах доггах тешаш, собаре хила ала
нахе... Дала мукъалахь, хаза кхаь хир бу вайна кестта.

ПОЭТ. И ма ч1ог1ачу тешамца эли ахь, Толамхо!.. Цъаь хийца-м делла
хьобгахь. Хьо верриге лепаш ву ша тайпанчу серлонца... Лаа дуй-техьа иза?

*Оцу хенахь г1овг1анаш йовлу. Гучубовлу Толамхочун б1аьхой.
Цара лаьцна схьабалабо керла г1аттамхой.*

ТОЛАМХО. Аш х1ун леладо? Х1орш муьлш бу?

Г1Б1АБХО. Г1евеанчун ун кхььтгарш бу.

ТОЛАМХО. И туьтам1аьжгаш х1унда йобькина кхара?

Г1Б1АБХО. Шайн нехан б1ара хьажа юьхь йоцу дела.

ТОЛАМХО. Д1аяха уьш царна т1ера!

Туьтам1аьжгаш схьайоцу зуламхошна т1ера. Цара кортош охьадохуьйту.

Г1Б1АБХО. Х1орш кху вайн декъазчу г1айри т1ехь ц1е яккха г1ерташ хилла,
Г1евеанчо цу царца вайн бина «дика болха» ца гича санна...

ТОЛАМХО. Бакъ дуй иза?

Г1ЛАБЦНАРГ. Бакъ ду. Вай к1елхьара девр дац хьалхачул а йоккха ц1е ца
латаяхь.

Г1Б1АБХО. Цул хьалха дан кечдина кхин зулам хилла кхеран. Хьо новкъара
д1авоккхуш, х1орда чу кхосса.

ТОЛАМХО. Д1ахеца уьш!

Г1Б1АБХО. Муха д1ахеца?!

ТОЛАМХО. Вай къеззиг ду. Вайн х1ора а стаг веза ву. Кхарна дохкобовла
некъ буьтур бу вай. Вайн массарна а ган деза вай сагуйсучу доккхачу лаьтте вай
д1акхачар.

Оцу хенахь царна хьалхахула т1ехь эьккха ч1ег1ардиг...

ТОЛАМХО. Шуна гирий иза?

ПОЭТ. Гира. Ч1ег1ардиг дара-кх из...

ТОЛАМХО. Суна г1енах ма гарра ду-кх... Ч1ег1ардиг пана х1ордахь хир дац.
Делахь-х1ета, лаьтта уллохь ду вай... схьакхайкха нахе...

ПОЭТ. Х1ай нах, х1ай! Ма 1ахка дийший... Дала иштта хаза яийтина 1уьйре
а ца гуш... Схьадуьйла.

Г1СТАГ. Х1ун ду хилларг!

Г1СТАГ. Стенна кхойкху хьо тхобга.

ПОЭТ. Хаза кхаь баккха!..

НАХ. – Х1ун кхаь бу иза?..

– «Хаза кхаь»... И дешнаш а дицделла суна...

– Вайна х1ун кхаь хир бу.

ПОЭТ. Толамхочо вай нийсачу новкъа даьхна хиларан билгало гучуяьлла...

Г1СТАГ. Х1ун билгало ю иза?...

ПОЭТ. Ч1ег1ардиг ду вайн кеманна т1ехула хьийзаш.

Г1СТАГ. Ч1ег1ардиг... И мичара даьлла кхузахь?

Г1СТАГ. Олхазар уллохь делахь, латта а уллохь ду...

Г1ЗУДА. Х1инца суна а го иза... Д1ахьовсийша... Кьилбехьа хьийза.

Г1СТАГ. Вайна некъ хьобхуш ду-кх иза.

I СТАГ. Вайга маршалла хойттуш ду-кх.

НАХ. Марша да хьо, чеглардиг.

ПОЭТ. Чеглардиг, чеглардиг,
Там шера олхазар.
Тахана тхуна ган,
Хумма дац хьол хаза!

Нахана юккьера аз. Хай нах! Хай нах! Суна го!

I СТАГ. Хун го хьуна!

Нахана юккхера аз. Суна го вай сатийсина гайре! Суна латта го!

I ЗУДА. Хинца-м суна а го иза!

II СТАГ. Дала жоп делла вай динчу до ланашна...

ТОЛАМХО. Элхамдулиллах! Далла бу хастам. Харц хила йиш яц-кха Хьан дош... Цхьа хало лавшича, аттоне кхачаво.

ПОЭТ. Бакъ ду-кх иза... Дела, Хьуна бу хастам.

Нах хи чу лелха, латта тле хьовду.

НАХ. – Латта ду! Латта!

– Хинца вайн аьтту хир бу орамаш таса!

– Хинца вайна гур ду лаьмнаш.

– Хинца вайна гур ду гунаш, бердаш.

– Хинца вай дехар ду вай дайша сатийсинчу латта тлехь.

ПОЭТ. Толамхо! Мичахь ву Толамхо?. Толамхочун до ланаш ду Дала жоп делларш. Иштта хуьлу шуна дика стаг хьалха ваьлча. Мичахь ву Толамхо?

I СТАГ. Суна гина-м вац иза кху латта тле ког боккхуш.

ПОЭТ. Толамхо! Толамхо! (*Нахе хойтту*). Хьуна гирий Толамхо?

НАХ. – Ца гира.

– Суна а ца гира!

ПОЭТ. Толамхо! Толамхо! Мичахь ву хьо?

I СТАГ. И кеман тлера латта воьссина а вац.

II СТАГ. Кема-м хорда чу дахна, кьайладели.

I ЗУДА. Делахь иза а цуьнца кьайлаваьлла шуна.

I СТАГ. Шен декхар кхочушдина а ваьлла длаваха иза, вайца яха шен цле а, шен амалш а, шен гиллакхаш а дитина.

ПОЭТ. Дала шен дубхьа дойла ахь хьегна кьа, Толамхо. Дала глзот кьобал дойла хьан.

Мукъам. Назма. Кирхьа.

Пушкин Александр**Евгений Онегин**

Роман байташкахь

*Т1аьхье. Юхь еша №1, 2018 ш.***Бьалг1а корта**La morale est dans la nature des choses.
*Necker¹***I. II. III. IV. V. VI****VII**

К1езга мел а еза эма,
И вай дизза атта 1ема,
Х1аллакйо и цуьнца вай,
1ехаме ов юг1ий яй.
Аьхазалла ирча хийла
Безаман 1илмано ойу,
И массанхьа х1уттуш кхийла,
Безам човхош, синош дойу.
Ткъа вай буйцу болх и къиза
Кхаь – ширачу маймалшна,
Бевзинарг цкъа мацца дайшна;
Сий деш наха ц1ечу к1ажийн,
Ткъа кур-харсийн², юьйжи иза,
Шираделла, сий Ловласийн.

VIII

Г1айг1а боцург шалха ваха,
Цъаь дерг х1утту шалха даха,
Цунах йолу ойла хийца,
Кхечу кепара и дийца,
Шира хьехарш до цо денна,
Шена бе ца хууш стенна,
Дерг а, доцург кхуллу цо,
Кхойтта шо дерг юьйцу вуо.
Хьанна бац и боккха бала:
До1а, дуй а, туйсу кхерам,
Хьобкхнаш ялх лист, боцург къерам,
Пуьгаш, лер а, б1аьрехь хи,
Терго децийн, нанойн, ала,
Ткъа дайн зер а луьра и?

IX

Евгений и ойла еш.
Дархо верг, шен волуш теш,
К1еж туйсучу 1ехамийн,
Шовкъ марсачу лехамийн.

Дахаро зе кхобуш гена,
Цъаадерг ч1ог1а тайна шена,
Ткъа кхечунна йоцуш шовкъ,
Лаамийн евзина зовкх,
Дайдолчунан ца беш кхоам,
Тийналлехь а, г1арехь сецош
Шен синлеткъам, боцург тоам,
Садаккхарш беламца эшош,
Дайинарг и барх1 шо атта,
Барт бог1уш вуо цуьнга хатта.

X

Хазанчаш ца беза х1инца,
Т1е и хьовьзу иштта д1а;
Барт ца хиллехь – д1атуьй сиха,
1ехийнехь – кхаь да1а са.
Цо уьш лосьу, боцуш суй,
Ткъа бай буьту, доцуш дуй,
Церан безам – биллац изсе;
Иштта хьаша, раж а йоцу,
Суьйренан ма вог1у *висте³*,
Охьахуу; ловзу веа,
Ткъа д1авовьду мацца ц1ехьа,
Цигахь набаро д1алоцу,
Цунна хаац 1уьйренца,
Стенгахь хир ву суьйренца.

XI

Амма кехато цу Танин
Онегин вайн ч1ог1а айви:
Ткъа догдастар оцу йо1ан
Цунна дийки, хилла до1а;
Дагальоцу цо Татъяна:
Бос цхьа беса, б1аьрехь – ана;
Схьагуш мерза, деза г1ан,
И ву синца луйттуш хан.
Синхаамаша, гарехь, и
Цъана мурстана д1алеци;
Амма тешний шех и хууш,
Вац са ц1ена 1ехо лууш.
Х1инца, ког ца буьллуш лаьтта,
Г1ур вай беша, уьшшиь лаьтта.

XII

Ши минот уьш тийна 1ий,
Ткъа Онегинс, т1е а веьна
Эли: «Ахьа язди соьга,
Парг1ат хила. Добху хьобга!
Аса, тамца дешна, зий,

Тешам, бехказалла екъна,
 Синан дийцар, безам хъан;
 Суна цленалла и хьоме,
 Цо муьрг кхачош соьга чоме,
 Синхаамаш денби сан;
 Со ца хлутту хесто хьо,
 Синкъадам бан воллу со;
 Ахь телелаца хлинца иза,
 Кхиэл ма йиэха суна къиза.

XIII

Довзал боло лиьча суна,
 Доза тоха къераршна,
 Кхолламна цкъа тайна, хьуна,
 Сох хлусамда, майра ван,
 Довзалан суьргаша лехош,
 Со кладвича, шайх тлех хьегош,
 Хьо цхьаь нускал хоржур аса,
 Мел хиларх сан дукха хьа-са.
 Эр, ездареш дитина,
 Кьоналлин сайн идеал,
 Хууш юй хьо денйо ял,
 Неша денон сайн йина,
 Хлуттур ваха глоза со,
 Лабрра ирсан закълт хьо!

XIV

Ткъа зовкханна со вац тлера,
 Цунна са ду сайниг хийра;
 Хъан хазалла эрна ю,
 Сох яц иза, къера ву.
 Теша (эхь-бехк цунна – члагло),
 Вайчу уьйрах хир бац агло.
 Езаш хиларх башха хьо,
 Ткъа, цкъа воьлча, шеллур со.
 Хьуна буьсург – белхам глийла,
 Сан дог хьадийр дац-кха цо,
 Барздийр ду-кха, даздеш, хийла,
 Зезагийн, клохцалшца вуо,
 Гименейс курс кечийр вайна,
 Къахьдеш уьду денош тайна.

XV

Цул дац ирча сурт ган дагна:
 Довзал, миска зуда хийла,
 Сагатдеш яхь йоцчу стагна,
 Дийнахь, буса лаш цхьа-а, глийла;
 Луьра стаг, мах ца беш стенан,
 (Чехош кхоллам, боьлу шена),
 Гуттар гуш кхоьлина, тийна,
 Глийрате, цкъа-а воцуш йина!
 Со ву и. Ахь и лехна, хлай,
 Хьайн цленачу суйнан синца

Яздеш соьга хазаллица,
 Кхаь-хьекълца башха дай?
 Кхолламо хилла-те иза
 Хьо лан йина оьмар къиза?

XVI

Схьа дац сатийсамийн, шерийн;
 Ас ца хуьйцур са, хьал, хьаьхна...
 Йиэза хьо безамца вешин
 Я, хетарехь, цул а аьхна.
 Ахь ладогла, дов ма диэ:
 Хуьйцу йола, хьуна, шен
 Сатийсамаш хийла бай,
 Иштта дитт ма хлутту хийца
 Блаьста глаш шен, къарзбеш бай.
 Гарехь, цунна стигал теш,
 Карор хьо кхи къобалвеш.
 Лама бан лаамах хьулам;
 Кхетар вац хьох муьлхха нийса;
 Цахааро кхуллу зулам».

XVII

Евгенийс и хьехам би.
 Блаьрхих ца гуш цхьа-а а хлума,
 Дай садоьлуш, доцуш дош а,
 Татъяна, ладуглуш, лий.
 Эххар куьг ма кховдий цо
 (Иштта, дагахь доцуш вуо),
 Ткъа Татъяна тле ма тоьвжи;
 Цхьаьна цара ма би некь,
 Хасбеш хадош, бовлуш чекх;
 Ткъа схьакхечи цхьаьна, лиэн
 Царна воьлла цхьа-а а ца ги:
 Юьртан маршонан ю ханна
 Шен бакьонаш цхьа ирсе,
 Курачу Москохан санна.

XVIII

Хьо хир реза, ешархо,
 Лацарна и гиллакх тайна
 Глийлачу Таница цо;
 Доьххьара ца гайтина
 Цо са цлена ирхе синан,
 Ткъа валхорах наха иза,
 Ца кхоош, цхьа башха къиза:
 Мостаглаша, доттаглаша
 (Уьш цхьаь бу-кха, гарехь, вайна)
 Иза лери дика ваша.
 Хьенна ма бу мостагий,
 Ткъа доттаг лехь ларде Дала!
 Ва, доттагий, доттагий!
 Йиш ю сан шу бевза ала.

XIX

Юй-те? Ю. Ткъа хьулбо ас –
 Сатийсамаш баьсса, 1аьржа;
 Ас, *атлангаиш*⁴ ца ян вас
 Лаьцна, ч1аг1до: дац цхьа-а хабар,
 Цкъа колано кхуллуш гина,
 Тодакхаша хаздеш, даьржа,
 Дац-кха цхьа-а а терге шабар
 Я эпиграм, сонта йина,
 Хьан доттаг1о, вольлуш гуш,
 Дика адмаш т1е гуллуш,
 Йоцуш хьаг1 а, цхьа-а а дов,
 Юьйцур йоцург, вуйлуш сов;
 Вуьшта везаш хьо, хьан метта
 Х1инццехь валлал, буьрса летта!

XX

Хм! Хм! Кура ешархо,
 Могуш буй гергарнаш хьан?
 Лаам беллахь, бакьо ло
 Сайгара хайта цкъа,
 Муьлш бу билггал *гергарнаш*.
 Гергарнаш ду иштта адмаш:
 Вайна уьш ма белла хьеста,
 Белла бизза, лара, х1ай,
 Г1иллакх лардеш, цаьрга вай
 Виналলেখь⁵ ма диэза лиэста
 Я, язъеш, уьш декьалба,
 Ткъа бисича шайна 1ан,
 Вайх хир йоцуш цхьа-а вуо ойла...
 Дала церан хан яхойола!

XXI

Ткъа хазанчийн безам аьхна
 Доттаг1аллел, уйрел – ч1ога1а:
 Хьо да – цуьнан, уг1уш аьрха
 Дарцаш, еьча санна моха.
 Амма модин мох и меха,
 Ткъа 1аламан къайле вайн,
 Ткъа татол хетарийн нехан...
 Хьомениш, до санна, бай.
 Майранан дош башха сов
 Дика зуда лардеш тов;
 Наггахь тешаме хьан неша,
 1ехаелла цкъаццкъа вуо,
 Го кхи тайна, хьо ца веша:
 Безам зуьйш бу йилбазо.

XXII

Мила визза? Мила меха?
 Мила вайца вуьсур ву?
 Массо г1уллакх, къамел нехан

Хьа, вайх вогуш, дустур ду?
 Мила ву вайх дика ала?
 Хьа вай ч1ога1а 1алашдо?
 Хьанна бац-кха вайн сакхт бала?
 Ткъа вай мила хаставо?
 Г1алартан лехамча мукъа,
 Эрна хан ца йойуш дукха,
 1ама хьо хьо-о визза хьайна,
 Ешархо сан оьзда, тайна!
 Сийлахь хьенехь: хьо ву и,
 Дац хьол деза х1ума кхи.

XXIII

Ткъа х1у хили вовшахкхетарх?
 Шуна хала дац и хаа!
 Безам мохь бу, дош ца хетарх.
 Безаман и дера 1ийжам
 Цуьнан са ма биси даа,
 Язъеш г1айг1а, к1аргбеш тийжам;
 Ял йоцуш, Татъяна йогу;
 Цунна оьшу наб ца йог1у;
 Г1ора, марзо, чам а вежа,
 Елар, оьмар, йоцу еха –
 Дерриг дай, аз санна, тов,
 Жималла вайн Танин йов:
 Иштта, 1индаг1 лоцуш т1е,
 Дарцо хьулдо кхуьу де.

XXIV

Ткъа Татъяна марг1алло,
 Беса, д1айовш, тийна 1а!
 Х1ума дац и 1ехая,
 Мукъарло цо цунна до.
 Лулахоша, болуш мукъа,
 Шабарш до-кха шайлахь дукха:
 Маре, маре – молха цунна!..
 Тоьур ду-кха. Оьшу, хьуна,
 Бекхаба сингойла тийна,
 Сурт безаман дуьллуш хьийна.
 Ткъа, хьомениш, дуу сан
 Дохковаларо вуо са;
 Йизза суна, бехк ма билла,
 Сайн Татъяна, доцу х1илла!

XXV

Денна веш йийсархо вина
 Хазалло Олгинан ша-а,
 Владимир, зовкхалла гина,
 Вежа, езаш иза лан.
 И ву цуьнца. Цуьнан чохь
 Уьш бодашкахь ма 1а хийна,
 Уьшшиь бешахь, боцуш мохь,
 Го 1уьйренца, кхарста лиьна;

Х1у ду? Вехна безамна,
Эхъан ловш и къиза ов,
Олгас шовкъ луш кхетамна,
И ма ваьхъа наггахъ, тов,
Ловзо месаш цуьнан, т1аккха
Кучан йистана барт баккха.

XXVI

Цо Олгина доьшу, хезаш,
Цхъа хъехаме, дай роман,
Шен авторна т1алам девзаш,
Вицвеш и Шатобриан.
Цхъа аг1онаш, къайле йой,
(Даьсса лер, шеконийн моглa,
Зе дан тарлурш дагна йо1а)
Цо ца доьшу, ц1из а лой.
Гена бовлий, тоьхна туш,
Шахматашех ловзуш мацца,
Стоьла т1е базбелла гуш,
Уьш шаш ма1а ойлане,
Ткъа г1ашлоргца⁶ Ленскийс шен
Б1овналг⁷ оьцуш, вицлой, цкъаццкъа.

XXVII

Ц1ехъа вьдий, ц1ахъ а ву
Иза Олгин терго еш.
Албом, ша-а бе воцуш теш,
Цо лерина кечъеш ю:
Дохку юьртан хъелаш дукха,
Чурт, Кипридин элг1аз⁸ к1ай
Я лири т1ехъ кхокха мукъа
Цо басаршца буьллу бай;
Иэсан листашца зуьйш кхоллам,
Дуьсуш лакхахъ куьйгаш нехан,
Цо байт язъйо аьхна, еха, –
Сатийсаман башха х1оллам,
Мурст-ойланан лар ша-а дийна,
Цхъаь ерг, хан мел идарх тийна.

XXVIII

Шуна, тешна, гина хийла
Эла-йо1ан и албом,
Нешаша, х1оьгтина кхийла,
Дуьллуш цу т1е сибат, ц1ом...
Г1алагашца, раз, ирх-пурх,
Язьеш байташ ламацта,
Стамъеш шайн марзонан урх
Байт яцьярца, яхъярца.
Юьххъехъ хъуна на нисло:
Qu'écritez-vous sur ces tablettes;
Бухахъ куьг: *t. à v. Annette;*⁹
Ткъа чаккхенехъ хъуна го:

«Ткъа хьо везарг сол а дукха,
Кхи д1а язъа декхар ю-кха».

XXIX

Кхузахъ карор, лобхуш тийча,
Ши дог, хаьштиг, зезагаш а;
Кхузахъ йоьшур ч1аг1о аша:
«Валлалц безам ларба кийча».
Байтхочо эскаран магий
Йолла луьра байт цу юкъа.
Цу албом т1е, догтаг1ий,
Со а язъа реза ву-кха,
Тешна волуш билгал дагца
Сайн бухбоцурш х1ара цхъацца
Ган там хиларх цхъанна мацца,
Т1аьхъа къежар ирча дарца
Х1уттур бацахъ кура нах,
Хадо вуо сан белхан мах.

XXX

Ткъа шу д1асаяьхна томаш
Жаргат чуьра шайт1анийн,
Ткъа исбаьхъа шу албомаш –
Сур моданан байтанчийн,
Шу, хазийнарш денна хеста
Говза Толстойн карсалгца,
Баратинскин кхаь-масца,
Шу ягае Дала ткъесца!
Къегинчу эмане соьга
Кховдийча in-quarto сира,
Сан дег1е зуз дог1у боьха,
Кхуьуш эпиграм цхъа ира,
Сан синан коргаллехъ еха,
Ткъа мадригалаш йоьху меха!

XXXI

Ленскийс мадригалаш язъяц
Шен Олгин албома т1е,
Цуьнан масна шело хаац,
Безам балхо долуш де;
Дайнарг цунна, хезнарг цунна
Олгех цо ма яздо, хъуна:
Бакъайист¹⁰ чулаьцна дийна,
Хи элегийн уьду тийна.
Иштга хьо, Язиков меха,
Деган кхийсарш йийриг еха,
Хастош, Далла хууш мила,
Вина, гарехъ, уьдург хила...
Хъайн элегийн нартол тайна
Хьо цхъаь ву ма-ярра яйна.

XXXII

Меллаш! Хезий? Критик кьыза
 Омра деш ву, йиш а хаьлла,
 Цлов элегийн бита аьлла.
 Байтхой гоне кхойкхуш иза:
 «Добьлхучура саца шайна,
 Ялхочура цхьа шовкъ вайна,
 Кхоо *дайнарз*, *хилларз* мацца:
 Тоьур, дазде кхиниг цхьацца!»
 – Хьо – бакъ, ахьа гойтур нийса:
 М1аьжиг, шайлта, некъ г1улч тийса,
 Ткъа ойланийн белла гулам
 Денбе эр ду, ца беш хьулам:
 Иштта дуй? – «Дац». – Х1у диэ, х1ай?
 «Язье одаш, даздеш вай,

XXXIII

Язйинарш ондачу хенахь,
 Ткъа ерш х1инца вайна генахь...»
 – Еккъа одаш боху ахьа!
 Дита, доттаг1, 1ад1а хаа.
 Тида дош ахь сатирхон!
 «Нехан маь1нан» и лирхо,
 Хьуна г1оле х1унда сел
 Вайн г1ийлачу байтанчел? –
 «Элеги хат1 доцург ю;
 Цо ло кхетам беркъа бу;
 Ткъа чулацам один лекха,
 Беза...» Кхузахь мотт сан лекъа:
 Лаац суна, хилла тхьамда,
 Ши б1аьшо сайгара гамда.

XXXIV

Лай сийлаллин, маршонан,
 Владимирс, ойланаш леша,
 Язье одаш тарлора,
 Олгин хилча дог уьш еша.
 Йиш хиллий шун, байтхой меда,
 Еша и шайн байташ к1еда
 Т1ераболучарна шайна,
 Йиэшапх хилла цхьа кхьа тайна?
 Оьзда езархо ву зовкхе,
 Сатийсамаш боьшург шен,
 Хьалха 1аш безаман эла –
 Хазанча, берг схьагар мела!
 Зовкхе... хиларх хьенехь и,
 Езар юй-ге дагахь – кхи?

XXXV

Ас сайн иэсан стоьмаш дукха,
 Волуш со уьш беша мукъа,
 Сайн бабина боьшу теккха –

Кьоналлин нешана еккъа,
 Я, цкъа, делкъе г1ийла йина,
 Лулахо чувьсна гина,
 Ас трагеди йоьшуш, хьуна,
 Ц1ена хорам ма бо цунна,
 Я (яц аса йийриг забар),
 Байтех, рифмех хилла 1абар,
 Толлуш 1ам сайн, чохь хи техка,
 Го со кьехкош бедаш чехка:
 Уьш, сан мерза эшарш хезна,
 Бердца гулло, дог сох лезна.

XXXVI. XXXVII

Ткъа Онегин х1у деш ву?
 Сан вежарий, собар дайша!
 Аса цуьнан белхаш тайна
 Шаьш ма-дарра дуьйцур ду.
 1а Онегин, ша-а цхьаь схьагуш:
 Ворх1 долуш и г1отту аькха,
 Ткъа дег1 тусу цо шен аьхна,
 Т1аккха воьду, ваха – де,
 Шу к1ел уьдучу хи т1е,
 Гуьлнара язйинчух тарлуш,
 Геллеспонтах волу к1ай,
 Т1аккха х1утту кьахьо мала,
 Ткъа журнал листина дай,
 Эххар воьду и кечвала...

XXXVIII. XXXIX

Кхерстарш, ешарш, г1ан а к1орга,
 Индаг1 хьуьнан, т1айра г1орг1а,
 Наггахь к1айчу йо1ан перза,
 Кьона, керла барт а мерза,
 Аьрха дин, шен дуьрстах боьлла,
 Делкъе йийриг башха тоьлла,
 Сирлачу чаг1аран шиша
 Молуш шена, цхьалла – йиша:
 И мур ловш, Онегин веа,
 Д1оггар т1ера воцуш цунна,
 Аьхкенац ц1иэ денош деха
 Дагарда ца х1уттуш, хьуна,
 Тесна г1ала, доттаг1ий,
 Г1айг1а ц1айнийн боламийн.

XL

Ткъа невренан аькхе вайн –
 Кеп къилбенан 1аьнийн яй,
 Цкъа – ю, цкъа – яц: и вай хууш,
 Кьера хила 1а ца лууш.
 Стигал яра гуьйре оьхьуш,
 Ткъа малх бара, хьбна, хьобжуш,
 Деха де а дацлора,
 Хьаннийн тхов а байлора,

Цхьа гловганца болуш цхьалха,
 Дахкарлахь аренаш гуора,
 Гезийн хьере ковра ггуора,
 Кьилбехьа ггаьттина кхалха, –
 Гаьнан кхочура мур ггийла: –
 Кетлахь бара эрх-бутт¹¹ шийла.

XLI

Бодашкахь ю гуьйре кхуьуш,
 Урдаш тлехь яц белхийн гловга,
 Сте борз меца тлаьхьа юьгуш,
 Бьорша борз ма йолу новкьа;
 И хаьелла, говр а, хьбна,
 Терса, ткьа гездархо, тебна,
 Кхьоруш, лома ведда гго;
 Жалу гуьйренца ца го
 Хьелий лохкуш чуьра дла,
 Ткьа делкьенца уьш цо схьа
 Шен шедагца чу ца кхойкху,
 Цхьамма, юцуш, чохь хан йойу,
 Гаьнан буйсанийн берг теш –
 Чиркх лаш, декьа лелхарш деш.

XLII

Юлуш, лелха юлу ггура,
 Дети хилла, арахь кьегаш,
 (Ешархо, хла – рифма гура;
 И длаэца ахь, кхьахь хеташ!)
 Йицъеш цленкьа, шаръеш гина,
 Татол сега, ша а бина.
 Берийн арданга ю девне
 Конкешца ша хедош зевне;
 Цийэ когаш и еза ггаз,
 Хилла нека дан шен дог,
 Ша тлехь баккха йьолла ког,
 Шерши, хаьрци, тухуш ваз;
 Ловзу, хьийзаш, лайчимаш,
 Седарчашца еш хичаш.

XLIII

Ткьа цу хенахь хлу дан шовкь?
 Кьизра? Юрт цу муьрехь сов,
 Лаамза бгаьрг кхулуш вайн,
 Йотуш го ерзалла кгай.
 Говрахь леций вай мох дера?
 Ткьа говр, таслуш аьрта лан,
 Шершаш, цийзаш ша и шера,
 Охьакхета ма яц хан.
 Ге хьо, ларъеш ггишло ггийла,
 Йиэша: хара – Прадт, W. Scott!
 Лаац? – Амма яц кхи хот,
 Бгаьрзло, мийла, суьйре шийла

Йовр ю, кхана хлотта схьа,
 Ирсе хир ду, гарехь, ла.

XLIV

Онегин – Чайлд Харолд цхьа –
 Юу цо ойлане мало,
 Глоттий, шашлахь и ма ла,
 Тлаккха цахь ву, ца еш хало:
 Цхьаь, ша-а дагахь льоруш маьрша,
 Кара кий-герз эцна аьрта,
 Ши авгол¹² бильярдах вега,
 Шеца ловзуш, иза вега,
 Ткьа хан керчий, суьйре йьолла,
 Бильярд юьту, кий а юткьа,
 Товха хьалха шун ду тоьлла:
 Иза Ленский ларвеш ву-кха,
 Кхо говр йьожна иза воьгу;
 Хинца делкье ян ма доьгу!

XLV

Жерой Клико я Моэга
 Чагар ший ду, доьгурш кхета,
 Шиша, йиллина тле йис,
 Цийндас хлоттий, воцуш пис.
 Ипокренах и ма лепа;
 Шен ловзарца, чопанца
 Дукха ви цо тутмакх кепан,
 Цо баьккхинчу толамца
 Дедоцу сом доьхки хийла.
 Дагадоьгу, хьеший, вайна
 Хлуттура и тгайра кхийла
 Шен бгаьрлаглаш техаме,
 Забарш, байташ хьекьале,
 Ткьа кьийсарш а, гленаш тайна!

XLVI

Амма чопа цуьнан аьрха
 Сан зорхана лан ю хала,
 Цуьнан метта *Бордо* аьхна
 Кийча ву со хинца мала.
Аинах чуо мега хьовза,
 Аи, сесаг санна, дина,
 Кьега, дийна, кийча ловза,
 Амал – хала, вуо ца гина...
 Ткьа хьо, *Бордо*, доттаг санна,
 Бьокьург бала, бьокьург бохам,
 Накьост, велларг баккха толам
 Ваха лериначу ханна,
 Я зовкх екьа, хьегош мостаг.
 Ирсе хила *Бордо*-доттаг!

XLVII

Алу яйна; юкъ т1е лаяцна,
Г1ийла богуш к1ора лаятта,
Яй хаалуш ц1еран т1айра,
Г1уьтту 1а, ткъа йовхо оьхьу
Сийса дечгийн дуткъа к1айра,
К1ур 1уьргара 1уьрга бобду,
К1ай кад мела «шах» дан булу,
Бода суьйренан ма тулу...
(Доттаг1ийн чам тов-кха аьшпийн,
Церан чаг1аран бокал,
Йолуш хан, ц1е тоьхнарг, хьуна,
Хан ва берзан, ва жаьлин,
Стенна тоьхна хаац суна.)
Доттаг1аша дуьйцу хьал:

XLVIII

«Муха – хьеший? Ткъа – Татъяна?
Муха – аьрха Олга хьан?»
– Жимма дотта, г1ур и 1ана...
Дика, 1а... Добзал – могуш.
Хьобга салам бу и луш.
Ткъа, сан хьаша, т1ех хазьелла –
Беснеш, белшаш, хьажар дай!
Ткъа г1ад цуьнан дуткъаделла.
Вола соьца; бе ахь хам;
Вуьшта, доттаг1, буй и чам?
Шозза кхетта, хьо д1авай.
Воккха 1овдал ма ву со!
Вукха к1ирнах вехна хьо. –

XLIX

«Со?» – Х1аь, ц1ерналг¹³ ду Татъянин
Шотехь. Олгас, нанас валхий
Суна вуно ч1ог1а хьо,
Векал веш хьо кхайкха со. –
«Цигахь хир бу совнах нах,
Г1оле берш шайн хила цахь...»
– Цигахь хир вац совнах цхьа-а.
Мила хир ву? Добзал – ша-а.
Волахь, дац иза ант!
Х1а? – «Со хир ву». – Хьо ву к1ант! –
Т1аккха кад цо мели шен,
Т1ера чопа хаале,
Х1уттуш хьоме Олга йийца,
Ца лууш и экъа хийца.

L

И ву ирсе. Цхьа ши к1ира –
Хан т1екхочу йиллина,
Лардеш нийса г1иллакх шира,
Т1аккха иза виллина

Кечлур ву кхи дахар довза.
Болх Гименан, дахар г1ийла,
Садаккхарийн раг1 и шийла –
Цунна бара башха ловца.
Ткъа вай, мостагийн Гименан,
Хууш ду добзалан хьал
Буй г1ийлачу суьртиг пал,
Чомехь жаргин Лафонтенан...
Ткъа сан миска Ленский, гарца,
Цу дахарна вина варца.

LI

И везара ... я ша-а цунна
Везаш хетара, ирс гина,
Б1озза зовкхе тешарг, хьуна,
Шийла хьекьал шен лахдина,
Вехарг ч1ог1а маьрша, ала,
Мелларг санна, байба бала,
Я кхерсталг¹⁴ шех хилла аьхна,
Ийриг тайна заз б1аьстенан;
Ткъа ву пекьар, хиндерг хуург,
1ехавала цкъа-а ца луург,
Ерриг г1улчаш, дешнийн маь1на,
Гочдича, цадезарг шена,
Хааро дог динарг шийла,
Такха дезарг дахар г1ийла!

Пхьобалг1а корта

Х1ай, ма довза ирча г1енаш
Хьуна, сан Светлана!

Жуковский

I

Ткъа цу шарахь гуьйре г1ийла
Уьйт1ахь еха 1иллира,
1аламо 1а лардеш шийла.
Мархехь луо ма диллира
Буса. Г1оттуш, йолуш 1уьйкье,
Татъянина сьха ма гира
И, к1айьелла, 1а шайн уьйт1е,
Шунаш, тхевнаш, ткъа и керг,
Корца бустамаш, са ира,
Дитташ, 1аьнан дато – т1ехь,
Ткъа ч1ег1игаш ловзарехь,
Лаьмнаш а т1е тесна черт
1аьнан, кьега, к1еда, дай.
Дерриг дара сирла, к1ай.

II

1а!.. Ахархо, воккхавина,
Ворданца некъ боккхуш ву;
Цуьнан говралг¹⁵, мар хабина,
Чабол эцна, тизкхаш ю;

Яй тачанаш ирха кхуйсуш,
Гудалкх аьрха уьду дла;
Ямхо, хьалха суйнаш туйсуш,
Кетар, цлиэ куй боьхна ла.
Длогахь кланталг уьду сиха,
Клуи салаза ду хьйна,
Кланталгах дин хилла дика;
Ловзархо плелг шелба кхиьна:
И лазаво, и велало,
Нанас корях и чехаво.

III

Ткъа шу, дезна кхи хьа-са,
Ган кхи суьрташ дуй-те лууш?
Дохкучеран хлинца аса
Мах лахара ма бу, хууш.
Делера – синглаттам бовха,
Цкъа байтанчас, зленалг – ховха,
Луо хьалхара дийци вайна,
Йостуш лаьнан къайле тайна;
Со цо дог шун эцарх теша,
Дуьйцуш байтаца, суй леша,
Салазахь кхаь-кхерстарш маьрша;
Дог сан дац-кха къийса аьрха
Цъаьннца а, ткъа гуттар цуьнца,
Кьона финхо язъечуьнца.

IV

Ткъа Татъяна (оьрси – синца,
Ша-а ца хууш маьлна дан)
Шен шийлачу хазаллица
Дезаш яра оьрсийн ла:
Клай йис, малхо яхьийна,
Салазаш, маьрклажан цлий,
Луо, тле ал бос ланийна,
«Ткъарш» до бода суьйренин.
Язйора шираллин кепехь
Цаьргахь и суьйренаш мехехь,
Гларбаш гуллуш дан хьа-са,
Сту-йоларшна пал таса,
Хлорра шарахь хьехош, тов,
Царна бляхьой хаза сов.

V

Татъяна тешара дийцарх
Ширачу хенера сьха,
Генех, кехатца пал тийсарх,
Ши ма ла бутт хлоттарх дла.
Цу тутмакхна билгалонийн
Церан матто, йоккхуш акха,
Кхайкхадора хлумнаш цъацца,
Синхетарша¹⁶ къуьйлуш накха.
Коча цидиг, ала, ма ги

Когаца бат юьлуш, хьуна:
И билгало яра цунна,
Хьеший кхочурх. Гинехь мацца
Стиглахь васт кьоначу беттан,
Аьтту агло лаьцна, летта,

VI

Егош гуора и, бос баьхьна.
Ткъа и охьабужу седа,
Стиглахула бедда аьрха,
Схьагича, са даржош меда,
Танаьс, боцуш синна хьаам,
Божале и седа охьа,
Буьйцура шен деган лаам.
Ткъа нисвелча цунна иза
Лаьржа мозглар цъанхьа ган,
Ткъа пхьагало, едда лоха,
Хадийча некь арахь цкъа,
Бехаш шеца кхерам кьиза,
И ма лара, коьрте оьхуш
Вониг, зе хиларна кхоьруш.

VII

Ткъа хлу дийр ду? Карош ду-кха
И кхерамца хазниг ша-а:
Иштга лаламо вай дукха
Дина блостаналла лан.
Ял-деналгаш¹⁷. Ирси и, хлай!
Жималла туйсуьйтуш пал,
Эшна дац-кха цуьнан хьал,
Хьалха ду дахаран дла,
Сирла, чаккхе йоцуш ган;
Къаналла пал тосуш ю,
Цъа ког цуьнан кошахь бу,
Цуьнан дерриг дла ма дай,
Лалашоно ю и лехош,
Шена мотт а берийн бекош.

VIII

Татъяна, кхаж шена баьлла,
Схьагуш ма ла балоз лаьлла:
Башхачу бустамца цо
Цунна босту цъа кхаь-гуо;
Хих буьзначу кедахь мукъа
Роглехь мухларш хлуьтту дукха!
Цунна дели мухлар мацца,
Боца шира узам барца:
*«Цигахь – муьжгий-хьолахой,
Детих ма ла барз а бой;
Хлокху эшарх хир бу чоме
Шуна ловца!»* Эшам хийла
Хьехош бу и мукъам глийла;
Мехкаршна ду цицалг¹⁸ хьоме.

IX

Г'орош буйса, стигал екхна;
 Сегийлийн¹⁹ и башха сур
 Шиэрша тийна, цхьа барт бекъна...
 Ткъа Татъяна уйт'ахь мур,
 Яй коч йоьхна, боккхуш го,
 Батте куызга хъежадо,
 Ткъа Iаьржаллехь цуьнан г'ийла
 Лиэста цхьалха бутт и шийла...
 «Чаш!»... г'арж хеза...
 г'ашхо. «Же!»
 Йол п'елгаш т'ехь йодо т'е,
 Т'аккха цуьнан дека аз,
 Аьхна, шех хир йоцуш вас:
 Хьан *ц'е х'лу ю?* Ларвеш кхуо,
 Агафон ву олу цо.

X

Татъянас, хъехамца бабин
 Кечлуш буса пал таса,
 Омра дира чохь цу банин
 Шун ши пхьега х'оттада;
 Амма кхоьру вайн Татъяна...
 Со а – схаьгуш и Светлана –
 Кхоьру – и ду долу хьал –
 Татъянина буюс пал.
 Ткъа Татъяна доьхка дарин
 Доккхий, духар тосий, метга
 Йолу. Лакхахь хьийза Лел,
 Ткъа назбарна ма ду к'ел
 Хаза куызга мехкарийн.
 Тийна. Танаь наб ю кхетга.

XI

Татъянина г'ан го башха.
 Г'енах йоьду иза д'а
 Луо диллинчу к'айчу кхашца,
 Гонд'а бода ма бу цхьа;
 Лайн коргешкахь хьалха цунна
 Дека, сийсош тулг'е сийна,
 Аьрха, Iаьржа, кьобжа, хьуна,
 Татол, ша ца бина, дийна;
 Шина – г'уркхах, т'ехь – ша шорта,
 Ду кхераме техка т'ай
 Татолна т'оьхула дай;
 Ткъа бухахь Iин зевне деха,
 Шеконаш базбина корта,
 Сецна, и Iа йистехь еха.

XII

Татол х'луьтгаре еш нехан,
 Цунна т'е Татъяна чеха;

Ца го цунна цхьа-а а дехьа,
 Куьг схаькховдо шега сехьа;
 Ткъа лайн к'орге метгах хьов,
 Цу бухара мила г'аьтти?
 Йоккха, кхоьхкина ча, тов;
 Вай! Татъяна. Ткъа ча Iаьхи,
 Ира ма Iарш – т'од цо кховдий
 Кхуьнга; х'локхо, кьовлаелла,
 И схьалеци, куьг а делла,
 Таккха, хан ца йойьуш сов кхи,
 Татолах ма ели, хьаьдда;
 Йоьду, ткъа ча цунна – т'аьхьа!

XIII

Юха хьажа и ца яхьа,
 Г'улчаш сиххой, едда г'о,
 Ткъа, лай ваьлла вуьтуш т'аьхьа,
 Едда д'а ца яхало;
 Къарш деш, йог'лу ча и дера;
 Базанаш ю хьалха царна,
 Хаза васт кхоьлина кхарна
 Дотуш; т'ехь гаьннашна церан
 Ю лайн патарш; боьххьех чекх и
 Декнийн, дехнийн, хьехийн кхета
 ЗIаьнар буйьсанан сегийлийн;
 Некъ бац; коьллаш; Iаннаш хета
 Гомха: дарцо, хьоькхуш луо,
 Юьзна дела яккъаш боу.

XIV

Танаь хьуьнха; т'аьхьа ча;
 ЙоьIна гоьллелц ду к'ай луо;
 Га вортаных тасло цкъа
 Я цо лергара, д'атоьхна,
 Дешин ч'агарш йоху вуо,
 Я когара лайлахь еза
 Башмакх юьсу цуьнан йоьжна,
 Я цо йовлакх дожадо;
 Дуьту долччохь; и д'аг'ло,
 Т'аьхьа йог'луш ча ма хеза,
 Дайчу куьйгаца ца яхьа
 Йист шен кучан айа хьала,
 И д'ауьду, ткъа ча – т'аьхьа,
 ЙоIа г'улчаш йоху хала.

XV

Лайла южу; ча схаьэцна,
 Қарахь и д'аяхьа туьгу;
 ЙоI, ах'I доцуш, тийна Iа,
 Метгах ялац, д'еIац са;
 Хьуьннан новкъа и ма юьгу;
 Эццахь нисло бун цхьа беркъа;
 Акха меттиг, гонд'а хецна

Луо ма луьллу, ткъа бун герга,
Корах са ду лешаш дукха,
Бун чохь мохь а, гловгла ю-кха:
Чано эли: «Кхузахь – захал.
Йохъяла хъан хир бу амал!»
ХIара неIаре цо юьллу,
Ткъа ша-а хьуьнха дIа ма туьлу.

XVI

Татьяна дерг кхетош ю:
Ча дIаяхна; учехь – и;
Дехъа мохь, ткъа кедаш бетта,
Ша-а барамехь санна, теттIа;
Ца гуш цхъа-а а маIна кхи,
И ма хьожу луьрга чу.
ХIу го цунна?.. Тойнехь деха
Ирча васташ вуно шорта:
Цхъаь, ерг маIаш, пхьун бат еха,
Кхи, берг боргIалан шен корта,
Ешаш, ерг газанан маж,
Ткъа чарх, сизтта, техкаш таж,
Ткъа лохпути, дерг шен цIога,
АхгIаргIули, ахциг а.

XVII

Сург ду кхи а ирча дукха:
ДIо искогалг, гезг а йоьжна,
Гезан лаг тIехь туьта ю-кха,
Хьийзаш, лекха цIе куй боьжна,
Хьера, хиьна, хелхаюьйлу,
ЦIийза тIемаш цо ма кхуьйлу;
ГIалх а, делар, йиш, шок, кIур,
Нехан лер а, бергийн дур!
Ткъа Танин хIу ойла ю,
Схьагича хьешашна юккъехь
И шен хьоме везар сов –
Кху романан турпал, тов?!
Онегин, шун долуш юххехь,
Цигахь доггах къоьруш ву.

XVIII

Цо хич яхь, гуо хьере беа;
Малахь – молуш, иза Iа;
И велалахь – боьлу беа;
Хьаьжца шад бахь – дугIу ла;
И ву тхьамда, кхеташ ду;
Танаь меллаь майра ю,
ХIинца, бала кхаьчна цхъа,
Жимма неI цо йоьллу дIа...
Эццахь мох ма болу, йойуш
ЦIе буьйсанан лепаргийн²⁰;

Йоьхна гIера гIемийн кхойкхуш,
Онегин, бIаьр догуш гарца,
Стоьла тIера гIотту гIарца,
Массо гIотту; ара – и.

XIX

ЙоI кхерало: хIинца чехка
Татьяна ма хьожу яха:
Ткъа яхалац; иза тиэхка,
Терге, мохь ма лаьа хьакха;
Евгенийс неI йоьллу дIа:
ЖоьжагIатан гIемаш Iа,
Вайн йоI – хьалха; доьлу дера,
Луьра керча бIаьргаш церан;
И бергаш, и цIоьмаш сира,
КIуж-цIоганаш, кIомсарш ира,
Мекхаш, меттанаш, тIехь – цIий,
МаIаш, пIелгаш даьIакийн –
Массо цунна тIе ма хьолху,
Массо кхойкху: сан ю! сан ю!

XX

Сан ю! – Евгенийс ма олу,
Буьрса гIера къайлайолу;
ГIуранан бодашкахь ю
Кьона йоI, и гергахь ву;
Онегинс ма юьгу тийна
Татьяна маIиге улле,
ГIанта тIе и юьллу юххе,
Белаш тIе ма буьллу, Iийна,
Корта цунна; эццахь йогIу
Олга, тIаьхьа Ленский кхочу;
Онегинс куьг ластадо,
БIаьргаш акха кхарстадо,
Цо хьешашна вуо бехк буьллу,
Татьяна, са даьхьна, луьллу.

XXI

Оьккху дов, Евгений урс
Кхуьу эца кара, мурст,
Ленский вуьйжи; ирча кхуьйли
Дай IиндагIаш, мохь ма бели
Къиза... петар лиэста юьйли...
Танаь, Iадош, самаели...
Хьаьжча, хIусам сирла ю;
Корехь, бIаьрган шаца ийна,
Ал зIаьнар ма ловзу дийна;
Эццахь Олга хIутту схьа, –
Неврenan Аврора²¹ цхъа,
ЧегIардигах тилла чу:
«ГIаккха, – доьху, – дийца суна,
Мила гира гIенах хьуна?»

XXII

Ткъа шен йиша шена юьтуш,
 Метгахь 1а и, жарга кхобуш,
 Листа т1аьхьа лист а лубьтуш,
 Цъа-а а дийца дог ца дог1уш.
 Ткъа и жарга яц-кха, хьуна,
 Дотуш байтанчийн моз-далхарш
 Я кхаь-суьрташ, я бакь-аларш;
 Ткъа Виргилий, Расин и,
 Скотт а, Байрон, и Сенека,
 Моде журнал эманийн –
 Дацара сел герга цунна:
 И вара Мартин Задека –
 Шайх халдехойн, хьекъалча,
 Г1енаш туьду хьехамча.

XXIII

Ткъа и к1орга кхоллар цаьрга
 Совдегар веара йохьуш,
 Некъах тилла, кхаьчна кхаьрга,
 Цо Танина, ловца олуш,
 «Малвинин» дакъошца цхьаьна
 Кхаа эхах йохькира и,
 Ткъа т1еяларца цаьрца кхи
 Цъа гулам забарийн халкъан,
 Ткъа гарматик, ши Петралг1а²²,
 Мармонтелан цхьа том т1амца.
 И Мартин Задека т1аьхьа
 Танин хили 1у... Тидарца
 Г1енаш, г1айг1а яй а еш,
 Денна хилла церан теш.

XXIV

Г1ено и саготта йо.
 Ца хууш и тида шена,
 Дог1а даккха оцу г1енан
 Татьяна вайн сихало.
 Цунна, юьхьалг²³ йобьшуш, мацца
 Рог1ехь элпийн схьаго цхьацца
 Дешнаш: база, дарц, ешап, зу,
 Кхолар, мох, т1айналг²⁴, хьун, ча, 1у...
 Иштта кхи. Ткъа ян и яй
 Вац Мартин Задека вайн;
 Амма луьра и г1ан ду-кха
 Даккхий зенаш хьобьхуш дукха.
 Т1аьхьа масех дийнахь и,
 Цунах бала хилла, 1ий.

XXV

Ткъа бордахчу шен куйгаца
 Гуьйкъенан серлоно дай
 Цхьаьна малхаца дуьллийца

И Церналга – ирсе ц1ай.
 Гуьйррехь Ларинг1еран кертахь
 Хьеший хьийза; стенна хууш,
 Лулахойн ма кхечи бертахь,
 Ворда, салаз, г1удалкх юттуш.
 Учехь – сийсар, забар, ловзар,
 Хьешан ц1а чохь керла довзар,
 Ж1аьлийн г1алх, ткъа хьийза вортош,
 Г1овг1а, белар, сетто кортош,
 Ца хеда и барташ хьешийн,
 Бабийн маьхьарш, белхарш берийн.

XXVI

Шен доьрталчу стеца, тов,
 Вей стомма Пустаьков;
 Гвоздин – тоьлла хьолада,
 Къечу муьжгийн 1у верг ша-а;
 Скотининаш, къобжа, къена,
 Шайн берашца, массо хенан –
 Ткъе итт кхаьчнарг, ши шо дерг а;
 Франт Петушков, хууш мича,
 Ткъа Буянов, и сан шича,
 Донах картуз, лаба еха
 (Хъаша верг ша-а тойнийн нехан),
 Маьрша г1оьнча Флаьнов-пхьа,
 Эладитхо, аьшпхо шира,
 Вежарг, кхаьхьо²⁵, жуг1арг сира.

XXVII

И Панфила Харликова,
 Вей Трике мосъе цаьрга,
 Ткъа забарча цу Тамбован,
 Дерг куьзганаш, кур-харс хьаьрса.
 Франсо Трикес язйина
 Еи куплет Танина, –
 (Йиш а ма ю лард вайн дог1мийн):
*Révellez-vous, belle endormie*²⁶,
 Алманаха юкба 1оьтти
 Цхьамма и, цкъа зорба тухуш,
 Трике, дерг байталлех хууш,
 Юха денъя и ма х1оьтти,
*Д1адаьккхина и belle Nina*²⁷,
 Яздина *belle Tatiana*²⁸.

XXVIII

Лулара ма вей цига,
 Кхиьначу мехкарийн эла,
 К1оштан нанойн верг ша-а Дела,
 Ротан командир и дика;
 Чохьхьа... Кхаь цо боккху тайна!
 Музик хир ю полкан вайна!
 Полкологан хили хьал
 Иза нисъя. Хир бу бал!

Зудабераш уьду тлеттла;
 Шуьне кхойкху. Боцуш кыйса,
 Больху куьг куьйгаца нийса.
 Сту-йоларий Танех летта;
 Кентий – доьхбал. Жаларш льцуш,
 Халкъ длатарло, гучо хьобстуш.

XXIX

Ханна длатий хабарш чуьра;
 Барташ луйьшуш. Гондла хеза
 «Тлак» бошхепийн, гирсийн шуьнан,
 Зов а кедий, уьйу деза.
 Ткъа нах, тхьузлуш, хецало,
 Пайдабоцчух лехало.
 Дешнаш, маьхьарш, йоцуш моха,
 Больу, къуьйсу, детта цлогла.
 Эццахь чу ма волу Ленский,
 Ткъа Онегин. «Далла бу-кха
 Хастам!» – хлусамнанас эли.
 Хьеший меттахбовлу дукха,
 Малар-лайг, ткъа гланташ юххе,
 Хааво ши доттаг л улле.

XXX

Уьш Танина хьалха ховший.
 Цо бос баттаца ма бокьку,
 Лу и хилла маса локьку,
 Цуьнга лан мохь беа кховдий,
 Тов хьасартне цунна чуьра
 Даьржа, дилха дагош кьиза,
 Доттаглийн маршалла шега
 Цунна хазац, блярхиш дуьра
 Хьада гертга; холчохь – иза.
 Миска, яц и ирсах хьега,
 Ткъа, гулбина болу ницкъ,
 Цо дош эли, кьардеш гликъ,
 Гийла цлэ шен балдаш дегош,
 Юьсуш яха, чохь дерг лечкъош.

XXXI

Ткъа мехкарийн бийлар сов:
 Догладдаларш, блярхиш кьиза
 Евгений вацара товш, –
 Цара хьере вора иза.
 Пелхьоно той зерца нехан,
 Латкъам хилла, и йол еха,
 Йобхь а йогуш, холчохь гина,
 Ткъа гаддайна, балд лахдина,
 Вусавелла, дош деш ира,
 Ленский бларзва члагло йира,
 Ткъа и ярца цунна диэкха

И вуьйлира цхьацца лиэха,
 Хлуттуш гона цлараш тахка,
 Раз-пурх суьрташ хьешийн дахка.

XXXII

Цхьа Евгений ма ца лийра
 Гуш и Танин хьийзар йобхна,
 Эццахь хьеший, обхьуш кийра,
 Бара бляьрг тле даллна боьгна.
 (Ткъа дурйина иза карий);
 Кхарзалг²⁹ – схьа, бланманже галий,
 Бокх³⁰ хьабкхначу шишнахь мийла
 Цимлаьнан ма дохьу чаглар;
 Ткъа когкедаш³¹, дуткъа, деха,
 Цу гадьюкьахь тера хьан,
 Зизи, хьоме самарт сан,
 Бехказчу сан байтийн кьагар,
 Безаман лехаме пхьегла,
 Ахь вахийна, лий со хийла!

XXXIII

Тлус длатухуш, «похл» ма хеза:
 Шишнахь долу чаглар аьхна
 «Шаш-ш» деш; ткъа, дланислуш, веза,
 Куплет, хлинццалц лакха хьабхна,
 Трике глотту, хьалха тийна
 Цунна ма бу гулам дийна,
 Танаь – яьхьна; ткъа Трике,
 Иза язъеш, вулу шен
 Йиш вуо лакха. Тлараш, мохь а
 Бу и хастош. Йола лоха,
 Цунна лахлуш, талбо корта,
 Байтхо, обзда, сий дерг шорта,
 Кад цо ойу, йол язъеш,
 Куплет цуьнга кховдаеш.

XXXIV

Хьеший ловцаша денби-кха;
 Татьяна баркаллаш луш.
 Ткъа раг л кхаьчча Евгенийга,
 Йолан гийла амат гуш,
 Ткъа йохар а, бляргийн дехар,
 Къа а хетта, долуш кхетар,
 Хьу хьулъеш, кладвелла хьал,
 Цуьнан бляргийн хьажар тлуьнан
 Дара башха аьхна. Баккъал
 И цу йолан васто малви
 Я, качвелла, забар цо йи,
 Лаамза я лууш цуьнан
 Бляро кхь-ховхалла йийци:
 Цо дог Танин, дохдеш, ийци.

XXXV

Нах тойнера хьолху ара,
 Хъешийн чохь д'алоцу цара:
 Иштта никха чуьра шайн
 Накхармозийн г'отту вай.
 Делкъе тайна, шиь, деш тар,
 Га, вовшашна лобкхуш мар;
 Эманаш бу товха уллехь,
 Шабарш деш мехкаршна юххехь;
 Стоблалш баьццара ю маьрша,
 Схьакхойкхуш ловзархой аьрха:
 Бостонна... нах бизза къена,
 Вист ду мегаш милла шена;
 Бу цхьатайпа доьзал иза,
 Ерг шен нана г'айг'ла къиза.

XXXVI

Ткъа барх'I роберт³² левзи дийнна
 Вистан турпалш; церан нийсса
 Цхьа барх'I меттиг хийца йийзи;
 Чай схьадохьу. Суна тов и
 Чайца къастаяр-кха Iуьйре,
 Ткъа делкъе а, иштта суьйре.
 Юьртахь хенан хета дай:
 Зорха ма ю бергет вайн;
 Атланг лоцуш, ду сан ала,
 Аса дуйцу, кхочий бала,
 Юкъ-кара и тойнаш цхьацца,
 Ткъа кхачанаш, т'ассаш цкъаццкъа,
 Ахьа санна, сийлахь Iомар,
 Хьан сий лахда ма дац омар!

XXXVII. XXXVIII. XXXIX.

Дохьу чай; бошхепаш дай
 Мехкарша шайн карайци,
 Ткъа эццахь сехьара, х'Iай,
 Фагот, флейта схьа ма йийки.
 Мукьаман г'Iар шена тайна,
 Битина кад ромца чайнан,
 Г'Iалангийн³³ ша-а Парис³⁴, тов,
 Олга кхойкхуш – Петушков,
 Танаь – Ленский; Харликова,
 Нускал шераш идда, юьгу
 Тамбовера байтхочо,
 Буяновца – Пустаькова,
 Зал чохь сиха стамло гуо,
 Бал къеггина лепа туйгу.

XL

Ткъа боламехь кху романан
 (Юьхь тептаран листа юха)
 Кепехь лиьна ву Албанан

Со бал бийца Петарбухан;
 Iехавеш сайн изсо хийла,
 Ас эманийн байна сайна
 Дагалийци когаш тайна,
 Ткъа шун юткъа лар а эцна,
 Когаш, тоьур лиэла, хецна!
 Кьона г'Iулч йиш йоцуш кхийла,
 Хьекьал гайта диэза сайн,
 Болх а, з'еналг нисьеш, тов,
 Ас пхьобалг'а тептар дай
 Ц'анда деза долчух сов.

XLI

Цхьана кепехь маса тилла,
 Дахар санна кьона, маьрша,
 Валс ду етташ муьрг шен аьрха;
 Шиь шиь уьду, шайх цхьаь хилла.
 Шен ч'Iирана веьна герга,
 Онегин ма вьолу царлахь,
 Олга цо ца юьгу байлахь.
 Цунна улле иза г'Iерта,
 Г'Iанта цо и хаайо,
 Цхьацца цунна далхадо;
 Ткъа ши минот яларца,
 Цуьнца валсехь воду д'а;
 Массо цец ву. Ленский лаьтта,
 И сурт схьагуш, дог а даьтг'Iа.

XLII

Мазуралг ма кхайкхи. Тов,
 Хезча цуьнан хьере гов,
 Нана-чохь ма егара,
 Паркет къаршца лелхаш цхьа,
 Гурнаш, «зовв» деш, декара;
 Х'Iинца, зударш санна, бай
 Го ког шаршош хийла вай.
 Ткъа нацкъарчу меттехь еха
 Мазуралг, лардийриг деха
 Хьалхалера суьрташ, некъаш:
 Кхийсадаларш, к'Iажош, мекхаш...
 Ткъа уьш дуйтуш ма ца Iа
 Мода, ерг вайн къиза Iу,
 Хьу россехойн керлачу.

XLIII. XLIV

Сан Буянов, ша-а б'Iов ваьлла,
 Турпална т'Iекхечи вайн,
 Танаь, Олга ялош; аьлла,
 Онегин Олгица вай,
 Ваха, шершаш, г'Iулч а хецна,
 Охьат IаьIна, йьбуш ховха
 Цунна сонта мадригал,

Қуыг а къуыйлуш, йо!ан, «ловв» цхъа,
Йоьхъ ма лети, ц!иэ бос эчна.
Ленскийс, гуш и къиза хьал,
Вогуш, г!ийрате хан токху,
Мазуралг д!аяларца,
Хелхабуыйлуруш къастарца,
Котильон³⁵ дан Олга кхойкху.

XLV

Цуьнан йиш яц. Йиш яц? Х!унда?
Олгас дош ма делла, шуна,
Онегинна. Х!ай, сан Дела!
(Х!у ду хезарг?) Биэ Ахъ мела...
Аганара, гарехъ, схъа

Ю сеттархо иза цхъа!
Девзаш юйца иза х!илла,
Гехам бан и !аьмма хилла!
Ленский, боцуш ницкъ кхи !ан,
Зударийн х!уманаш далхош,
Говр шен йоьхий, воьду д!а.
Ши тапча, ши д!аьндарг оьшу,
Оьмар яхъеш я и хадош,
Хилларг къасто уьш ма тоьу.

Гочийнарг ХАТАЕВ Хьусейн

Чаккхе хир ю.

¹ «Эхъ-бехк х!уманийн !аламца ду». Неккер (фр.).

² Т!уьска къайлайоккху месех туьллийла.

³ Кехатех ловзаран кепехъ цхъаь.

⁴ Хьалха лелош хилла эчигах йина дукьош вовшах тосу ч!аг!о, кхузахъ тардиначу маь!нехъ дош, дешнаш юкъя лоцу къовларгийн тайпа.

⁵ Йийса пайх!амар вазво ц!ай.

⁶ Шахматийн ловзаргех уггар жиманиг.

⁷ Шахматийн ловзарг, г!опан кепехъ йина.

⁸ Йоккха исбаьхъа килса.

⁹ Ахъ х!у яздийр ду х!окху листаш т!ехъ... Ерриг хьан Аннет... (фр.).

¹⁰ Шеконе дилла йиш йоцуург.

¹¹ Ноябрь.

¹² Карчолаг.

¹³ Стагна тиллина ц!е язйо ц!ай.

¹⁴ Синтем байна, д!а-схъа хьийза садолух!ума.

¹⁵ Жима говр.

¹⁶ Даго хьоьхурш.

¹⁷ Керстанийн деза денош.

¹⁸ Жима цициг.

¹⁹ Седарчийн чалхаш.

²⁰ Чохъ буса серлонна латораш.

²¹ Римхойн мифологехъ !уьйренан са тосу хенан Дела. Желтийн Эос.

²² Пьотрах лаьцна жаргаш.

²³ Чулацам буьйцу раг!-х!оттам.

²⁴ Жима т!ай.

²⁵ Даржахо, ша-а г!уллакх дийриг нахера ахчанаш, совг!аташ схьакхуьйлург.

²⁶ Самаяла, наб йо хазанча (фр.).

²⁷ Исбаьхъа Нина (фр.).

²⁸ Исбаьхъа Татъяна (фр.).

²⁹ Деттина жижиг.

³⁰ Силадан тайпа.

³¹ Малар молу юзийлин тайпа.

³² Вистан ловзаран бал.

³³ Кегий г!аланаш.

³⁴ Желтийн мифологехъ Приаман к!ант. Приам желтийн мифологехъ Троиан (Илиоанан) т!аьххъара паччахъ.

³⁵ Франсойн хелхаран тайпа.

Ковраев ШапаI**Къоме весет дина...**

Шен ненан мотт халкъо,
сий ойбуш, Iалашбахъ,
Цу халкъан паргIато
цхьаммо а хьошур яц.
Мамакаев Мохьмад

Сов беа лерина вайн ненан мотт,
И ларбан тIаьхьенна дуьтуш весет,
Вирзи цу эхарга даимна хьо,
ХIоттаеш Даймехкан юкъара тезет.

Нах ца кхардош

Тийсалуш толкха а лелхаш,
Хьо гIерга къамеле вийла.
ДIатасий хийра мотт,
Вацахъ и бевзаш,
Хайн ненан маттахъ дагара дийца.

Шен хьолах чам байна...

Ша стаг хиларх доккхачу даржехъ.
Хьал-бахам болуш хиларх а и;
Хиларх шуьнехъ чам-мерза кхача.
Хьох-сох веларх а тIаьхьашха и;
Шен дIаьвше бага а дIаетташ
Хьийзабарх миска пекъарш цо,
Цабезам буьсур бу цунна тIехъ нехан.
ДIакхелхаш шеца и дIахьур бу цо.

Ахь боху хьайн дай элий хилла

Ахь боху хьайн дай элий хилла,
Букъбелла токхечу хьолах.
Цара хьо, пекъар, ма тилийна,
Шайн дахар хиллашехъ дорах.

Хилла бац цкъа а элий хьан дай,
Уьш гIийла баьхна охуш, дуьйш-
дерзош.
Ахьа а ма дохка эхъ-бехк а хьайн,
Лахьтанийн гатте уьш берзош.

**Вайшиь цхьанакхетта
1986 шо...**

Вайшиь цхьанакхетта шо,
Деънера иза цхьа шийла.
Февраль арахъ, цо хIун до,
Iазапе хьан къуьйлуш кийра?

Дохура Iалашъяр хьуо,
Лелара со синтем байна.
...Ткъа хIинца-м хьо ирс долуш го, –
Ас гIайгIа тIелаяцна сайна.

Харц дуьне

Харцонехъ доьгтина
Ду дуьне вайн:
Бакъонна тIегIертарг,
Меха вац лайн.

Харцонан байракх шайн
Эцнарш кара,
Ма дохко бевр бу-кха
Цу махьшарахъ!

Шалхо лелор стогалла яц

Юьхьдуьхьал цхьаь дуьйцуш,
ТIаьхьашка – кхин,
Лелачух ваьшна вац,
Вешар а вац.
Стогалла, яхъ-бехк а
Дохькина, и
Вахалур вуй теша?
Со-м тешар вац.

Сайн кIанте

Олучух хьайн тIаьхьенна,
Даим ларлуш хилалахъ.
ТIаьхьенна дош ала меттиг,
Яларх, сан кIант, кхералахъ.

Сан цкъа а хилла яц шеко

Тешнабехк бин цунна къиза,
кIант, тахна,
БIаьрнегIар ца тухуш ахъ.
Везачу Дала и бицбийр бац цхьанна,
Цкъа мацца бакъ бекхам ловр ма бу ахъ.

Адам Ахматукаев**Пока не настал этот день...**

*Памяти Адлана,
сына Солт-Ахмада*

У врача сердце тоже из плоти,
Для которой назначен пароль:
Если болью чужою живете,
То своею становится боль.

Радость, вера его согревали
В тесном круге забот и невзгод,
Не давая томиться в печали,
Что конец этой жизни придет,

Что когда-нибудь та, с кем борются
Он за жизни чужие привык, –
Смерть погасит и доктору солнце...
Грешен мир, но как сладостен миг,

Каждый миг на земле!
Что? Смириться?
На судьбу злиться? Жребий борца –
Так трудиться, чтоб жизни страницы
Были полем побед до конца!

Земля Отчизны

Закрыла горы коршунья стая,
И каждой жилкой жаждал я ответа:
Неужто жизнь сиротская, пустая –
Лишь подаяние от бела света?

Хрипела гордость
в непокорной песне,
Упрямо отвергая злую долю.
И верил я: моя Чечня воскреснет
И даст мне счастье на отцовском поле!

Я не бросал в мороз дечиг-пондара*,
Натягивая солнечные струны.
Наперекор угрозам смертной кары
Они звенели песней, вечно юной!

Нет злобы в сердце,
в нем рубец навеки
Оставлен горьким временем разбоя.
Горжусь судьбой
остаться человеком –
Не подаянья ждущим сиротою!

Напевы гор не выжжены пожаром,
И потому всегда во имя жизни
Откликнется душа дечиг-пондаром
На зов моей несломленной Отчизны!

Измена

Историю любви как описать?
Я вел себя почтительно, как зять,
Которым только предстояло стать.
Твоя смотрела благосклонно мать

На жениховство. Да и твой отец
Догадывался, но молчал – мудрец!
Украл чернила парень-удалец
И дописал истории конец...

Именем твоим, Чечня

Несли лжецы на знамени своем
Твое святое имя, о Чечня!
Сыны твои, крещенные огнем,
Поверили лжецам среди огня.

И я поверить тоже был готов
Призывам громогласным и лихим.
Но предали, Чечня, твоих сынов
Те, кто поклялся именем твоим!

Сегодня снова знамя над тобой
Указывает солнечный маршрут.
Те, кто играл, Чечня, твоей судьбой,
С пути к свободе больше не собьют!

Чужим ветрам идти наперекор
В строю, где каждый
Родиной согрет, –
Таков удел сынов чеченских гор,
Удела выше не было и нет!

Нежно

Когда наскучит солнечным лучам
Пустое небо бороздить без цели,
Потянутся они к земным лугам,
Как руки мамы – к детской колыбели.

Там, где цветы навстречу расцвели,
Раскрыв с доверьем
лепестки-пеленки,
Они впитают аромат земли,
Как сладкий запах малого ребенка.

На свадьбе

Без уговоров под счастливым кровом
Я танцем удивлю весь белый свет!
О, как я рад тебя увидеть снова!
Показывать мне это или нет?

Как мог я безразличием проклятым
Отпугивать заветную судьбу?
Быть может, это зренье виновато?
Иль не решилась ты на воровку?

Пусть в нашем танце нынче на гулянье
Огонь любви заметят все опять!
С тобой быть рядом –
выше нет желанья!
Заметишь это? Или показать?

Загадка моих сновидений

Из страшных сказок, из былых времен
Врывается ко мне забытый сон,

Что правит миром тот, чье имя вслух
Грешно произносить –
нечистый дух...

Неужто наступили времена,
Когда и впрямь хозяин – сатана?

И скоро торжествующий злодей
Присвоит души бедные людей?

Но отчего его окрепла власть?
Не оттого ль, что мы готовы пасть?

Не оттого ль, что через сито лет
Доходит к нам не правды –
кривды свет?

Он – озаренье для слепых невежд,
Которые в плену пустых надежд

Готовы сеять ненависть и страх,
Неся Пророка имя на устах.

Неужто этим бредням все равно
Поверить нам, заблудшим, суждено,

Да только наяву, а не во сне?
Все тяжелее просыпаться мне...

Увоз невесты

О, только ли адаты виноваты,
Что мучаешь любимого сейчас?
Как будто не звучали ваши клятвы
И не сказали губы главных фраз!

Ты медлишь. Заждались уже джигиты,
И ружья заждались команды: «Пли!»
И мать, чтобы заплакать деловито,
И весь аул, чтоб грянуть: «Увезли!»

Казалось...

Хотел облегчить груз твоей вины,
Хотел от всей души помочь тебе.
Казалось, благодарны быть должны
Мы оба пожалевшей нас судьбе.

Казалось, ты раскаешься за боль,
Что полоснула по сердцу меня.
В обиде, нанесенною тобой,
Признаешься, надежду сохрани.

Казалось... Но читал в глазах твоих
Не пламень чувств, а равнодушья лед.
Ты отреклась от счастья за двоих.
Неужто Бог былого не вернет?

Несовпадение жизненных орбит
Уводит навсегда от общих дней...
А только рана прежняя горит,
Не затухая в сердце, все сильней.

Пока не сошел с колыбели...

Покачай колыбель
И любимую самую песню
Хоть однажды пропой
В такт движенью души и руки.

Завтра точно не будет –
От пращуров наших известно –
Никогда слух ребенка
И чутким, и тонким таким.

Та, которой нет и пятнадцати...

Никакой житейской стужи.
Просто детские года.
Мир игрушек и подружек
Окружал ее всегда.

Ни кокетливой походки,
Ни уменья привлекать –
Не успел росточек кроткий
Девушкой покуда стать.

От весеннего дурмана
Не кружится голова.
Отвечать еще ей рано
На заветные слова.

Дочка матери перечит.
В чем – соседям невдомек.
...Разве то по-человечьи –
Замуж отдавать росток?

Одиночество

Тебя уже не слушают всерьез,
И тело – все упрямится тебе.
И посох-поводырь к руке прирос
Единственным товарищем в судьбе.

Нет сверстников давно уже вокруг –
Веселых, неумных, полных сил.
Неужто время – самый злой недуг –
Вас навсегда с друзьями разлучил?

Хранит тебя Всевышний много лет,
Но злые сны покоя не дают.
И у мальцов – чужих – желанья нет
Сегодня душу понимать твою.

Они тебя обходят стороной,
Сам подойдешь – и разговор зачах.
Твое ли многословие виной
Иль мыслите на разных языках?

И нет возврата к временам иным,
Когда среди джигитов был в цене,
Когда мечтой влетал в девичьи сны
На свадебном горячем скакуне.

Когда почетным гостем был везде
И лучшим тамадой среди мужчин,
Когда конец разладу и вражде
Мог веским словом положить один.

Да, было и прошло. Круговорот
У нашей жизни справедлив и строг:
Свершенья – одиночество – исход...
Есть устье у реки и есть исток...

Горе матери тяжелеет

Когда ее сорвется сын
С высокого пути мужчин,

Придавят горе и позор
Мать, словно тяжесть вечных гор.

Но сколько бы ни клял народ
За грех сыновний мать и род,

Утратит ли святую суть
Вскормившая злодея грудь?

Боль одиночества

Боль одиночества... Наверное, она
Из этих лунных нитей сплетена.

И не напрасно кажутся тебе
Они да сплетни главными в судьбе.

Окно напротив. Молодая мать
Ребенка кормит. Лунный свет сосать

Он начинает вместе с молоком.
А мать – тебе сочувствует тайком.

Рассвет холодный выпил чашу сна,
И втягивает щупальца луна.

А радио гремит – сойти с ума!
Там вести – только миг,
как жизнь сама.

Окно напротив. Молодая мать
Ребенку улыбается опять.

На чердаке тоскливый ветра вой
Над колыбелью, брошенной тобой...

*Перевод с чеченского
Юрия ЩЕРБАКОВА*

*Дечиг-пондар – чеченский народный трехструнный музыкальный инструмент (аналог русской балалайки).

Шамсуддин Макалов**Одиссея беглеца****Повесть***Продолжение. Начало в №№ 3, 4 (2017), 1(2018).***Глава 5****Приезд**

Трудно войти в чужой дом. Очень трудно. Чувствуешь себя скованно, не знаешь, как встретят. Но Кемаль и его семья приняли наших героев радушно. Нанаш познакомился с детьми Кемалья: с сыном и дочерью. Сын Юсуф был студентом мореходного училища, а дочь – года на два моложе Нанаша – училась в школе. Принарядившись, она вышла к гостям – стройная, в новом розовом платье, с легкой улыбкой на губах. Общительная и жизнерадостная, она своим звонким голосом рассказывала Нанашу о своей школе, о голосистых, шумливых, драчливых одноклассниках, затем, включив проигрыватель, слушали музыку, пока их не пригласили поужинать. Незаметно пролетела ночь.

Утром после горячего душа Нурахмед обрадовался крепкому чаю, пил он его с удовольствием, приговаривая: «Легко стало, большое спасибо вам, дорогие... А теперь пора собираться домой».

Когда Нурахмед и Нанаш собирались уже уходить, хозяин дома обратился к своему другу:

– Нурахмед, разреши твоему племяннику, приехавшему издалека, рассказать одну притчу.

– Сынок, слушай, что скажет тебе дядя Кемаль. Он кувшин мудрости.

– Послушай, Нанаш, – начал Кемаль. – Однажды какой-то путник, как и ты, приехал в незнакомый город. У ворот города он увидел старика с убеленной бородкой. Путник подошел к нему. «Я никогда не был в этих местах, – сказал путник. – Скажи, дедушка, какие люди живут в этом городе?» – «А какие люди жили в городе, который ты покинул?» – спросил у него старик. «Это были черствые, наглые и плохие люди, и я без сожаления расстался с ними». – «Здесь ты, юноша, встретишь таких же». Некоторое время спустя другой путник задал старому человеку тот же вопрос: «Скажи, старец, что за люди живут в этом городе? Я только что приехал и не знаю местных обычаев». Старик вновь ответил вопросом на вопрос: «А что за люди жили в городе, откуда ты пришел?» – «Это были замечательные люди, добрые и гостеприимные. Многие стали моими друзьями, и мне было нелегко оставить их». – «Здесь ты найдешь таких же». Купец, который привез в город свои товары, слышал оба разговора и в недоумении обратился к старику: «Как же так? Ты двум людям на один и тот же вопрос дал совершенно разные ответы...» – «У каждого в сердце свой мир, – ответил старик. – Если кто-то не нашел ничего там, откуда пришел, он и здесь его не найдет. А у кого были друзья, он и здесь без добрых людей не останется. Ведь мы видим в окружающих нас людях только то, что имеем внутри себя».

Нанаш тут же вспомнил чеченскую поговорку: «Непорядочность или благородство в самом человеке, как родник». Вспомнились и стихи:

Я огорчаюсь – все огорчается!
И угрюмые люди встречаются,
И собаки кусаться бросаются.
А когда твоя радость – как буря,
Всюду веселые лица встречаются,
И собаки с весельем ласкаются...

– Сынок, запомни эту притчу, на новом месте, я думаю, она тебе пригодится, – сказал Нурахмед. – Постарайся везде быть самим собой, совесть не теряй, честью не торгуй. У нас говорят: «Гнилая доска гвоздя не держит». Да, да, именно так, сынок... А теперь нам надо ехать домой... Отдышались, отдохнули... Спасибо хозяевам за ночлег, за угощение. Приезжайте на отдых к нам, будете дорогими гостями...

Идя к автобусной остановке, Нанаш спросил Нурахмеда:

– Вы часто бываете в Баку?

– В молодости часто приезжал к друзьям, – улыбнулся Нурахмед, – нежился на теплом прибрежном песке под солнцем у ласковых волн Каспия, любил развлечь душу красотой столичных девушек. Одна краше другой. Они глядели лукаво, и, знаешь, не конфузилась ни одна. Да, многое изменилось в городе во взаимоотношениях. А когда увидишь на городском пляже полуголых женщин, поневоле удивленно воскликнешь: «Астахпируллах!» Ведут себя слишком свободно. Пальца в рот не клади. Не надо же так демонстрировать себя. А с гор они спускаются чистыми и добрыми. Не говори, что у меня отсталый взгляд. Знаю – теперь иные, советские времена. А сельские у нас, я тебе скажу, пока не такие – они скромницы. Многие покорно исполняют волю родителей. У них добрый нрав. В целом, я тебе скажу, Нанаш, наша система просвещения шаблонна. А людей, особенно кавказцев, нельзя воспитывать по шаблону. Мы же не заводные куклы. Тьфу, не люблю политику. Главное, чтобы был мир... А теперь я здесь бываю редко. Приезжаю размять свои старые кости, побродить по магазинам, навестить оставшихся в живых старых друзей. А почему ты спросил?

– Я бы хотел поближе познакомиться с городом. Увидеть достопримечательности, музеи... а мир бесстыдства я тоже не люблю.

– Это хорошо, хотя разгуливать у нас с тобой будет мало времени. Когда буду сюда ехать, я возьму тебя с собой. Здесь есть на что посмотреть. Я люблю этот город. Однажды, это было еще до войны, мы с Кемалем на одном приморском пустыре посадили по одному эвкалиптовому саженцу. Теперь они стали огромными деревьями, а кроны позвякивают, как елочные игрушки. Теперь этот пустырь превратили в место культурного отдыха. Не пропало наше начинание. Вообще, эвкалипт очень быстро растет. Я тебе как-нибудь покажу это место....

В районе старого города, купив билеты на автобус, Нурахмед и Нанаш направились в больницу. Впереди вбегала по лестнице молоденькая сестра. Нанаш обратил внимание на кокетливо надетую белую шапочку. Нурахмед окликнул ее и спросил, как пройти к хирургу. Нанашу перевязали плечо, смуглолицый и черноусый хирург сказал, что рана уже не опасная. Да и Нанаш чувствовал себя вполне здоровым. Приятно чувство победы над недугом, особенно когда ты находишься вдали от родного края и близких. В село ехали на автобусе. Перегруженная машина продвигалась медленно. Хотя с утра прошел небольшой дождь, все же было жарко. В автобусе говорили на азербайджанском, русском и армянском языках. Шутили, смеялись. «Крепнет дружба народов», – подумал Нанаш. После выезда из города села тянулись вдоль дороги. Усадьбы выходили к дороге садами, дома прятались за деревьями. Деревенские собаки приветствовали их громким лаем. Где-то через час езды начался настоящий лес. Нанаш и Нурахмед сидели рядом. Нурахмед называл названия сел, но Нанаш их тут же забывал. Лесная дорога оказалась экзотической: незнакомые деревья, птицы. Здесь Нанаш впервые увидел фазанов и буйволов. Затем дорога сменилась кустарником, и показалось побережье реки Куры. До этого Нанаш думал, что Кура чисто грузинская река. Но тут понял: раз впадает в Каспий, значит, часть принадлежит Азербайджану.

Кура оказалась мутной, полноводной и, несмотря на лето, холодной. «Как

наш Аргун», – подумал Нанаш. Шофер остановил машину недалеко от берега реки, около закуской. Некоторые смельчаки купались в реке. Нанаш тоже хотел искупаться, но тут закапал дождь. Он быстро прошел. Стало свежо, солнце засверкало на листьях и на травах. Вот тут Нанаш впервые увидел азербайджанскую радугу. За его радужными воротами лежало родное село Нурахмеда.

К вечеру добрались до села. Оно было небольшое, около трех тысяч душ... Шли медленно, еле волоча свой груз. Пот лился по лицу, мошкара липла к губам, лезла в глаза и уши. Идя к усадьбе Нурахмеда, Нанаш видел утопающие в зелени садов приземистые домики. Вокруг, насколько хватал глаз – виноградники. Нанаш вспомнил стихи:

Лист зеленый винограда!
Ты печаль моя, отрада...

– Вина здесь много, – вдохновенно сказал Нурахмед, – некоторые пьют его вместо воды. У нас есть такой сорт винограда, который называется по-нашему «какачи». Из него получается отменное вино, в нем намного меньше алкоголя, чем в других сортах. Сок его – животворный бальзам, помогает от недугов лучше всяких лекарств. Когда была война, мы его отсылали на фронт. «Все для фронта!» – такой был приказ. А люди здесь, как и везде, живут пока бедно.

– А село древнее? – спросил Нанаш.

– Конарды очень древнее село, – сказал Нурахмед, – Ему, пожалуй, пятьсот лет, не меньше. Видел развалины на окраине? Это остатки нашей мечети. Нас насильно удаляют от Бога. Кажется, что мы вырастаем без него. Но это не так. Другого защитника у нас нет. Кто нас хранил от фашистов, голода, лишений, сиротства?..

Много было в селе колодцев. Почти у каждого дома. Они были неглубокие – наклонись, зачерпнешь кружкой. Когда они миновали деревянный мост через какой-то арык, их нагнала пустая подвода, на которой оказался знакомый Нурахмеда.

– Эй, Мамед! Подвези нас, – крикнул он.

Подвода тут же остановилась. Нурахмед и Нанаш со своими вещами уселись, и подвода тронулась в путь, качаясь на частых ухабинах. Нурахмед и Мамед всю дорогу о чем-то говорили, но Нанаш их не слушал, а смотрел по сторонам. Смотреть было очень любопытно, ведь все это он видел в первый раз. Усадьба Нурахмеда оказалась в верхней части села. Отсюда многие дома были видны как на ладони. Подвода остановилась около большого, островерхого, как китайская пагода, дома. На гребне крыши подрагивал красный жестяной петушок. Дом был с синей каймой у основания, на который падала тень двух старых орехов. Увидев их, Нанаш вспомнил, как они в школьном саду с ребятами собирали орехи и долго ходили с черными пальцами, руки не отмывались от следов ореховой скорлупы. Как гонялись за воронами, которые крали у них собранные орешки. А за домом Нанаш заметил большой сад.

– Вот мы и приехали, – сказал Нурахмед. – А до школы отсюда метров двести.

Сразу отворять калитку Нурахмед не стал, сначала звякнул кольцом. Из приоткрытого сарая вышел старый пес. На Нанаша он посмотрел строго, будто спрашивая: «Кто ты такой?» Но, узнав хозяина, ткнулся мордой в колени и улегся у его ног. Верный пес всегда узнает своих – в горе и в радости. Хозяину было приятно это выражение собачьей привязанности. Нурахмед погладил его по затылку:

– Стареем, старый друг Хияр. Как ты тут без меня?

Пес шевельнул хвостом, довольный, что и его о чем-то спрашивают. В это время по дороге проехало несколько подвод. Какая-то бригада, видно, возвращалась с поля. Девушки пели. Пели во весь голос, чтобы перекричать стук колес.

– Молодые! – улыбнулся Нурахмед. – Им-то весело!

В это время одна из подвод остановилась, с него слезла миловидная женщина среднего роста и отряхнула платье и ладони от пыли.

– А вот и жена моя, Селима. Я ей запретил выходить из дома до моего приезда. Хватает домашней работы. Чертовка! Бросила дом на произвол судьбы. Оставила детей без присмотра.

Приятной наружности, ей можно было дать лет тридцать – тридцать пять. Не тронутые еще сединой черные волосы были заплетены в толстую косу. Если жизнь Нурахмеда шла к закату, то Селима была еще полна жизненных сил. В поезде почти не куривший Нурахмед почему-то потянулся к карману – закурить.

– Наконец-то! Я ждала тебя, чтобы сказать тебе, что ухожу от тебя, – подходя к ним, она бросила на Нурахмеда нерадостный взгляд.

– Что случилось, жена? Ты не рада, что я вернулся? – нахмутив кустистые брови, Нурахмед исподлобья взглянул на жену.

– Случилось, да, случилось! – ответила она раздраженно.

– Что, другого нашла? Влюбилась в какого-то шалопаю? – криво усмехнулся Нурахмед.

– Ой, да перестань, слышать не хочу!

– Так в чем дело? – спросил муж. – Что за фокусы? Рассказывай. Или давай лучше зайдем в дом. Помоги нам занести вещи.

– Нет! Нет! Ни за что не пойду! Хоть убей меня, не пойду! Я ухожу пока к матери. А это кто? – она посмотрела на Нанаша.

– Он свой. Можешь рассказывать. Мой племянник. Зовут его Нанаш. Будет жить у нас в течение года.

– Твой Косум... Этот немой придурок виноват во всем, – она сделала брезгливую гримасу.

– Ну, что он натворил? – спросил Нурахмед.

– Лучше не спрашивай.

– Говори, жена.

– Случилось то, что он продал твою лошадь. Каждый вечер приходил пьяный, приставал ко мне. Его нечленораздельные звуки с хрипом пугали меня. Я уходила спать к соседке, тете Айше, а он выгонял сестру и брата, чтобы они привели меня. Вот такая история. Он мне поперек горла. Мое решение: пока ты не решишь, что с ним делать, я не вернусь. Хорошо, что об этом не знает мой брат, иначе он убил бы его.

Эти слова прозвучали для Нурахмеда, как внезапный выстрел. Нанаш подумал о Квазимодо, хотя провести между ними аналогию было нельзя. Косум не был уродом, а Квазимодо не был немым. Нанашу очень захотелось взглянуть на него.

Наконец Нурахмед вздохнул и сказал:

– Жена, не уходи. Мне жаль, что так вышло. Прошу по-доброму. Пожалеешь. Я привез тебе и твоей матери подарки. Я ведь только что приехал, разберемся, – теперь голос Нурахмеда звучал умоляюще.

– Вот и разберись. А пока прощай. Я записалась в полеводческую бригаду. Я хочу быть среди людей. А ты очень ревнивый – держишь меня, как собаку на цепи. Все, довольно с меня, терпеть тебя не могу!

Последние слова сильно обожгли мужа, от гнева у Нурахмеда затрясся подбородок, раздулись ноздри.

– Ах, вот как ты заговорила! Ожила на моих харчах! Я же вытащил тебя из нищеты и грязи, всю пропахшую навозом! Ты забыла?.. Ты мне должна была в ноги кланяться. Ты на редкость дура.

– Действительно, дура. Я из-за тебя потеряла молодость. Ездила по базарам,

продавала твое барахло. Шкурки, кольца, юбки, блузки, туфли всякие. Из-за них отсидела три месяца...

– Я же вытащил тебя. Помог твоему брату построить дом. Одел, обул тебя. Что ты еще от меня хочешь? Я твой муж! Ты должна меня во всем слушаться. А ты неблагодарная.

Нурахмед откашлялся и плюнул.

– Тебя слушаться? Ничтожество, ты загубил мою жизнь! Не выпускал из дома, не разрешал рожать, боясь, что и они будут такими же уродами, как Косум. Хватит с меня! Вещи свои я уже отнесла к матери.

Теперь Нанаш понял: Нурахмед был спекулянтom или контрабандистом. Вот откуда у него такой большой дом, когда вокруг одни хибары. Он везет новую партию товара. Теперь понятно, зачем он ему нужен. И это его встревожило. Он вспомнил слова отца Мусы: «Дурно нажитое добро впрок не идет, нечестное добытое как ветер развеется. Сколько веревочке ни виться, концу все равно быть». Ладно, – подумал он, – время покажет; а пока надо ему помочь Нурахмеду уговорить жену».

– Тетя Селима, – сказал он, – не уходите. Мой дядя хороший человек, он ни в чем не виноват. Ведь мы только приехали. Вот увидите, он успокоит Косума.

– Да поди ты к черту со своим дядей! – Селима перевела глаза с ледяным блеском на Нанаша. – Я его знаю лучше, чем ты. Ясно?

Селима даже ухом не повела. Нурахмед хотел вlepить ей оплеуху, но Селима быстро вскочила в проезжающую подводу, оставив их одних.

– Да, вот как нас с тобой встретила моя жена. Она еще пожалеет. Я видел очень плохой сон. Я знал, что должно произойти что-то страшное. Очень страшное. Горе мне, что он натворил! Это неслыханно. С ним и поговорить-то нельзя. Лучше бы ему не родиться на этот свет! – с горечью сказал Нурахмед. – Я его все равно накажу, – он сгорал от жгучей обиды на сына.

Он бросил сигарету и поднес шершавую руку к глазам. Лицо его побагровело до синевы, казалось, его вот-вот схватит удар. Взбунтовавшаяся от гнева кровь клокотала в нем, не унималась, туманя разум. Нанаш, посмотрев на него, сказал:

– Дядя Нурахмед, не надо так убиваться. Все образумится. Вам ваших детей надо расспросить. Они могут подробно рассказать. Прежде чем подозревать человека, надо разобраться, что к чему.

– Да дети... а вот и они, – из глубины сада показалась девочка и мальчик. Девочка вела его за руку. Заметив отца, девочка воскликнула:

– Гейбулла, отец приехал! Как я рада!

Нанаш заметил, как у девочки вспыхнули глаза. Он понял, что это и есть Гульсия. Они с братом подбежали и прижались головами к отцу, который, несмотря на свое состояние, нежно их гладил и ласково приговаривал:

– Э-э, мои хорошие!

На лицах детей была самая искренняя, самая неподкупная детская радость. У девочки были красивые волосы, словно она окунула их в жидкое золото. А глаза – черные, живые. Белозубая улыбка. Черные были у нее и брови: приподнятые к вискам, длинные, тонкие. На ней было платьице в крапинку и передник, на котором были вышиты голуби. Даже в этой простой одежде она выглядела красивой, рослой и женственной для своих тринадцати лет. Все это не укрылось от глаз Нанаша. А смугловатый мальчишка был похож на свою сестру, черные волосы обрамляли красивый овал лица. Только большие, темные глаза были мутные, почти незрячие.

– Отец, а это кто? – спросила Гульсия.

К удивлению Нанаша, Нурахмед после небольшого замешательства сказал:

– Это ваш двоюродный брат. Он приехал в гости из Сибири. Зовут его Нанаш.

– Нанаш, значит ты будешь жить у нас! – в глазах у Гульсии была радость.

– Да, если вы примете, – глядя на нее, улыбнулся Нанаш.

– Я рада такому брату, – улыбнулась она в ответ. – Я угощу его тортом, который я приготовила на ужин вместе с нашей соседкой тетей Айшой.

– Брат, айда ко мне, – сказал молчавший до сих пор Гейбулла. – Я покажу тебе свою комнату.

– Нанаш и Гейбулла будут спать в одной комнате, и он заодно присмотрит за ним. А ты, дочка, займи пока комнату Селимы.

– А Селима, отец?

– Она ушла к матери и неизвестно, когда вернется. А сейчас зайдем и занесем вещи, а потом ты пригласишь тетю Айшу, и вы скажете мне всю правду о Селиме и Косуме. А Косума я затем жестоко накажу.

– Отец, Косум почти не виноват, – прошептала Гульсия, – во всем виновата тетя Селима. Это она начала после твоего отъезда... Заставила продать лошадь, купила себе наряды...

– Ладно, поговорим дома... А где Косум сейчас?

– Спит в своей комнате. Часа два назад он пришел очень пьяный и рухнул на кровать. Из кармана у него торчала бутылка. Я ее потихоньку вытащила и спрятала в сарае, чтобы он больше не пил.

Узнав о приезде Нурахмеда, пришла тетюшка Айша. Она пришла с большой глиняной миской, полной до краев борща, подкисленного помидорами, – отличный борщ, тем более что все проголодались. Тут же появились торт и чайные стаканы. Все сидели за столом. Весь ужин Нурахмед был хмур и молчалив. Айша борщ не ела, только пила чай с тортом. Она была женщиной лет под пятьдесят, после смерти мужа она растила трех малолетних детей. Айша умела плести корзины, которые так нужны были колхозу при уборке винограда, и Косум ей в этом часто помогал. Айша доводилась дальней родственницей Нурахмеду. Он помог ей отремонтировать дом, купить корову, посадить фруктовый сад. После ужина Нурахмед остался с ней в столовой. Он решил поговорить начистоту и все выяснить. Нанаш через неплотно закрытую кухонную дверь улавливал обрывки их разговора.

– ...Я знала, что эти ее заигрывания с ним таят опасность... Грешила... Говорила: «Грехи – удел человеческий». А когда дело зашло далеко, она испугалась... стала избегать... Пряталась...

– И стала бегать к тебе...

– Просила, чтобы я держала язык за зубами... А Косум пил и бушевал, колотил мою дверь... я не могла утихомирить без помощи соседей... Дети твои стали понимать, что происходит... Сказалась твоя поездка к брату...

– Все понятно... клянусь памятью покойного отца, назад я ее не возьму, даже если земля сойдет с отбиты! Я не смогу после этого с ней жить... Вот как далеко она посмела зайти! Подлая тварь... Негодница... Из какой грязи я ее вытянул... А сын дуб-дуралей... Что они натворили... Теперь я буду как бельмо на глазу у всех. Я их закопал бы в землю заживо! На этом точка. Разведусь. А там видно будет... Беда приходит, откуда не ждешь... Сейчас люди будут хихикать над моей сединой... Нет, такого позора мне не снести...

– Как жаль... Она огорчила тебя своим поведением... Но ничего... Ты принял правильное решение. Одиноких женщин много. Найдем тебе приятную, добрую, простую и домашнюю... Правильно говорит пословица: «Одной рукой и узел не завяжешь». Чтоб его завязать, нужна вторая рука: верная жена... Береги здоровье. Не переживай. Все будет хорошо. И ни о чем не тревожься!

Комната Гейбуллы оказалась небольшая, но уютная. Стены были покрашены в светло-голубой цвет, на окнах висели светлые занавески, на полу лежал небольшой коврик. Были предметы комнатной обстановки. Занесли для Нанаша кровать и постель. Село оказалось недавно электрифицированным, в комнате горела лампочка, вокруг которой кружилась мошкара.

– Мы раньше зажигали керосиновые лампы, – говорил Гейбулла. – Чтобы лампы загорались, надо было налить в них керосин, снять стекла, зажечь и

снова надеть стекло. То ли дело теперь! Ты поверни выключатель – и каждая лампа озарится светом.

– Да, – согласился Нанаш, – мы многим обязаны электричеству. Возьми хотя бы трамвай, троллейбус... Везде нужно электричество.

На столе в тарелке – лесные груши. Какие-то красные ягодки – кистями и еще зурна – деревянная трубка с раструбом и несколькими отверстиями на боковых стенках. Он умел играть на ней и тем самым скрашивал свою жизнь. Нанаш невольно вспомнил книгу про слепого музыканта. Гейбулла мог сказать время. В этом ему помогали птицы: соловья ночью услышит – значит, второй час; закукует кукушка – три часа ночи. А за кукушкой зяблик голос подает, за зябликом скворец. У каждой птицы свой час, говорил Гейбулла. Вот воробья раньше шести-семи часов не услышишь. Они любят поспать, понежиться. С Гейбуллой Нанаш подружился быстро, он отличался уравновешенностью, добродушным характером и спокойным поведением. Прочитал ему рассказ «Покушение на Ленина» из учебника, который лежал на столе. А когда он прочитал народную сказку «Батрак», Гейбулла спросил:

– А что такое батрак?

Нанашу хотелось сказать: «Вот таких, как я, называют батраками».

Узнав, что такое батрак, Гейбулла сказал:

– Значит, все колхозники батраки? Они же встают ни свет, ни заря и идут работать.

Нанаш, не в силах сдержаться, засмеялся, а затем сказал, что мы живем при социализме. Социализм – общий. Общественный. Социализм должен стать счастьем для всех, а не для выскочек и всяких там делег. Социализм стремится уничтожить власть богатых и установить свободу для народных масс. Богачи лишают народ равного права на счастье. Так говорила учительница по истории. Нанаш был искренне убежден: плохого в социализме ничего нет, только хорошее.

– Теперь понятно, – сказал Гейбулла, – почему все любят нашего вождя Сталина. Он нас правильно учит, правда?

Нанаш набрал в легкие воздух... и промолчал. Оставив вопрос без ответа, он спросил:

– Давно ты потерял зрение?

– Говорят, с рождения. А что?

– К врачам тебя возили?

– Возили раза два. Врачи сказали, что это врожденное заболевание, нужна очень сложная операция, которую у нас не делают. Очки совсем не помогают. Я еле-еле различаю большие предметы. Ты знаешь, брат, мои страдания разрушают меня. Не могу играть со сверстниками, часто натыкаюсь на предметы. В обычной школе с таким зрением учиться не могу. Нуждаюсь в посторонней помощи.

Нанашу стало жаль его. Ведь со зрением тесно связаны все те первоначальные трудовые навыки, которые ребенок приобретает уже с самого раннего возраста. Зрение необходимо при обучении чтению и письму, что в свою очередь является основой для овладения всеми науками. В общем, за Гейбуллой нужен был уход. Он подошел к нему, положил руку на плечо:

– Когда я стану врачом, я обязательно вылечу тебя. А пока тебя надо определить в школу для слабовидящих. Я поговорю с дядей.

– Не может быть! Как? Ты станешь врачом? – удивился Гейбулла.

– Постараюсь, Гейбулла. Ты знаешь, какое счастье, какая радость – сделать человека вновь зрячим?! Снять бельмо с глаз. А стихам, которые время от времени сочиняю, я особого значения не придаю. Для меня стихи – дневник, забава. Это способ усаждения души. Ни более, ни менее. А настоящий поэт должен быть одарен способностью видеть больше и чувствовать глубже, чем видят и чувствуют те, с кем рядом он идет. Я в себе очень сомневаюсь. Отсылать свои стишки куда-то пока не собираюсь. Я пишу только для себя...

В это время дверь открылась и в комнату заскочила испуганная Гульсия:
– Нанаш, отец избивает Косума! Он злой. Он убьет его. Пойдем скорей!

Нанаш выскочил из комнаты и побежал вслед за девочкой. И он увидел Косума. Это был стройный, мускулистый молодой человек. Цвет лица, смуглый от природы, был от загара кофейно-коричневым. В комнате несло перегаром. Нанаш подумал, если бы он не был глухонемым, он был бы первым парнем в деревне.

– Ты мне больше не сын, ты тварь! Я убью тебя! – кричал в неистовстве Нурахмед, держа за курчавые волосы сына и безжалостно избивая его. Капли пота стекали с его морщинистого лба на пылающие от гнева щеки. Косум, спросонья мыча, как бык, цеплялся за руки отца.

– Отец, не бей его! Он мой брат! – закричала подбежавшая Гульсия. В ее дрожащем голосе слышалась жалость, тревога за брата. Тем временем Нанаш обхватил Нурахмеда сзади и сказал:

– Дядя Нурахмед, успокойтесь. Криком ничего не возьмешь, он все равно не слышит. Не бейте. Его и так обидела природа.

– А что ты прикажешь делать? – повернулся к нему хозяин дома.

Этим воспользовался Косум. Его испуганный взгляд, быстро обежав всех кругом, на долю секунды остановился на Нанаше. Пристальный взгляд, казалось, спрашивал: «Откуда ты взялся?» Затем он схватил свой пиджак и выбежал из дому. На следующий день узнали, что он убежал к знакомому леснику и не собирается возвращаться. Да и отец особо не ждал его возвращения. Он был бы рад, если бы его там растерзали звери. Он собрал и через знакомого отослал его вещи.

Глава 6

На новом месте

И началась для Нанаша новая, еще неведомая жизнь. Какой она будет, он пока не знал. Поэтому с легким смятением, с затаенной тревогой Нанаш вступил в нее. Он боялся прослыть лентяем и находил радость в работе. Новые люди, новая обстановка всецело увлекли его. В хлебосольном доме Нурахмеда он старался не оставаться в долгу перед хозяином. Нанаш быстро узнал все ходы и выходы в его усадьбе. Из-за отсутствия жены и Косума на него легли многие хлопоты. Нурахмед временно перепоручил ему множество дел по хозяйству. Каждое утро он выгонял, а вечером встречал коров и овец хозяина. Иногда пас их. Но работа его не пугала, он не выражал недовольства, выполнял все охотно, в срок, а любовь к животным была у него с детства. Он учился впрягать быков в ярмо, ухаживать за виноградом и косить траву, а ездить верхом умел с детства и любил лошадей, особенно способных высекать искры из-под копыт. Эхом разносился топот бешено скачущего коня. Когда-то лошадь была неотъемлемой частью жизни человека. Конь был близкий друг и гордость человека. А так в работе ему помогала Гульсия, да и Гейбулла старался чем-то помочь. А сам Нанаш рос крепким, здоровым, привычным к любому труду. Он ожидал за все это в скором будущем получить вознаграждение и увидеть родные места. «Как длинна моя дорога до родимого порога!» – думал Нанаш. В свободное время он старался выразить свои впечатления в дневниках. Писал обо всем, что было у него на душе. Нанаш начал понимать, что не мы диктуем свою жизнь, а судьба, хотя он не хотел слепо верить и подчиняться ей.

Дни проходили своим чередом. И уже на душе, кроме всего прочего, была и Гульсия. Любовь пришла неожиданно как гром среди ясного дня. Она в пятнадцать лет захватила его существо, привела в смятение душу. Она принесла с собой и радость, и боль. Его стихи обогащались новыми чувствами и новым содержанием.

Будет пусть навеки крепким
Наших двух сердец союз,
И разлука не ослабит
Крепость нас связавших уз...

Он хотел ей рассказать о себе всю правду, но Нурахмед строго запретил. Он считал, что семья и жители села должны видеть в нем его племянника. На ее и Гейбуллы просьбы поведать о себе ему приходилось рассказывать им вымышленную историю. Рассказывать о Сибири, о Байкале, где он никогда не был.

О Байкале Нанаш рассказывал со слов Нурахмеда, примешивая свою богатую фантазию. «Далеко в Сибири, где я жил, – говорил он, – есть озеро Байкал. Это чудесный дар природы! Это озеро, как море, большое, питается небольшими реками, берет свое начало в Монголии. Волнение охватывает человека, когда перед его взором открывается огромное его зеркало. Оно окружено хребтами, сверкающими снежными вершинами. Поднимаешься на любой из отрогов этих гор в тихую и ясную погоду и не можешь налюбоваться разнообразием красок, их чудесными переливами. Особенно впечатляющи горы на рассвете. Глубокие долины еще во мгле, спит и озеро, укрывшись сизой дымкой, а снежные вершины уже горят в багряном отблеске зари. Но вот бледнеет небосвод. Все яснее вырисовываются хребты и прибрежные скалы. Взошло солнце, рассеялась дымка, и в зеркальной глади озера, которое можно назвать морем, отражается проснувшееся побережье. Часто погруженный в думы, я долго сидел на его берегу и сплетал в мечтах своих желание увидеть Кавказ. Я долго ждал – и вот, наконец, был вознагражден. Ваш отец приехал к нам и забрал меня сюда. Он обещал показать мне мои любимые горы. Родина – земля родная. Вы знаете, сколько в ней притяжения! Что может быть милей бесценного родного края?! Вот такая история...»

Солнце сияло, как расплавленное золото. Даже старым домишкам, которые теснились в селе, его лучи придавали особую прелесть. В это утро Гульсия вскочила раньше Нанаша и Гейбуллы. Легкая поступь ее была подобна мелодии. Волосы стянуты узлом на затылок, и все же упрямые локоны спадали на лоб, пытаясь заглянуть в ее черные глаза. Она, улыбаясь, стала подшучивать над ними:

– Сони, как вам не стыдно! Вы бы хоть солнца постыдились!

На что Нанаш шутя ответил:

– Сестра, ты прекрасная ханум. Зачем нам солнца стыдиться, когда ты это солнце отражаешь?!

– Брат, спасибо за комплимент. У тебя поэтическое сердце... А ты мог бы ответить, что такое счастье?

– Одним словом трудно сказать, сестра. Но раз ты уже допытываешься, значит, оно где-то рядом. Счастье как цветок. А цветок к тому же вечный символ любви. Тебе остается только протянуть к нему руки.

Гейбулла был в восторге от Нанаша: он считал его идеальным братом. Он задавал ему много вопросов, Нанаш, как мог, отвечал на них. А между Нанашем и Гульсией как-то сами собой установились дружеские отношения. Оба любили пошутить, посмеяться; будто всю жизнь провели вместе, подхватывая с полуслова шутки друг друга. Гульсия особенно любила цветы и ухаживала за ними, и потому двор казался особенно уютным. Свои чувства Нанаш вынужденно скрывал. В этих трудных обстоятельствах он призывал на помощь поэзию. Она становилась его союзницей и помогала ему проявлять его лучшие качества: душевную чистоту, благородство помыслов, цельность натуры. Тоску отгесняли новые впечатления. У него появились новые друзья,

товарищи. Он был благодарен Нурахмеду за то, что тот привез его сюда и при людях называл своим племянником.

Иногда они с Гульсией тайком от Нурахмеда навещали Косума, который жил с лесником, помогая ему по хозяйству. С собой они брали корзину, в которой были продукты и свежее белье. Гульсия представила Нанаша как брата. Косум, довольный, улыбался. Гульсия умела с ним общаться с помощью жестов. Перед их уходом он каждый раз просил принести ему водки или вина. В очередной раз, когда они шли навестить Косума, с ними был новый друг Нанаша, Хамза, который, как и Нанаш, оказался любителем шахмат. На сей раз они увидели, что Косум около домика лесника из бревен сколотил себе на скорую руку избушку, покрыл ее тесом. Они застали его колющим дрова, потягивая сигарку в палец толщиной. Рядом громогласно пел петух, вытягивая кверху шею, и с любопытством смотрел на гостей. Косум, дрожа от нетерпения, быстро порывлся в корзину и, не найдя там алкоголь, с презрением и гневом взглянул на Гульсию. И он тут же схватил ее за шиворот, потом значительно ниже, мгновение она парила в воздухе и, прежде чем сообразила, что произошло, оказалась около избушки. Но это ему показалось мало, он вцепился в нее и начал трясти немилосердно. Гульсия плакала, дрожа от страха и боли. Нанаш с Хамзой переглянулись и тут же вместе набросились на Косума. Ноги Косума в схватке подкосились, и он, злобно мыча, рухнул на землю. Этим воспользовались Нанаш с Хамзой, они схватили Гульсию и бросились бежать. Хотя Косум быстро оказался на ногах, но догнать их уже не мог. Они бежали до вывороченного ветром старого вяза, под корнями которого находилось укромное логово, где можно было всем спрятаться. В логове они нашли израненного совиными когтями зайца. Гульсия понесла его домой, чтобы вылечить.

Через неделю после этого Косум избил сторожа сельского магазина и вынес оттуда целую корзину вина и водки. Воспользовавшись тем, что лесник ухал по делам в Ленкорань, Косум напился и начал охотиться за Селимой. В сумерках он долго крутился около ее дома. Наконец, когда она шла к роднику за водой, он настиг ее, завернул в одеяло и поволок, как волк ягненка, в лес, в свою избушку. А через три дня Косума нашли мертвым в своей избушке: кто-то топором разрубил ему голову. Хотя Нурахмед загадочную смерть сына внешне переносил спокойно, все же чувствовалось, что он потерял сон. Просыпался рано и, о чем-то думая, медленно слонялся по двору, видя, как в сереющем небе гаснут звезды. И курил он в эти дни много. К нему часто заходили с сочувствием односельчане и даже почтеннейшие аксакалы из других сел. Вообще, Нурахмеда в селе уважали. Заходили к нему просить совета. Он играл роль личности, приближенной не только к сельскому, но и к районному начальству. А у Гульсии, облаченной во все черное, после смерти брата голос и взгляд были печальными. Брала в руки то спицы, то книгу. Нанаш не мог не сочувствовать ей. Настроение и у него было угнетенное. Гейбулла, сжавшись в комок, сидел испуганный. После похорон сына Нурахмед нанял двух работников, мужа и жену, для ведения своего хозяйства. На жену работника, которая доводилась родственницей его покойной жены, возлагались обязанности кухарки и прачки, а муж ее был искусный пчеловод, садовник и винодел. Они оба числились в колхозе, подрабатывая у Нурахмеда. Нурахмед осторожно присматривался к Нанашу, но ничего неладного в его поведении не замечал. А себя он считал лучше всякого хироманта в познании людей. Да и Нанаш не подавал никакого повода. В начале августа Нурахмед подозвал Нанаша. Они сидели в саду. Нурахмед как-то странно глотнул, словно захлебнулся большим глотком воздуха, заговорил медленно, не спеша:

– Ты уже больше месяца у меня. Дурного в твоём поведении я не заметил. Ты парень умный. Тебя не надо, как некоторых, учить уму-разуму. Ты и с шайтаном сладишь. Я уже собираю кое-какие справки, чтобы ты в начале следующего года мог получить паспорт. Будешь не чечен, а наш человек, – улыбнулся он и глаза его потептели. – Вот сижу с тобой лицом к лицу, и мне кажется, что говорю с родным сыном. Словом, пришелся, как говорится, ко двору, – он сунул

сигарету в янтарный мундштук, закурил и продолжил разговор, уже пылливо глядя на Нанаша. – Для хозяйских дел я нанял человека. А тебе предстоит настоящая работа. Ты должен понемногу развозить мой товар: пушнину, золотишко, драгоценные камни и еще кое-что по адресам, которые я тебе укажу. Посмотри на этот камень, от которого сыплются во все стороны разноцветные лучи. Красота! Он не может не понравиться. Товар будешь сдавать оптом, а деньги привозить домой. Часть денег я должен отсылать брату, который будет поставлять нам товар в посылках. Я и сам собираюсь осенью выехать в Сибирь с овощами и фруктами. И тебе в люди выходить надо. У тебя должен быть дом, семья. Жениться, родить детей – дорога каждого. Вьется она из дали веков, и все мы идем по ней. От каждой партии ты будешь иметь свою долю. Каждый труд должен оплачиваться. А кров и пищу ты и так имеешь. Первая твоя поездка должна быть в Ленкорань. Риска особого нет. Ты просто сдаешь товар скупщику. Каждый скупщик знает меня; но все же надо быть осторожным. Эти скупщики большие мошенники, имеют связи с органами. Не узнаешь, что у них на душе. И еще знай: они слегка поломаются прежде, чем купить. Не без этого. Но все равно такой товар не упустят – я же отдаю оптом намного ниже базарной цены. Они на этом товаре могут хорошо заработать... Нанаш, я не могу доверить эту работу другому. Ни одна душа не должна знать о наших делах. Я тебе доверяю. Ты не по годам серьезный юноша. Если вдруг «грянет гром», я тебя в беде не оставлю. Я и жену тогда спас. У меня есть кое-какие связи. Если на то будет воля Аллаха, до моего отъезда в Сибирь я покажу тебе твои родные места. А Гейбуллу я в сентябре отвезу в Ленкорань, в интернат для слабовидящих или слепых. Не знаю, почему раньше не догадался. В этом же городе в следующем году будет учиться на учителя и Гульсия. Будут часто видаться. Да ниспошлет Аллах желаемое, ибо бесконечна Его благодать. А ты согласен на поездки? – Нурахмед положил ему руку на плечо. – Рост у тебя хороший. Оденем тебя поприличней, чтобы выглядел солидней.

Нанаш покорно выслушал его слова, сознавая: вот и конец спокойной жизни.

– Хорошо, дядя Нурахмед, считайте, что договорились, – ответил Нанаш почти машинально, иначе Нурахмед посчитал бы его трусом, и ему пришлось бы покинуть его усадьбу. А этого ему не хотелось, когда любовь к Гульсии только возгоралась. Нанаш окончательно понял, что Нурахмед спекулянт. Умудряется привозить из Сибири и еще откуда-то дефицитные товары и перепродавать их по выгодной цене. А спекуляция строго преследуется. Но Нанашу было жаль старика, кем бы он ни был: ушла жена, потерял сына, второй сын почти незрячий. К тому же он полюбил его дочь и не мог отказать. И, надо отдать должное, Нурахмед не был скуп, как мог помогал бедным, а их было немало.

– Молодец, – сказал Нурахмед, – другого ответа я не ожидал.

Они вместе пообедали, а затем сыграли в нарды.

Нанаш вырослел. Он думал о многом, стал чувствителен ко всему происходящему, начинал понимать многое в жизни и критически относиться к тому, с чем сталкивался. Хотел во что бы то ни стало учиться дальше – закончить десять классов, поступить в институт. И в этот вечер он записал в свой дневник:

Отзвенело детство золотое,
И во сне мне видится иное.
И, как лепестки по ветру,
Исчезает свежесть первоцвета...

Он чувствовал себя взрослым. Чувствовал, что ранняя пора жизни окончилась. Вот так-то, подумал он, и встретила меня жизнь. Каждому она преподает свой урок, который называется судьбой.

Продолжение следует.

Хава Гагаева

Останься здесь со мной...

любить тебя из-за угла
из пустоты не приближаясь

я бесконечная сестра
твоих привычек и спускаюсь
в гротескный персональный ад
уже уверенней

и кто твой друг и кто твой враг
известно мне и я сквозь них
просачиваюсь
приближаюсь
на твой горячий лоб безумия
кладу ладоней
прохладное спокойствие
мне о тебе давно известно все
что нужно
и многое побочное
в тебе причина моего присутствия
в этой неловкой правоте
отсутствие жеманства
и желания быть выше
чем я есть
разорвано пространство
и время скомкано
однако
мы здесь
и друг у друга есть

картина счастья
какими красками
тебя написать?
в этот сияющий
исполненный ясности
день
я стою среди юных трав
и солнцем ярко залиты
не только тропы снаружи
но и внутри меня
пути и препятствия
этим ясным светом
наполнено все существо
и сознательная часть его
обнаруживает способность
замечать различия
между мной
и другими существами
таким образом
при котором сам процесс
напоминает путешествие
в неведомые и вероятно
опасные земли
но без которого
само понимание жизни
не будет полным
и окончательным
как будто

протягиваю к тебе все свои руки
загоплю тебя опрокину разучу
верну тебя вскрыю и сохраню

ты всего лишь человек
говорили другие я их не виню
им неведома сила чувства
способного покрывать
невообразимые препятствия
и способного долго
бесконечно ждать
неотступно следовать
на многих уровнях
оберегать в самой сокровенной
подлинности
находить экстравагантные
способы проявления

верить во всю ширину и глубину
своей ненормальности
и знать что это не впустую
и совсем не зря

а еще гиганты не рождаются
одинокими
они плывут огромными
величавыми китами
сквозь суетный плотный мир
и находят себе подобных
по ультразвуку
в таком чувстве нет места драме
предательству безответности
оно восхитительно
как совместное плавание
сильных существ в бесконечность
и еще дальше

откуда только взялся здесь
мой ум разбросанно печальный
и где искать того кто в курсе
происхождения всей этой байды
ментальной

меньше меньше наслоений
чистое сияющее острое

действие

точное и
молниеносное

СЛОВА ТВОИ

падали в меня
по пути прорастая
врастая
и активируя
некие благословенные
незримые механизмы
спавшие до сего момента
исполненные неиссякаемой
силы
слова твои
сберегали крупички
чистоты сознания
прокладывали пути
к тайным источникам
абсолютного знания
оказывались ключами
увы не для всех
универсальными

но всегда действующими
для меня
я до сих пор не могу понять
природу этого волшебства
субъективно оно
или объективно
это дар для меня лично
или для всех
но вероятнее всего
так думается мне
это дар для всех
через меня

на холме своего одиночества
я построил мельницу
чтобы как-то использовать
всю эту неубывающую печаль
и вот перемолотых зерен
достатка и благодати
хлынул поток

на моей алхимической мельнице
река печали и разочарования
рождает реку благодати и изобилия
я смотрю на это захватывающее
действие и иной раз мне кажется
что сквозь все
воспринимаемое зрением
просвечивается
загадочная улыбка Бога
сколь любящая столь лукавая

скажи, ты чувствуешь во мне
холод бесконечности?
если ты научишься всегда
различать его среди
разнородных вибраций
человечности,
он в свою очередь научит тебя
отрешенно взирать на преходящую
пляску мирского и замечать,
пронизывающие ее
в самых любопытных местах,
гибкие нити вечности.

смотрела на дверной проем
ждала что вот ты придешь
такой сильный
и остановишь взглядом
смерть разрушение болезнь

но ты где-то вне захвачен
 обстоятельствами или
 их последствиями
 я так ждала тебя
 единственного
 кто может избавить меня
 от бремени моего
 внезапно-свинцового я

ты не придешь говорил вечер
 душил вязкой неизбежностью
 знаю завтра настанет новый день
 и в нем я буду легче и радостней
 и вероятно даже буду смеяться

но не сегодня
 но не сегодня

останься здесь со мной
 во всей этой безбрежности
 всепронзающий свет
 твоих глубин
 знаком мне изначально
 где я лучей его пила
 отравленные слезы
 и удивлялась кто б сумел
 лучше меня сыскать твои следы
 среди тобой оставленных
 пустых разбитых дней
 ты не забудешь
 слов звенящую тревогу
 и самую тончайшую
 развеешь сердца тьму
 но ты исчезнешь
 а затем вернешься
 вновь
 ко мне
 обратно
 ты будешь постоянно возвращаться
 чтоб обрести утраченное ранее

а я все так же буду ждать тебя
 сидя на том же самом месте
 чтобы помочь тебе вернуться
 в секретный дом своей души

что-то мелькает за моим
 ночным окном
 ты веришь искренне
 что все загаданное сбудется
 что все загадочное станет
 ясным сном
 где на усталые вопросы ты

найдешь ответы
 печальный синий растворяя
 в голубом

ты не верил и раньше
 в возможность такого

в вероятность
 благого исхода

и выхода в небо
 прямо с земли

в длинном холодном автобусе
 любовь подонков и мечта о хеппиэнде
 сплелись в картине танца
 томной странной
 где я старею неуклонно
 той сестрой усталой
 и седею сердцем
 всепонимающим глухим
 и робким

не прячь глаза безумные
 за пеленой надуманной тоски
 в них целый лес мифический
 и звери нежные и злые
 я вижу их повадки и намерения
 нелепые смешные
 и неуместные
 в стройной системе будничного зла

нет места и нет времени
 для безрассудства к тому же
 в обозначенных и узких рамках
 я чувствую сухой взгляд смерти
 на каждой остановке
 в переходе в темноте
 настойчивый и трезвый шепот
 насмешку жизни над забытыми
 словами воспринимая сердцем
 таинство момента ты
 не найдешь ответы
 ты их обнаружишь
 в песок на берегу своей любви
 рассыплешь ожидания и птиц
 кормить отправишься на скалы
 и будешь гладить взглядом их
 столь любящим и столь усталым

Магомед Актемиров**Жорик**

Рассказ

1 сентября 1980 года. Город Орел празднично расцвечен: начало учебного года. У нас, строго в соответствии с общесоветским ранжиrom, первый день курсов банковских экономистов. Только-только завершилась московская Олимпиада. Жизнь снова вернулась в привычную колею. В городе появились очереди за пивом и вином, стали беззаботнее бродячие собаки. Осень, но все еще тепло. Остается зеленой листва. По утрам над Окой легкое марево. Хорошо! Доволен и мой сосед по парте (пока еще сосед) Жорик из Мурманска – белесый тип неприметной внешности и конфигурации. Впереди целый месяц воли! Никто никого не знает, никаких отношений, но его это не смущает. Он не столько слушает руководителя курсов, сколько наблюдает за коллегами. И уже многое понял, сделал выводы. Скоро и они поймут, что имя это ему дал человек-провидец. Что Жорик он и есть именно Жорик, а не Георгий. Личность без царя в голове и предрассудков.

В нашей группе, как в известном романе Шемякина, двадцать семь человек: мы двое и двадцать пять девушек. Все молодые, красивые – кровь с молоком. Даром что банковские, но отнюдь не чернильные души. Вот у Жорика глаза и разбегались: составил план. На третьем-четвертом занятии (они проходили в одном из помещений областной конторы Госбанка) из-за его стола раздался вдруг гневный возглас одной из девушек: «Вы только послушайте, девочки, что этот хлюст про нас с вами думает!» В руках – записная книжка. Начинает читать. Одна фамилия, вторая, третья... «Ты там, смотри, себя ненароком не пропусти!» – не удерживается от реплики ее соседка. Послушать же есть что. На каждую из сокурсниц – включая ту, что «закадрил» на второй день – Жорик составил исчерпывающе откровенную характеристику в 5-6 строк. Без обиняков! И сопроводил такими выводами: годится на это, заслуживает того... Все «заслуживали»!

«Вот сволочь! – зло рассмеялась староста группы, сотрудница московской конторы банка. – Но до чего точен и расчетлив! Сутенер, а не экономист!» Одна из девушек – он назвал ее прыщавой деревенской клушей – расплакалась и ушла. Другие жаждали сатисфакции. Я сидел, ожидая продолжения событий. Но пришел Жорик и намечавшийся скандал превратился в пшик. «Я могу думать о любом человеке все, что захочу! – не моргнув глазом заявил он. – Это мое дело. Личное! А вот какое вы имели право трогать мою записную книжку? Кто кого стыдит?» Пока они приходили в себя, началась очередная пара.

«Топор войны» был, однако, вытасчен, и вечером произошла еще одна история – теперь уже на кухне. Питались мы, должен заметить, вместе – вскладчину. Жорик, как ни в чем не бывало, снова уселся на свое место. Староста, она же «шеф-повар», отозвала меня в сторону: «Все стеснялась спросить: ты заплатил за обоих или только за себя?» Я не смог соврать. Но даже эта правда Жорика ничуть не смутила. «Почему я кушаю на халяву? – глумливо переспросил он. – Люблю свободу!» Любовь эту сотрапезницы тут же удовлетворили. Но прежде заставили рассчитаться – несколькими банками деликатесных рыбных и мясных консервов из отцовского гастронома. Жорик пытался было защитить

кровное добро, однако понял, что будет помят. «Подобрел». Помяли бы сокурсницы. И я не стал бы мешать.

Отныне мы видели его только на занятиях. Спал он на другом этаже. Соврал комендантше (а может, не соврал), что пишет кандидатскую диссертацию и ему нужна отдельная комната. Но писал «на пару» с подругой. К середине месяца исчез на два дня – с ней же. Она, оказывается, жила в полутора часах езды от Орла. Погостил, короче. Вернулся с увесистой сумкой снеди. 100 рублей, с которыми 1 сентября прибыл в город, оставались неизменными.

А тучи над головой сгущались. В один из дней это стало особенно очевидно. Рядом с общежитием, в которое нас поселили, располагался небольшой базарчик. Вижу, Жорик торгуется с азербайджанцем, продающим фундук. По всему видать – подшофе: минут пятнадцать «снимает пробу». Нашелкал жменю орехов. Протягивает 100 рублей: «Беру... 1 стакан!» А рука дрожит. Тут же вырывает их у продавца и уходит прочь! Азербайджанец этот наглый фокус вытерпел, но через час-другой, когда мы шли уже на занятия, имел несчастье опять оказаться на его пути. Жорик опять «воспламенился»: обозвал южанина вонючим персом, ударил ногой. Может, не надо было, но пришлось идиота выручать. Азербайджанец вытащил нож и теперь уже был готов на все. Двух наших спутниц случившееся, а точнее неслучившееся, впечатлило, однако не очень сильно обрадовало.

А потом настал «День икс» – предпоследний день курсов. Жорик с утра исчез. Его подруга сидела одна и все поглядывала на часы. Не дождалась. В полночь меня разбудила вахтерша: «Тебя зовет какой-то бомж, говорит, что он Жора!» Узнал я его по голосу. Лицо в синяках, крови и грязи, опухшее. Пальто не только испачкано, но и порвано. На туфлях нет каблучков. Удручающая картина, но Жорику повезло и на этот раз! Ущерб от «ночи возмездия», как ее потом окрестила «деревенская клуша», не трансформировался в дрон. Мне, бывшему медику, не стоило большого труда привести его в человеческий вид, утром он был вместе со всеми в конторе банка. На лице два пластыря, пара полосок йода, темные очки. А руки – белые, без единой ссадины. Били, значит, только его – не он. Не дурак, хотя и идиот! Впрочем, может именно потому все так и обошлось, аудитория торжествовала!

Принесли экзаменационные билеты. Заняла свои места комиссия. Жорик передал ее членам записку, которую просил зачитать. Теперь и они знали, что его чуть не покалечили «не орлы из Орла». «Говорить не могу, – настаивал пострадавший, – повредили и гортань». Сердобольная комиссия, поохав и поохав, освободила его и от необходимости писать. Выкрутился!

Через полтора часа все было позади. После дежурной речи-благодарности старосты напряжение и вовсе спало. Пошли разговоры, вопросы-ответы. И вдруг поднимается со своего места Жорик и добрым, «девственно» звонким голосом выдает спич о роли и месте благодущия в банковском деле. У всех отвисли челюсти. Изумленно внимавшая председатель комиссии сказала всего несколько слов: «Выпью стакан водки и приду поцелую тебя. Так не смогу!» Раздались жидкие аплодисменты. «Деревенская клуша» нашла их презрительными.

Курсы завершились. Получив командировочные и обычное в таких случаях свидетельство установленной формы, я поднялся наверх к Жорику. Ночью было не до этого, а хотелось узнать, что все-таки случилось. История оказалась простой. У Жорика созрела идея. Вышел в город. На набережной Оки наткнулся на группу художников с мольбертами и этюдниками. Прошел по ряду, здороваясь и приглядываясь. Задержался около единственной в этой компании женщины. Представился коллекционером. Польстил, найдя манеру

ее письма похожей на поленовскую. Купил один из ее натюрмортов. Как бы между прочим, поинтересовался, есть ли что-нибудь «эдакое» в студии.

Вечером стоял у двери ее квартиры с бутылкой коньяка, плиткой шоколада и цветами в руках. Хозяйка сначала провела его в студию – самую большую из четырех комнат. Картины впечатляли. Затем пригласила в гостиную – за «стол переговоров». Выпили рюмку, закусили. Жорик признался, что без ума от фламандской школы живописи. Художница кивала головой, была приветлива и добродушна. Но пить больше было нельзя! После второй стопки ему и на полный желудок сносило голову, а он с обеда не ел. Увы, был сказан тост про искусство! Кого и как она позвала на подмогу, было ли все заранее подстроено, он так и не понял. Был извожен и избит на лестничной площадке двумя ее знакомыми и выброшен на улицу. Без кошелька, в котором оставались 67 рублей...

Я не удержался: «Ну и что ты обо всем этом скажешь?» – «Получил я, не скрою, прилично, – скривил рот Жорик, – но в проигравших не остался. Видишь шаблон? Он из ее студии. Я на нем заработаю в несколько раз больше, чем из-за этой сволочи потерял. Гравюрами!»

Он назвал ее сволочью! Весь вывод о случившемся, всю мораль свел к арифметике! Я не удивился. Я уже знал: это судьба. Но даже предположить не мог, что всего через 11 лет наступит пора, которая вынесет наверх огромное множество жориков. Остался он в живых или нет, сам умер или убили, его дело расцветет махровым цветом. Грядет его эпоха!

Мы разъехались. Я думал, навсегда. Но вот дописал, наконец, рассказ, который сидел во мне все эти годы, и почувствовал: пока я его вымучивал, мы снова были вместе, снова молодые и снова в Орле. И только теперь расстались. Только теперь я от него освободился.

Дебют**Амина Шахгириева**

Родилась в 2000-ом году в городе Орёл. В 14 лет переехала с семьей в Грозный. В 2017 году окончила городскую гимназию № 14. В настоящее время является студенткой I курса факультета журналистики Российского государственного гуманитарного университета. Стихи пишет со школьных лет. Нравится творчество поэтов российской и советской классической поэзии: М. Лермонтова, С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаевой и др. В журнале публикуется впервые.

Учись мечтать...

Мы жаждем счастья, дорожим
Любой минутой упоения...
Беда лишь в том, что мы спешим.
Нам не хватает лишь терпения...

И это все у нас внутри –
Стремление поймать удачу.
Ты никому не говори –
Реши тайком свою задачу.

Иди к ней, не жалея сил,
И веру не теряй в себя.
Ведь для чего тогда ты жил?
Поставил цель – и все не зря.

Грустно и скучно

Когда ты один –
это страшно и грустно.
Зато нет проблем,
на душе только пусто.
Есть время подумать,
осознать и решить –
Что будешь ты делать
и как будешь жить.

Когда с тобой рядом родной человек,
Не важно – по крови, важно – навек!
Начнешь ему душу свою изливать –
А завтра, быть может, себя проклинать.

Как трудно найти
в этом мире большом
Того, кто поделится щедро теплом
Душевым, сумеет улыбку вернуть –
Не даст ей исчезнуть,
не даст затонуть...

Как только найдешь,
лишь запомни одно:
Секреты свои не клади все на дно.
Человека родного
встречай ты радушно,
Ведь когда ты один –
это грустно и скучно...

И зачем я к тебе привязалась,
Так внезапно к чему полюбила?..
Я пыталась все скрыть, я держалась –
Но печаль во мне все же пролилась.

Я хотела отбросить те чувства
И уверить себя: «Все неправда»!
Не хотела впасть я в безумство –
Не нужна мне такая «награда»...

Я старалась, поверь, я старалась –
Укротить свои мысли, волнения.
Но не все так легко оказалось,
Нелегко отогнать все сомнения...

Я прошу лишь тебя об одном:
Не бросай меня без вести странной.
В мире, полном прохожих печальных,
Будем вместе с тобой лишь вдвоем....

Тебе нравится делать мне больно...
Убивать во мне светлые чувства.
Ты ведешь себя очень спокойно,
Значит, нет в твоём сердце безумства...

Я в одно не могу лишь поверить:
Что на счастье с тобой нет надежды,
Что придется привыкнуть к потере
Нашей дружбы, такой безмятежной...

О тебе отгоняю все мысли,
Побросать их спешу на чердак. –
Словно тучи они там повисли –
И, наверное, там уже мрак...

Пред тобою захлопну все двери
Своей кроткой ранимой души.
Ведь не в силах она уже верить
В ту любовь, что жила там внутри.

Я тебе всегда счастья желала,
И сейчас все того же желаю...
Ты прости, если вдруг я мешаю –
И тебя я, конечно, прощаю...

Как тяжело мне на душе...
И я сижу, смотрю в окно,
Мечтая лишь о тишине...
И, вроде, это так легко.

Устала я от этой моды,
От скупости, от злости этой...
Хочу немного лишь свободы –
Спокойной, освещенной светом.

И если б был, кто понимает
Все горечи в моей душе,
Кто не предаст и не оставит
С бедой моей наедине.

Была б я счастлива, улыбка
Не уходила бы с лица.
Я б позабыла об ошибках
И счастье не было б конца.

И, кажется, что где-то есть,
Кто руку помощи протянет,
И рядом непременно встанет –
Кто принесет благою весть.

Учись мечтать – так легче будет
Тебе всю грусть переносить.
Мечта к успеху путь пробудит,
Научит жизнь свою любить.

Она заставит улыбаться,
Когда тебя накроет шторм,
И рано утром просыпаться
С счастливой мыслью о том.

Не бойся грез! Найди лишь время,
Чтоб их в реальность воплотить.
Из них не надо делать бремя –
Ты лучше их начни творить.

Но не живи всю жизнь в мечтах,
А цель поставь перед собой.
Иди к ней, несмотря на страх –
Ведь он собьет с пути волной.

Не сомневайся никогда
В самом себе, в своих мечтах...
Ведь есть только одна звезда –
Она твоя. В твоих руках.

Люблю я дождь за шепот нежный
С листвой садовых чайных роз –
К утру таких душистых, свежих...
И погружаться в царство грез.

После него все оживает,
И лучше чувствуешь себя.
Трава колышется, играет,
Сверкает каплями дождя.

И за порог я шагом быстрым
Иду, с надеждой про себя –
Зажгу в душе я счастья искру
После такого-то дождя!

Элина Сайдулаева**Могила сына**

Кто видел скорбную картину –
 На кладбище измученная мать,
 Склонившись над могилой сына,
 Спешит хвалу Всевышнему воздать?!
 Она Его благодарила
 За этот драгоценный «дар».
 Ей даром чудилась могила,
 Навек ей сына передав.

Так долго мучилась. Страдала,
 Внезапно сына потеряв.
 Семь долгих месяцев искала,
 Себя скитаньем наказав.
 Искала. Ездила. Ходила.
 Не ела вдоволь. Не пила.
 И все Всевышнего молила:
 «Верни его! Прошу Тебя!
 Позволь хоть раз его увидеть.
 На сына мне хоть раз взглянуть.
 Живым ли... мертвым ли он будет,
 Позволь домой его вернуть!»

Как долго длилось это время!
 Секунда в час переросла...
 Минута в сутки превратилась...
 Жизнь в бесконечность перешла...
 Мать сна лишилась и покоя.
 Застыла горечь на лице.
 Шептало сердце лишь плохое:
 «Беги на помощь! Сын в беде!»
 Что делать! С сердцем не поспоришь.

Ведь сердце матери не лжет.
 Но верила она, что скоро
 Его судьба к ней приведет.

Предчувствие не обмануло.
 Надежды все оборвало,
 Ей сердце пополам разбило
 Известие, что вдруг пришло.
 О том, что сын ее – в могиле
 И что могила далеко.
 Никто не знает, что случилось,
 Не ясно, что произошло.

И после стольких ожиданий
 Она не знала, как ей быть.
 Иль плакать ей... Или смеяться...
 Всевышнего благодарить...

Забрали сына из чужбины.
 Домой его перевезли.
 На родине похоронили.
 И... мать к могиле привели.
 Она упала на могилу,
 Руками крепко обняла.
 Прижалась к ней, что было силы
 И на секунду замерла.

Приподнялась вдруг. Оживилась.
 Гримаса горечи сползла.
 Лицо улыбкой озарилось,
 Сквозь резь и боль произнесла:
 «Аллах! Благодарю за сына!
 За то, что каждый день смогу
 К нему прийти я на могилу...
 О большем я и не прошу!».

Всего страшнее – неизвестность
 (И даже смерть так не страшна) –
 Она окутывает вечность,
 Как неприступная стена!

Мы что-то сделали не так...

Мы что-то сделали не так.
 Теперь ты мне ни друг, ни враг.
 Ты мне как будто бы никто.
 Жизнь словно черное пятно.

Давай попробуем понять,
Чтобы хоть как-то боль унять.
Скажи, что отдалило нас?
Когда и как упущен шанс?

Где наши разошлись пути,
Где затерялось слово «мы»?
Как порвалась любви струна
И обесценились слова?!

Давай попробуем простить
Тот миг, когда огонь поник.
Тот час, когда завывла боль
И разум потерял покой.

Вернись! И не ищи обид,
Приняв столь равнодушный вид.
Но ты пока не друг, не враг.
Мы что-то сделали не так...

Даже если меня не будет

Даже если меня не будет,
Если вдруг обрету покой
И уйду в неизвестное утро,
Даже если ты будешь с другой,

Ты люби меня, как и прежде.
Даже больше люби порой.
Не теряй, ты слышишь, надежды
Быть всегда и повсюду со мной.

Пусть не в этой жизни, не скоро.
Пусть когда-нибудь, пусть в другой.
Лишь одно неизменно помни:
Мое сердце всегда с тобой.

Говорите друг другу «Люблю!»

Говорите друг другу «Спасибо!»
Не просите того же в ответ.
Пусть без повода, пусть безрассудно,
Пусть впервые за тысячи лет.

Говорите друг другу «Простите».
Пусть и не за что будет прощать.
Оправданий всему не ищите.
Не пытайтесь причину понять.

Говорите друг другу «Скучаю,
Без тебя не дышу, не живу»!

Повторяйте всегда, повторяйте.
Говорите друг другу «Люблю!»

Никогда не поздно быть счастливым!

Никогда не поздно быть счастливым!
Ведь не зря сказали, хочешь – будь!
И пусть кажется – иссякли силы.
Кажется непроходимым путь.

Пусть кругом твердят:
нет в жизни счастья,
И любви не существует на земле.
В их колоде карт из черной масти
Красной масти не было и нет.

Никогда не поздно быть любимым.
Пусть любовью дышит каждый дом!
Выбирайте сами, что вам ближе –
Быть хозяином любви или рабом.

Будьте верными в любви,
не предавайте,
Берегите чью-то душу, как свою.
Нежно, нежно к сердцу прикасайтесь,
Жизнь свою вверяя лишь ему!

Ты уже не прежний

Перечитаю жизнь и все начну сначала,
Как говорится, с чистого листа.
Но ты не тот, которого я знала.
Как ни печально, да и я не та.

Ты, помню, был влюбленным
и счастливым.
Как по весне сирень, душа цвела.
Теперь же смотримся
друг в друга – как в чужие
Холодные кривые зеркала.

Пытаясь разглядеть в тебе родное
Хоть что-нибудь от прошлого тебя,
Смотрю, а сердце стынет, как зимою
Озябшая, замерзшая земля.

Оставив все попытки и надежды,
Уйду я в ночь, исчезну без следа.
Поняв вконец, что ты уже не прежний,
И осознав, что я давно не та.

Не с теми

Случайные люди. Случайные встречи.
 Никчемные мысли. Напрасные речи.
 Впустую безбожно убитое время,
 Когда мы живем,
 но живем мы не с теми.

Не с теми за кофе сидим в ресторане.
 Не тем мы клянемся
 в любви небесами.
 Планируем свадьбу
 опять же не с теми.
 О кольцах, о платье, о дате –
 не с теми.

Заводим детишек...
 И садик... И школа...
 И папой зовут не того, а другого.
 Вот так и стареем чужие с чужими,
 Навеки утратив свои половины.

Не нужно звездопада

И вовсе не безумные мечты.
 Для исполнения не нужно звездопада.
 Чтоб были вместе только я и ты.
 И большего, поверь, совсем не надо.

Не нужно ждать падения звезды,
 Чтоб загадать безоблачное счастье.
 Ты будь собой, надейся и люби
 И станет все вокруг мечте подвластно.

Не ищите замену любви

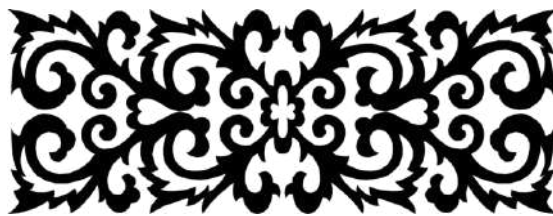
Не ищите замену любви.
 У любви не бывает замены.
 Не заставят о боли забыть
 Никакие в судьбе перемены.

Настоящие чувства лишь раз
 Обжигают и трогают душу.
 Они прочно вселяются в нас,
 Теплотой изгоняя стужу.

Не пытайтесь друг другу мстить.
 Знайте, месть обернется мукой.
 Лицемерить, лгать, не любить –
 Все, что вам предстоит в разлуке.

Все терпеть, уходить в себя,
 И, отчаявшись, в счастье не верить.
 В разговоре прятать глаза,
 А любовь оставлять за дверью.

Не ищите замену любви.
 У любви не бывает замены.
 Просто бойтесь ее потерять
 И любите, любите без меры!

Малкан Исмаилова

Судьба – летящая стрела

 Не приняла я сердцем Дуньи* ложь –
 И тех, кто Вечность
 принимал за грош.
 Война гремела, падали цветы...
 И Родину спасали я и ты.
 Стоит Вселенная на запястьях,
 В моих ладонях шар земной затих.
 О чем тебе хотела я сказать,
 Нам лучше бы, наверное, не знать...

 Тебе опять не до себя,
 Не до любимых...
 Зовут и долг, и честь тебя –
 Пути на минах.

Цветы не пахнут, как вчера,
 И звезды меркнут.
 Судьба – летящая стрела,
 Я – взмах, ты – беркут!

Не устают гудеть молва
 И лучших косит.
 Вопросом стали все слова
 На вязкой оси.

Как мне хотелось быть с тобой –
 И в град – но рядом.
 Стоять за истину горой –
 Мне это надо!

 Кто теперь увидит, мама,
 Скошенную прядь?
 И посаженную дочкой
 Кукурузу в ряд?

Кто в тиши ночной закроет
 На замочек дверь,
 За побелку кто «спасибо»
 Скажет мне теперь?

В тяжкий вечер не погладишь
 Ты мое плечо,
 Только ты была бы рядом –
 Все бы ничего!

Только бы еще разочек
 Мамочку обнять,
 Целовать в слезах счастливых
 Лоб ее опять.
 И о том бы говорила
 Мама, и о сем...
 О корове и о курах,
 Пусть бы ни о чем!
 Поругала бы, родная,
 Доченьку свою.
 Запоздало,
 Виноватая кругом, стою.

 Мне не присуща роль марнаны**,
 Снохой для всех привыкшей быть.
 Что нам делить? Всевышний с нами!
 Душою тут не покривить.
 «Не обмани мои надежды», –
 Шепчу сама себе в мольбах.
 Такой я буду, как и прежде –
 Покорной, с искоркой в глазах.
 Доверив боль святыне Мекки,
 Вернулась я совсем другой.
 Ничто все горестные веки –
 Простилась в Мекке я с тоской.
 И боли в мире нет отныне,
 Мой сын нашел свою звезду.
 Я к маленькой моей Амине
 Опять, счастливая, бегу.

 Неси меня туда, строка,
 Где боли нет, где нет страданий.
 Где с небом дружат облака.
 Где все, как велено – на равных.
 Где бы весна была весной,
 Звезда сияла бы без страха.
 Где был бы всяк самим собой
 И поминали бы Аллаха.
 Где уголок бы приобрел
 Дом потерявший с колыбели,
 Где королем бы был король
 Не на словах – на самом деле.
 Где бы такие, как Муслим,
 С улыбкой кроткой день встречали,
 И знали бы, что рядом с ним
 Нет горести и нет печали.

*Дунья (араб., чеч.) – земная жизнь.

**Марнана (чеч.) – свекровь.

Муса Арсанукаев**Поездка в Канаду**

Путевой очерк

Если тебе повезло в жизни и ты попал в такую замечательную страну, как Канада, то память о ней останется в твоём сердце навсегда.

Виза

Я вспоминаю это время с большой теплотой и самыми светлыми чувствами, как то, что было для тебя и необыкновенно приятно, и волнительно, и незабываемо.

Прошло почти 17 лет со дня моей поездки за океан, в чужую страну, на неведомый мне континент. И было все это как волшебный, чудесный сон.

Предложение о поездке в Канаду от моего голландского друга Эрвина Комена было для меня полной неожиданностью. О Канаде я, как говорится, ни сном, ни духом не ведал. И вдруг такое счастье: на горизонте замаячил голубой лайнер нидерландских королевских авиалиний «КЛМ», на котором я должен был сначала вылететь в Амстердам, а оттуда в Ванкувер.

У меня была давнишняя мечта: научиться сносно говорить по-английски. Я понимал по опыту, что язык хорошо можно выучить только в языковой среде, когда ты в него, что называется, погружаешься. Я попросил Эрвина пригласить меня в Европу хотя бы на месяц, чтобы попрактиковаться. Он пообещал помочь, как только у него появится такая возможность. После этого прошло несколько лет. У нас в Чечне началась война, потом через некоторое время вторая, более страшная и кровопролитная. Хотя война есть война, более она или менее тяжёлая, ничего хорошего в ней нет.

Я уже позабыл о нашем разговоре с Эрвином насчет поездки в Европу. У нас в республике шли активные военные действия. Официально, это была контртеррористическая операция против международных террористов, собравшихся на территории мятежной Чечни. Но в этой «операции» почему-то применялись боевые самолеты, которые методично подвергали ракетному и бомбовому обстрелу чеченские города и села, где проживали мирные граждане, которых страна не смогла защитить от тех самых террористов. В операции против террористов также была задействована тяжёлая артиллерия и вся военная техника на гусеницах и колесах, которая ежедневно разрывала и утяжила истерзанную чеченскую землю. И в освобожденных от террористов населенных пунктах шли бесконечные зачистки, в ходе которых бесследно исчезали ни в чем не повинные люди.

К тому времени я жил в одном южном городе, в соседней республике. У меня была телефонная связь с Эрвином, и мы периодически с ним общались.

Но обо всем по порядку. Сначала Эрвин должен был получить мое согласие на поездку, а потом мы должны были уже думать о визе. Главная загвоздка была именно в ней. Ведь, чего греха таить, нашему брату, чеченцу, не так-то просто выехать куда-нибудь за границу, тем более, если он из зоны боевых действий. Эти люди, что сидят в посольствах и консульских центрах, почему-

то думают: раз ты чеченец, значит потенциальный террорист или исламский экстремист.

Согласие на поездку я дал, конечно, недолго думая – ведь такая возможность бывает, может быть, раз в жизни. Потом Эрвин купил мне билеты на самолет туда и обратно, причем до вылета оставался ровно один месяц. За это время я должен был получить визу в канадском посольстве.

Я поехал в Москву и поселился в гостинице «Спутник», что на Ленинском проспекте. Буквально на второй день я подал документы на визу. Через три дня меня пригласили на собеседование. После непродолжительного разговора молодая, весьма симпатичная особа отказала мне в визе, сказав, что не видит оснований для ее выдачи. Честно говоря, я был ошеломлен таким заявлением сотрудницы посольства. Я был весь в ожидании, в предвкушении столь желанной поездки. И вдруг – как снег на голову – отказ. В очень мрачном настроении я вернулся в гостиницу.

Я не знал, что делать, как поступить в сложившейся ситуации. На помощь пришел Эрвин. Он сказал, что у меня есть возможность еще раз подать документы на визу. Но сначала нам надо было попросить наших канадских друзей, которые меня должны были принять, прислать подробное письмо с описанием условий моего проживания в их стране. Через 2 дня я получил от них электронное письмо и поехал в посольство. Документы приняли, но собеседование должно было состояться только через 4 дня. К этому времени я уже прожил в гостинице половину месяца, а с визой пока была неясность. Но, слава Богу, все закончилось удачно: визу мне дали за день до моего отлета в Амстердам. А оттуда на второй день я должен был вылететь в Ванкувер.

В канадском посольстве заграничного паспорта с проставленными на них визами выдавал русский служащий. Видимо, он обратил на меня внимание за те долгие часы, что я провел в этом не очень гостеприимном учреждении.

Он мне сказал с улыбкой:

– Вы как настоящий джентльмен стойко выдержали это непростое испытание. Поздравляю Вас! Счастливей дороги!

Я его поблагодарил и с огромным облегчением на душе вышел на улицу. Было начало лета, кругом зелень, небо голубое, шум большого города, суета людей, непрерывное движение автомобилей по широким московским проспектам. На душе было как-то легко, свободно, как будто я сдал очень важный и трудный экзамен. Да, испытание с получением визы было не из легких и стоило мне не только физических, но огромных душевных сил. Но, слава Богу, этот этап пройден.

Из Европы в Канаду

На второй день я как раз и увидел голубой лайнер голландской компании «КЛМ» в аэропорту «Шереметьево», о котором так грезил. Это был «Боинг», просторный и чистый, с великолепным обслуживающим персоналом. Через два с небольшим часа мы сели в аэропорту Схипхол в Амстердаме. Я был впервые в Европе, среди великого множества пассажиров со всего света. Это было какое-то «вавилонское» столпотворение: целые толпы черных людей из Африки (кажется, это были беженцы, которых международные гуманитарные организации вывезли из зон бедствий. Я подумал о своих земляках, которые были, может быть, в более суровых условиях. Но их организованно вывозить никто не собирался, хотя многие тогда уезжали в Европу поодиночке на свой страх и риск), вездесущие китайцы, подвижные и шумные, крикливые арабы, степенные и важные европейцы и многие другие.

Помню, Схипхол поразил меня своими масштабами. Однако отсюда как-то надо было выбираться. У меня имелся ваучер на номер в гостинице, но, чтобы попасть туда, надо было получить отметку в паспорте и выйти в город. Я расспросил у работников «КЛМ» на ломаном английском, как и что мне нужно

сделать. Очень доброжелательная и приветливая девушка объяснила мне, к кому нужно обратиться, и тут же зарегистрировала мой билет на завтрашний рейс в канадский город Ванкувер, куда я, собственно говоря, и направлялся. К своему удивлению, я прекрасно понял, о чем мне говорила эта сотрудница авиакомпании. Я поблагодарил ее и пошел искать офис сотрудников миграционной службы. Там, после того, как я отдал паспорт, билет и ваучер, человек в синей форме, напряженно и внимательно слушавший меня, как-то облегченно вздохнул и попросил подождать 5 минут рядом в зале. Я обратил внимание, что здесь много людей, ожидающих решения миграционных властей. Скорее всего, как мне показалось, это были те, кто по каким-то причинам уехал из своей страны и хотел остаться в Европе. Ну что же, вольному воля. Теперь мне было понятно, почему тот сотрудник облегченно вздохнул. Я со своей кавказской внешностью явно походил на тех, кто обратился к ним с просьбой принять их в гостеприимную европейскую семью.

Мне дали добро на въезд в страну на сутки. Гостиница, или отель западному, была недалеко от аэропорта, туда я приехал на современном комфортабельном автобусе и, что немаловажно, совершенно бесплатно. «Все включено!» – как говорят у них там, на «загнивающем» Западе. Признаться, я, бывший «совок», которому и в школе, и в вузе все время внушали, что Запад – это зло, что здесь человек человеку волк, что они только и думают, как бы кого-то убить или ограбить, ничего негативного здесь не увидел. Здесь не было той тяжелой, унижительной для человека неславянской внешности недоверия и презрения, которые были в Москве: в аэропорту, в гостиницах, даже просто на улицах.

Да, как сказал один чудик: «Запад загнивает, но как-то красиво». Здесь я увидел доброе и искреннее отношение к простому человеку с любым цветом кожи, любой национальности и любой веры. Это было проявление человечности, толерантности, добра – как и должно быть во всем мире, в любом человеческом обществе.

На второй день я встретился с другом Эрвином и поехал к нему в гости в красивый и старинный город Делфт. Самолет в Ванкувер вылетал только вечером, и у меня было несколько часов, чтобы погостить в кругу семьи Эрвина и его жены Лизбет. Мы очень хорошо провели время, меня угостили замечательным обедом. Я даже успел посмотреть достопримечательности города. Больше всего запомнились его каналы с горбатыми мостами и старинные кирпичные дома с белыми окнами.

Эрвин и его дети поехали провожать меня в аэропорт. Мы тепло попрощались. Я снова сел в самолет авиакомпании «КЛМ», только на этот раз это был лайнер гораздо крупнее того, на котором я вылетел из Москвы. В одном ряду было 10 мест! Огромный салон, два прохода, удобные для просмотра мониторы, наушники, чтобы слушать музыку, большие, очень удобные кресла и обслуживание на самом высоком уровне – вот это и есть самолет компании «КЛМ», совершающий рейс в Ванкувер.

Мы летели довольно-таки долго – целых 9 часов, 5 из которых над территорией Канады. Я успел и подремать, и посмотреть музыкальные клипы, которые почти непрерывно шли на мониторах, расположенных поверх сидений. Иногда тихая музыка прерывалась, и на экранах показывали схему полета лайнера – место, где он находится на данный момент. Это очень удобно тем пассажирам, которые летят на дальнее расстояние. Моим соседом справа был пожилой англичанин, весьма любезный, но несловоохотливый, как и я. По правде говоря, если бы он и был расположен к светской беседе, я бы не смог с ним свободно общаться, поскольку мой английский был далек от совершенства. Видимо, он это понял с первых минут нашего общения и не стал мне особо докучать. А слева от меня на двух креслах расположилась пожилая пара из Голландии. Нас часто угощали во время полета, постоянно приносили напитки, сладкое. Можно было что-то заказать и дополнительно. Вот этим и

воспользовался шустрый старик-голландец, мой сосед. Он то и дело вскакивал и бежал к стюардам за маленькой бутылочкой сухого вина. Его жена была далеко не в восторге от инициативы развеселившегося мужа. Она укоризненно качала головой и что-то ему выговаривала. Но весельчака эти упреки нисколько не волновали, он выпивал в несколько глотков очередную бутылочку и чуть погодя бежал за следующей. В конце концов вино его опьянило, и любитель хмельного вскоре тихо уснул в своем кресле.

Пока продолжался полет, я все время думал о том, как меня встретят в Ванкувере, где и как я буду жить. Не скажу, что я особо тревожился об этом, но некоторое волнение по этому поводу испытывал. Эрвин сказал при прощании, что мне не нужно ни о чем беспокоиться, меня ждут. Это, конечно, меня успокаивало, я знал, что мой друг очень серьезный человек и не стал бы опрометчиво посылать меня за океан, не согласовав все вопросы поездки.

Знакомство с новыми друзьями

Наш самолет прилетел в Ванкувер ближе к обеду второго дня вылета из Амстердама. В общем, с учетом разницы во времени мы были в полете 9 часов. Было немного странно видеть, как, вылетев в послеобеденное время с одного континента, ты оказался в почти то же самое время на другом континенте. Разница во времени, между тем, почти 12 часов. Ну, с этим надо было еще хорошо разобраться, понять это и привыкнуть к такому явлению, когда у тебя на родине ночь, а здесь, в Канаде, день, было вначале сложно.

Но все это было потом, спустя какое-то время. А сейчас я был в аэропорту города Ванкувера и меня должны были встретить. Я забрал свой багаж и пробрался через толпу встречающих, внимательно разглядывая бумажки с надписями в руках некоторых из них. Но, к удивлению и легкому разочарованию, я не увидел своего имени ни на одном листе. «Та-ак, – подумал я, – кажется, у меня проблема. Но не будем спешить с выводами, еще не вечер».

Скоро толпа прилетевших и встречающих потихоньку разошлась, в зале прилета осталось несколько человек. Я уже собирался было пойти позвонить, как неожиданно передо мной появилась светловолосая женщина зрелых лет и, широко улыбнувшись, как это умеют делать американцы (впрочем, канадцы тоже это делают не хуже), спросила: «Вы Муса?» Спросила на английском, конечно. Я ответил, да, это я. Она назвала свое имя – Руфь. По-английски произнести это имя на первых порах мне было чрезвычайно сложно, я обычно говорил твердо – «Руф» или мягко – «Русь», что не совсем правильно.

В общем, Руфь меня встретила и привезла к себе домой. Так началось мое большое канадское приключение.

Вечером вернулся Эд – муж Руфь. Он коренастый, среднего роста, крепкого телосложения мужчина примерно моего возраста, что-то в пределах 46-47 лет (это в то время, 17 лет назад). Эд довольно-таки общительный, любит пошутить, порассуждать на околополитические темы и, как выяснилось в первый же вечер нашего знакомства, хорошо готовит. Эд приготовил мясо на барбекю, Руфь сделала замечательный салат, и мы сели ужинать во дворе на садовой мебели. Двор освещали яркие фонари, над дверью в дом мелодично позвякивали металлические трубочки, дул легкий освежающий ветерок. Здесь было так уютно, по-домашнему просто и комфортно. Руфь и Эд рассказывали о себе, о жизни в Канаде, расспрашивали меня о Чечне, о моей семье. Я многого не понимал из их речи, и они часто спрашивали меня «Муса, тебе понятно? Ты понял?» Да, отвечал я, почти понял или понял не совсем так, как нужно было. Они смеялись, говорили, что я человек с юмором. Так прошел мой первый вечер в Ванкувере в доме Эда и Руфь.

Мои новые друзья жили в собственном доме в западной части Ванкувера. В этом районе находятся в основном частные дома. Дом Эда и Руфь очень красивый, на трех уровнях, как и многие дома в этом городе. Нижний

полуподвальный этаж с двумя спальнями, гостиной комнатой, кухней и ванной хозяева сдают квартирантам (вот она канадская предприимчивость). На втором, основном, этаже находятся гостиная, две спальни, в одной из которых разместили меня, кухня и ванная комната. А на третьем, мансардном, этаже расположена спальня хозяев, офис (по-нашему, кабинет) Руфь, ванна и отдельная маленькая комната, которая используется как гардеробная. Такой вот большой и удобный дом.

Руфь – двоюродная сестра Эрвина, кузина, как принято у них говорить. Родственные отношения они поддерживают, иногда посещают друг друга – в основном, по случаю. А Эдвард, или Эд, как его называет Руфь и все друзья, родился и до 38 лет жил в Соединенных Штатах. Когда они поженились с Руфь, он перебрался в Канаду. Здесь, в Ванкувере они купили дом и стали жить в этом замечательном городе. У них нет детей, и это обстоятельство их тяготит. Руфь работает риэлтером, а Эд менеджером в очень крупной канадской фирме, которая производит все, что можно сделать из бумаги. У каждого своя машина, на которой они ездят на работу, у Руфь – «Вольво», а у Эда – «Тойота».

Ванкувер – прекрасный город на склонах гор

В первые дни моего пребывания в Ванкувере Эд и Руфь по очереди, а иногда и вместе возили меня по городу, показывали его достопримечательности. Ванкувер лежит на горных склонах, которые плавно опускаются к океанскому заливу. У самого океана находится «даун-таун» – официальный и деловой центр города с небоскребами, роскошными домами, супермаркетами, культурными и образовательными учреждениями, жилыми высотными домами. Это, собственно, современный городской центр с интенсивным транспортным движением. Там течет насыщенная, деловая и культурная жизнь города. Там, как правило, много туристов, гостей из других стран и континентов.

Конечно, мне Ванкувер сразу понравился. Это очень красивый, благоустроенный и главное – безукоризненно чистый западный город. В нем очень много частных домов. В основном, это не очень большие, ухоженные строения на 2-х или 3-х уровнях. И, что характерно, передняя, фасадная часть домовладения открытая – нет никаких заборов, только лишь аккуратно подстриженный газон, несколько деревьев и лента кустарника, которая служат забором между соседями. Все чисто, аккуратно, газоны и кусты подстрижены, деревья ухожены. Поразительно, с какой любовью здесь люди относятся к природе!

В первые дни, когда мы ездили по городу, я только и делал, что смотрел по сторонам – на эту удивительную красоту!

В черте города несколько крупных парков, которые расположены, в основном, в спальных районах. Так называют части Ванкувера, где возведены частные дома, расположенные на тихих тенистых улицах. Эти улицы здесь называют авеню, и они имеют свою нумерацию. Дом Эда и Руфь, например, находится на 19-й авеню.

Каждый день я узнавал что-то новое о городе и его людях, и все это было для меня чрезвычайно интересно. Я успел побывать во многих магазинах. В них есть все, что душа пожелает. Это просто удивительно, как хорошо там живут люди! Мои друзья обычно покупали продукты впрок, чтобы часто не ездить по магазинам. Благо, в доме было 2 огромных холодильника, куда вмещалось целое море продуктов. Кстати, меня в первый же вечер успокоили насчет еды – в доме свинину не едят и ничего свиного не готовят. Ну что же, подумал я, это просто замечательно, не нужно беспокоиться о том, какое мясо подадут к столу.

Любимое занятие Эда – это готовить барбекю. Печь, на которой готовится барбекю (кстати, тоже называют таким же словом), растапливается специально предназначенным для этого углем (сейчас для нас в России это уже не

диковинка, а 17 лет назад я это видел только в американском кино). Сначала уголь разжигают от газовой форсунки, затем, как только он разгорелся, газ отключают. Над огнем находится металлическая решетка, на которой и готовят барбекю – жареное мясо, рыбу или курятину. Приготовленное таким образом мясо напоминает наш шашлык, хотя, на мой взгляд, барбекю значительно ему уступает.

Когда приглашают гостей (у Эда и Руфи это случалось довольно-таки часто), обычно готовят барбекю. Видимо, это удобно, просто и практично. Должен сказать, здесь вообще не готовят первые блюда. Привычные для нас супы, борщи и другие жидкие блюда в Канаде подают в кафе и ресторанах (а борщ можно отведать только в русском или украинском ресторане. Кстати, многие канадцы очень любят это блюдо). К барбекю подают салаты и различные приправы – острые, пряные, некоторые с необычным и новым для нас вкусом, а еще, как ни парадоксально, джем и отваренную фасоль – что-то типа соуса. Обычно мясо, салаты, соусы, овощи кладут в большие тарелки, а оттуда каждый для себя берет понемногу в свою тарелку. За столом обстановка непринужденная, свободная, ведется беседа на любую тему, звучат шутки. Столовым ножом пользуются только в том случае, когда это действительно необходимо. Из напитков к мясу подают красное вино и холодные напитки. И, конечно, на десерт предлагают сладости и фрукты. Вот так обычно проходит ужин у канадцев, во всяком случае, в доме четы Мерфи было так принято.

Эд после работы переодевался и начинал что-нибудь делать по дому. Он говорил, что к концу рабочего дня у него уже готов план домашних дел на сегодня. На него приятно было смотреть, когда он с любовью поливал растительность во дворе и вокруг дома, чинил или мастерил что-то. Обычно мы вместе подстригали траву на газоне перед домом. Он увидел, что мне нравится работать с газонокосилкой и стал доверять мне это дело. Я аккуратно подстригал полосами траву тарахтящей бензиновой косилкой, стараясь, чтобы не осталось даже клочка нескошенной растительности. Эд, возвращаясь с работы, внимательно смотрел на мою работу и говорил: «Mousa, good job!» (Муса, хорошая работа!) «Ну, что же, гуд так гуд, – говорил я про себя, – будем стараться, my friend».

У Эда и Руфь небольшой участок земли – всего сотки четыре. Но у них каждый сантиметр используется с максимальной пользой. На заднем дворе, где обычно мы ужинали, много цветов, посажено несколько деревьев, есть даже береза, правда, без черных полосок. Сделан небольшой фонтан. Стоит мексиканская печь из керамики, наподобие небольшого камина. Очень приятно было тихими летними вечерами слушать журчание воды и мелодичный звон металлических трубочек над входом в дом. Как правило, мы садились под большим зонтом на легкие летние стулья и наслаждались покоем. Да, пожалуй, это были самые незабываемые вечера, проведенные мной в Канаде.

С английским не все так просто

Но, однако, надо было подумать и о моей учебе, и вот мои хозяева и их друзья, которые стали и моими друзьями тоже, нашли для меня учительницу английского языка. Это была весьма почтенная леди с безупречными манерами и очень доброжелательной улыбкой. Звали мою будущую «инглиш тичер» Вайола Эскобар. Она была в дружеских отношениях с семьей Эда и Руфь Мерфи, иногда бывала в их доме. Миссис Эскобар взялась за мое обучение, причем совершенно бесплатно, чем вызвала мое большое удивление. Мне почему-то казалось, что западные люди беспокоятся только о своем финансовом благополучии и ищут любую возможность заработать лишний доллар. Здесь случилось исключение из этого пресловутого правила. Миссис Вайола, как верующая, решила оказать бескорыстную помощь человеку из региона, где шла война и были человеческие жертвы.

Моя новая учительница поставила мне единственное условие: регулярно и тщательно готовиться к занятиям. Я ее искренне поблагодарил за щедрый жест и пообещал не разочаровать. Она тут же исправила мои речевые ошибки и сказала, что будет ждать меня в учебном центре, который находился в одном из пригородов Ванкувера – Бернаби, где она проживала.

Вскоре наши занятия английским начались. Я приезжал в Бернаби к 10 часам и до 12 занимался языком. Вайола учила меня грамматике, разговорной речи, исправляя буквально каждый мой звук. Это было, конечно, нелегко, но, видит Бог, я старался. Грамматику я учил и раньше, правда, самостоятельно и без системы, но мои знания на наших занятиях пригодились. Вайола меня часто хвалила и всячески поощряла за старание. Ей нравилось, что я стараюсь постичь язык и за пределами наших уроков. Когда ехал на занятия (для этого мне приходилось менять несколько видов транспорта), я внимательно изучал рекламные надписи, которых в общественном транспорте было великое множество. Записав эти лозунги-призывы в свою тетрадь, я пытался их перевести без помощи словаря. Часто мне это удавалось, и моя учительница радовалась вместе со мной этим маленьким победам.

Вайола Эскобар родилась в Канаде в семье польских эмигрантов, ее девичья фамилия Лисовски. Закончив школу, она стала работать в школе учителем начальных классов. Затем уехала в Перу, там учили детей и взрослых английскому языку. Вышла замуж за перуанца Альфонсо Эскобар, у которого был небольшой бизнес в своей стране. Уже в зрелом возрасте Вайола и Альфонсо переехали в Канаду, в Бернаби.

После обеда, который в Канаде называют ланчем, у меня проходили встречи с разными людьми, в основном, это были друзья Эда и Руфь, с которыми я пытался разговаривать. Это были очень полезные занятия для меня, поскольку я слышал живую английскую речь и погружался в нее, как пловец в воду.

Транспорт в Ванкувере

Много времени, что-то более часа, у меня уходило на дорогу, ведь, как я писал, мне приходилось менять разные виды общественного транспорта. Но об этом, пожалуй, нужно рассказать более подробно. В Ванкувере несколько видов общественного транспорта: автобус, троллейбус, скайтрейн (надземный электропоезд на монорельсе), саввэй (метро) и ситрейн (морские катера и небольшие суда). Весь транспорт делится на три зоны и оплата проезда разная. К примеру, билет, купленный в одной зоне, не может быть использован в другой. Стоимость в автобусе, например, 1 канадский доллар и 75 центов. По нашим меркам это, конечно, дорого. Но зато какой транспорт – все в нем чисто, аккуратно, и ездит он строго по расписанию. И что важно: билет, купленный, например, в автобусе, в течение определенного времени можно использовать и в другом виде транспорта. Входя в автобус или троллейбус, показываешь водителю проездной билет (мне с первых дней приобрели проездной, который можно было использовать в течение 1 месяца). Если же у тебя нет проездного, покупаешь билет у водителя, рядом с которым находится касса. Бросаешь туда монеты, и водитель вручает тебе билет. Сдачу водитель не дает: если ты бросил в кассу 2 доллара или больше, то, значит, ты столько заплатил.

Когда приближается твоя остановка, нужно дернуть за корд (шнур, который протянут вдоль окон в автобусе или троллейбусе), чтобы водитель услышал сигнал и остановил транспорт, иначе ты рискуешь проехать свою остановку. Чтобы открыли дверь, нужно опуститься на одну ступеньку. Вот такие несложные правила нужно соблюдать в общественном транспорте в Ванкувере, да и в других городах Канады тоже. А вот скайтрейн совершенно другой транспорт, он как поезд в нашем метро. В нем четыре небольших, очень аккуратных вагона, все автоматизировано, машиниста в поезде нет.

Во всех автобусах, троллейбусах, в вагонах скайтрейна назойливая, кричащая и пестрая реклама: лозунги, номера и адреса компаний. Вот такого типа: «У вас финансовые проблемы? Позвоните нам!» Вообще, реклама там на каждом шагу: с витрин магазинов, со щитов на улицах, со стен домов и учреждений тебя приглашают купить, поесть, отдохнуть, поехать, позвонить, взять кредит. «Проголодались? Зайдите! Гамбургер всего за 1,5 доллара!» И так везде. Сейчас нам, конечно, все это знакомо, мы видим рекламу на улице, по телевидению, в интернете – везде, где только возможно. Но тогда, 17 лет назад, в далекой Канаде я вкусил «всю прелесть» этого явления, и не скажу, что это меня особенно радовало и вдохновляло на какие-то решительные действия.

Приветливые канадцы

Канадцы очень приветливы. Поначалу их приветствие немного шокирует. Ты идешь по улице, и вдруг человек, который идет тебе навстречу, широко улыбается, как будто вы давно знакомы и не виделись лет 5, и говорит весело «Hi!» (Привет!). Ты удивлен, невольно оборачиваешься, тебе кажется, что он поприветствовал идущего за тобой. Но там никого нет. «А, это он обознался», – думаешь ты, но на всякий случай тоже здороваешься с ним, правда, не так весело. Но как выясняется позже, это принятая и широко распространенная в Канаде традиция – здороваться со встречным. А про улыбки и говорить не приходится – здесь вам улыбаются везде: и в магазинах, и на улице, и в парикмахерской, и в парке.

Канадский дневник

Признаться, меня занимала жизнь в Канаде, и отдельные события, особо меня впечатлившие, я старался записывать. Так у меня появился «Канадский дневник». Вот некоторые из моих записей:

22.07. 2000 г.

Сегодня суббота – у меня выходной день. С утра шел мелкий морозящий дождь, который наводил гнетущую зеленую тоску. Не хотелось вставать, я долго лежал в постели, наслаждаясь покоем и бездельем. После ванной зашел на кухню. Завтрак и ланч я готовлю себе сам. Руфь один раз показала мне, как и что нужно взять на ланч, после этого я что-то обычно сам беру из кухни. Сегодня я ограничился кружкой кофе. Честно говоря, не очень приятно лазать по чужим шкафам, готовя себе пищу. Завтрак здесь очень легкий, иногда это просто кружка кофе, вот как сегодня у меня. При таком ненормальном питании многие канадцы довольно-таки упитанные и даже толстые. Не знаю, как это у них получается, питаются-то как попало. Может, поэтому и толстые, что все время что-то жуют, иногда прямо на ходу.

В общем, здесь многие по утрам пьют кофе с молоком. Это, можно сказать, любимый утренний напиток канадцев. Хотя есть, конечно, и исключения из этого традиционного правила. У Эскобаров, например, мы утром пили апельсиновый сок и воду. Это было совсем недавно, когда меня временно поселили к добрым старикам на несколько дней, на то время, пока Эд и Руфь съездили в США на свадьбу племянника Эда.

Ближе к обеду мы с Руфь поехали в портовую часть Ванкувера – там я еще не был. Признаться, очень люблю море и все, что с ним связано. А Ванкувер находится на берегу Тихого океана. От океана сюда заходит живописный залив, который имеет такое необычное и романтическое название – Лошадиная подкова. Залив, и правда, напоминал своей формой подкову. А вот кто придумал ему столь красивое имя, для меня неведомо. Надо спросить у Эда с Руфь. А ведь, правда, интересное название?

Мы с Руфь побывали на острове Грэнвилл. Собственно, это небольшой островок. Своего рода, торговая «Мекка» в Ванкувере. Что интересно, над островом тянется один из крупных мостов в Ванкувере – Грэнвилл стрит бридж – с восьмиполосным автомобильным движением и высотой 27 метров. Здесь очень много торговых заведений – «маркеты», как говорят канадцы, в которых можно купить все, что душе угодно, есть аттракционы для детей, кафе и рестораны, даже музеи и театр. И, что интересно, – на острове, несмотря на ненастную погоду, всегда много туристов, в основном, это китайцы и японцы, которых здесь великое множество, в том числе и среди жителей Ванкувера.

Мы довольно долго ездили по Грэнвиллу, посмотрели много занимательных вещей. Мне особенно понравились резные фигуры коренных жителей Канады – индейцев. Большие столбы-тотемы, фигурки людей, птиц и зверей – все это было сделано весьма искусно и красиво. И работали над всем этим, как мне кажется, настоящие профессионалы – скульпторы, художники. Затем мы пообедали в очень уютном кафе, здесь был большой выбор блюд из рыбы и мяса. Я предпочел рыбу, запеченную в тесте. Это, поверьте, очень вкусно.

30.07.2000 г.

За эти несколько дней у меня была масса встреч и поездок. По четвергам за мной обычно приезжает супружеская пара очень добрых и симпатичных людей из Дельты, небольшого городка, который находится недалеко от Ванкувера. Он расположен на правом берегу большой судоходной реки Фрезер, которая протекает рядом с Ванкувером и впадает в залив Лошадиная подкова.

Тед и Норма живут в небольшом собственном доме, который находится на возвышенности, в очень живописном месте, рядом с лесом. Тед работал на заводе инженером и вышел недавно на пенсию. А Норма работала учителем начальных классов в городе Дельта. Она тоже с недавнего времени на пенсии. Супруги показывают мне достопримечательности Ванкувера и близлежащих мест. Они тоже друзья моих хозяев – Мерфи, и, узнав о цели моего пребывания в Ванкувере, Тед и Норма предложили свои услуги в качестве добровольных спикеров.

Я все больше и больше убеждаюсь, какие здесь хорошие люди, во всяком случае, из числа друзей и знакомых Мерфи почти все добрые и отзывчивые. Они очень внимательно относятся ко мне, следят за моей речью, поправляют, подбадривают, хвалят. Я с ними не чувствую скованности и дискомфорта. Они просты в общении, милы и приветливы. Так что, мне невероятно повезло с моими новыми друзьями в Канаде.

А недавно, точнее 3 дня назад, мы с Тедом и Нормой ездили к берегу Тихого океана, к месту, которое называется White Rock (Белая скала). Под этим названием на берегу океана расположен довольно-таки большой район, куда входят и небольшой город с таким же названием, несколько сел и ферм. Села здесь – это все-таки маленькие городки. Ну как можно назвать селом населенный пункт, в котором есть все городские коммуникации и удобства, чистые, аккуратные улицы, по которым не гуляет скот и откуда можно позвонить в любую точку Земли?

А город White Rock – это очень чистый, аккуратный и удобный город, расположенный на берегу океана, рядом с границей США. Друзья мне показали – вдали у океана был маяк и какие-то дома. «Это уже Америка», – сказал Тед. Странно, в Канаде, как и во всем мире, США называют Америкой, как будто здесь только одна эта страна. Вот что значит стереотип мышления.

В White Rock люди приезжают из самых отдаленных уголков Канады и других стран. Многие сюда едут по железной дороге. Она тянется по побережью, огибая этот замечательный город, который с невысоких холмов аккуратно опускается к океану. От набережной в океан выходят длинные деревянные молы на высоких сваях. По ним и по набережной гуляет много людей, одетых

по-летнему в светлые одежды. Кстати, канадцы неприхотливы в нарядах, большинство из них носит футболки и шорты, причем и мужчины, и женщины одеваются одинаково. И практически все носят кроссовки с высокими белыми носками. Такую одежду они предпочитают носить и на работу, и на учебу. Ну что же сказать по этому поводу? По крайней мере, это весьма удобно, хотя не для всех приемлемо, особенно для тех, у кого другой менталитет.

Я, кажется, отвлекся. Хочу еще немного рассказать о таком чудесном месте, как White Rock (Белая скала). Недалеко от берега, напротив набережной, длинной и закругленной косой тянется насыпь из крупных камней. Это искусственное заграждение сделано для того, чтобы защитить от высоких волн набережную и изящные белые катера, которые качаются на зеленых океанских волнах у этих заградительных камней. Такие катера себе могут позволить далеко не все канадцы. Это весьма не дешевое удовольствие. Но, живя рядом с океаном, жители Ванкувера и Белой скалы стараются воспользоваться такой прекрасной возможностью, как плавание на катерах в океане.

В этом городе, я имею в виду, конечно, White Rock, спокойная и размеренная жизнь, никто никуда не спешит, все отдыхают, наслаждаются покоем, любуются океаном и отдаленными горами, на которых даже в летнее время лежит снег.

На тротуарах возле кафе и ресторанов стоят столики под большими зонтами, звучит негромкая музыка, отдыхающие сидят за бокалом вина, чашкой кофе или со стаканом с прохладительным напитком. Рядом проезжают машины, проходят люди. Нет шумных выкриков, скандалов, хохота – всего, что могло бы помешать отдыху окружающих. Люди сидят, спокойно разговаривают, шутят, улыбаются. И никто никому не мешает.

Кстати, видел я и сам White Rock (Белую скалу), а точнее, огромный камень с трещинами поверху. Он лежал на галечном пляже, недалеко от воды. Камень был покрашен в белый цвет и не производил впечатления чего-то естественного, природного. Может, когда-то он имел свой натуральный, природный белый цвет и поэтому так и был назван. Я спросил у своих друзей, почему камень покрасили. Тед сказал, что на нем были надписи далеко не литературного содержания, и его пришлось покрасить. Ах, вон оно что! Дело оказалось куда прозаичней, чем я думал. Ну что же, люди везде одинаковы, что в России, что в Канаде – наши тоже, наверное, написали бы что-то типа: «Здесь был Вася» или «Махмуд из Бегаш-юрта», а то и вовсе слова, не употребляемые в приличном обществе. Но огромный валун сам по себе весьма симпатичный, впечатляющий. Интересно, как он сюда попал? Мои друзья об этом не знали. Они сказали, что он был здесь все время.

Вот так я постигал интересные места и достопримечательности Бритиш Коламбии. Так называлась провинция, в которой был расположен Ванкувер и еще 39 других менее крупных городов этой части Канады. Рельеф местности и особенно горы напоминал мне нашу Чечню, хотя были, конечно, и существенные различия. У нас, например, нет океана или моря поблизости. Но мы по этому поводу особенно не переживаем.

01.08.2000 г.

Наши встречи с Тедом и Нормой происходят в основном по четвергам (этот день у них более свободный от домашних и прочих дел). На этот раз мы поехали в место, которое называется Стивенсон лэндинг. По всей вероятности, этот самый Стивенсон – один из первых западных переселенцев в этих краях. Он здесь застолбил участок в несколько акров и сказал: «Отныне эта земля принадлежит мне». Потом он отстреливался из винчестера от местных аборигенов в лице вольнолюбивых и гордых индейцев, которым очень не нравилось, как эти пришлые белые люди хозяйничают на их земле. Ну, на самом деле это, может быть, было вовсе и не так. Скорее всего, Стивенсон

купил у индейцев эту землю за чисто символическую плату в виде красивых бус или каких-то других украшений.

Впрочем, с моими друзьями на эти темы я обычно не говорил. Им страшно не нравится, когда их считают завоевателями «дикого запада».

Стивенсон лэндинг – небольшое местечко, скорее поселок, чем город, и знаменит он тем, что здесь очень много рыбы, рыбаков и их шхун, которые канадцы называют «фишбот», что означает «рыбацкое судно». Суда приезжают за рыбой из близлежащих городов и сел, поскольку здесь всегда можно купить самую свежую океанскую и речную рыбу. Он расположен на побережье океана. Здесь красивый ландшафт, вдали океанская ширь, справа горы, которые вошли в воду и навсегда замерли в ее суровой пучине.

В тот день шел мелкий дождь, но он не мешал нам насладиться очарованием этого места. Рыбаки на катерах были одеты в робы или в дождевики, чтобы не промокнуть под моросящим дождем. Им ведь приходилось часами стоять и ждать, пока покупатели подходят за рыбой. А покупателей было не так уж много, видимо, их напугал этот нескончаемый и нудный дождь.

Мы с Тедом и Нормой бродили по набережной, наблюдая за всем, что происходит вокруг. Несмотря на ненастную погоду, над водой в поисках пищи летали белые чайки. Порой им удавалось выхватить из воды не слишком осторожную и зазевавшуюся рыбу. И тогда они с пронзительными криками слетались на добычу, пытаясь оторвать рыбу друг у друга. Да, совсем не дружелюбная эта птица – чайка.

У нас были зонты, и дождь, надолго зарядивший в этот день, нам был совершенно не страшен. Мне почему-то вспомнилась фраза «Что может быть лучше плохой погоды?» Я гадал, что это было – то ли название фильма, то ли книги, да так и не вспомнил.

Мои друзья предложили зайти в кафе и перекусить чего-нибудь. По предыдущему опыту, когда мы с Руфь побывали на островке Грэнвилл, я знал, что здесь многие блюда будут с рыбой. Да, так оно и было. Мы заказали фиш-энд-чипс. Горячая жареная рыба в тесте и картофельные чипсы в такую погоду, особенно, если ты нагулял хороший аппетит во время прогулки под дождем, наверное, самый лучший выбор.

04.08. 2000 г.

На днях Эд, Руфь и я отправились на остров Ванкувер, на котором находится, кстати, столица провинции Бритиш Коламбия – город Виктория. Остров, как и самый крупный город региона, тоже называется Ванкувер. Город и остров названы в честь отважного капитана Королевского флота Великобритании Джорджа Ванкувера, первооткрывателя этих земель. Кстати, остров, носящий имя этого славного капитана, сотоварища знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука, был открыт им в конце XVIII века. На корабле «Дискавери» капитан Ванкувер тщательно исследовал заливы и бухты западного побережья континента. Он открыл эти земли, и они стали называться «Бритиш Коламбия», то есть «Британская Коламбия». Англичане всегда спешили присвоить свои имена вновь открытым землям, так случилось и здесь. В те времена во всем мире сильные морские державы открывали новые земли и часто силой оружия, поработая и уничтожая аборигенов, захватывали все, что было ценное во вновь открытых краях. И все это делалось во имя короны, во имя сильной державы, чтобы главенствовать в мире. И англичане в этом плане выглядели далеко не лучшим образом. Они в прошлые века имели самые обширные колонии во всем мире, нещадно их обирали, увеличивая богатства королевской казны.

Однако после столь туманного отступления в малоизвестное прошлое и совершения краткого исторического экскурса позволю себе вернуться к нашей поездке в Викторию. Кстати, несмотря на то, что это не очень большой город,

сюда заходят крупные океанские лайнеры, сухогрузы, рыбацкие корабли, спортивные яхты – здесь находится один из самых крупных портов Канады. Виктория – город, который посещают туристы со всего мира. С первой минуты пребывания создается впечатление, что здесь сохранился дух старой, как говорят, «доброй» Англии. Я не видел ни старой, ни «доброй» Англии, но то, что здесь соблюдают английские традиции, понял сразу. Они везде, но больше всего в архитектуре. Сохранилось много старых домов, стиль и архитектура которых напоминают переселенцам, а точнее их потомкам, ту историческую родину, которую они покинули в поисках лучшей жизни.

В Виктории есть на что посмотреть: великолепное здание правительства (правительства или мэрии острова), Исторический музей, старинный английский отель «Импресс», картинные галереи, театры, парки, музеи. Но все это посетить за один день невозможно – наше пребывание в этом городе не было рассчитано на более длительный срок. И за этот единственный день мы посетили отель «Импресс», музей, порт, два-три магазина.

Отель «Импресс», созданный в старом английском стиле, весьма впечатляет: богатые отделки на этажах, шикарные дубовые лестницы, роскошные рестораны и магазины, великолепные номера для гостей, вышколенная, предупредительная обслуга, везде зеркала и ковры, светильники, позолота, современные, стилизованные под старину лифты, красивое сочетание старины и современности – вот это и есть отель «Импресс». Понятно, что номер в таком отеле по карману лишь весьма состоятельным людям.

В Историческом музее мы посмотрели несколько экспозиций: жизнь коренных жителей Канады – индейцев, зал первооткрывателей, жизнь канадцев в XIX веке и на заре XX века, природа и животный мир страны.

Все экспозиции были подготовлены на очень высоком уровне, богато оформлены. В некоторых залах есть звуковые сопровождения к экспонатам, это создает эффект реальности. К примеру, экспонируется жизнь фермеров прошлых лет. Стоит чучело коня, лежит плуг, разная домашняя утварь, слышно, как кудахчут куры, мычат коровы, ржут лошади. На заднем фоне нарисованы горы, леса, река. Все эти предметы кажутся реальными, естественными.

В другом зале показана жизнь вокзала – по всей видимости, это конец XIX века. Зал, скамьи для пассажиров, билетная касса, в углу – старинная железная печь, на стене – расписание поездов. Вдруг – грохот, свист, шум приближающегося к вокзалу поезда, и за окном начинают мелькать освещенные вагоны. Эффект очень впечатляющий! И интересно, и поучительно. Каждый посетитель, помимо знаний о прошлом канадцев, получает и массу приятных впечатлений от увиденного.

А вот порт в Виктории – это просто невероятно красивое зрелище для любителей моря и кораблей. Впрочем, тем, кто равнодушен к морской тематике, это тоже интересно. Представьте себе: на глади голубой воды лежат белоснежные океанские лайнеры, которые, избородив моря и океаны, пришли в этот порт, чтобы отдохнуть, набраться сил и уйти дальше в неизведанные дали.

Здесь очень много спортивных яхт и других мелких судов, которые тоже ждут в порту своих хозяев, чтобы отправиться в увлекательное морское путешествие.

Мы прекрасно провели время в Виктории и вечером сели на паром, который курсировал между островом и городом Ванкувером. Паром – по сути, это огромный корабль с тремя большими палубами. На нижней палубе размещается транспорт пассажиров, а на верхних двух они сами. По-английски паром называют «ферри». На судне все сделано так, чтобы пассажиры чувствовали себя комфортно, могли отдохнуть, развлечься, поесть – для этого здесь есть все условия. На пароме, например, есть телефонная связь с любым городом земли. Дети могут провести время за игровыми автоматами, и для взрослых есть разные развлечения.

А с верхней палубы великолепный обзор! Видны маленькие острова, мимо которых проплывал паром. Был поздний вечер. И на островах горели огни, даже на самых маленьких из них было электрическое освещение в домах. Наверно, это был свет от двигателей, вырабатывающих электричество.

За все время, пока я жил в Ванкувере, я впервые видел ночной город издалека. Он весь был в сиянии – обычное освещение сливалось с ярким неоновым рекламным светом. Зрелище было необыкновенно красивое! Свет со склонов, на которых были в основном частные дома, плавно перетекал к даун-тауну с его небоскребами, торговыми и развлекательными центрами. Поистине, город огней!

Мы съехали с парома на машине Эда и двинулись в сторону Камби-стрит, от которой нужно было свернуть на 19-ю авеню к нашему дому. Несмотря на поздний час, на улицах города было довольно-таки оживленно: интенсивный поток машин, толпы людей у ночных заведений, кафе и ресторанов. В общем, ночная жизнь Ванкувера была в разгаре. Но нас она, честно говоря, совершенно не интересовала, хотелось поскорее домой, принять душ и – в постель. К ночи усталость сказывалась все больше. Шутка ли, проделали такой долгий путь на машине и пароме, а у меня набралось столько впечатлений, столько эмоций! Все это надо было как-то переварить.

Мы приехали домой довольно-таки поздно. Соседи, наверное, уже спали. Эта часть города, где в основном частные дома, затихает рано. Это, видимо, сложившаяся годами традиция – рано вставать на работу и пораньше лечь, чтобы хорошенько отдохнуть перед трудовым днем.

На ночной улице с двух сторон – две длинные вереницы легковых машин, припаркованных перед домами хозяев. Тишина, покой, лишь шуршание листвы на деревьях и мелодичное позвякивание металлических трубочек, подвешенных над входными дверями.

5.08.2000 г.

Сегодняшний день у меня был очень насыщенным. С утра мы с Руфь ездили за покупками. Здесь это называется shopping (шоппинг), то есть покупка вещей, хождение по магазинам. Это весьма интересное занятие, особенно для женщин. Для них это целое шоу: посмотреть, прицениться, обсудить, примерить. К моему счастью, Руфь не относилась к категории женщин, которых за уши не оттянешь от прилавков. Она человек прагматичный, разглядывать ненужные ей вещи никогда не станет. А я, как и любой уважающий себя мужчина, в магазин иду лишь по крайней необходимости. Так что, мы быстро пробежались по торговым точкам и купили подарки для моих родственников. Здесь в крупных магазинах есть, конечно, на что посмотреть, очень много всевозможных товаров – дорогих, очень дорогих и подешевле. Но меня это не занимало.

А вечером чета Эскобаров, моя учительница Вайола и ее супруг Альфонсо, с которым я тоже успел подружиться, пригласили меня на horse-show, что означает «представление с лошадьми». На подобном шоу я, признаться, раньше не был. А это запомнил навсегда. Но обо всем по порядку.

Самое интересное: показывали породу перуанских лошадей, поэтому это вызвало столь пристальный интерес у Альфонсо, который, собственно, меня и пригласил на шоу. Перед этим он у меня еще спросил, люблю ли я лошадей. «Ну что Вы говорите, Альфонсо, – сказал я, – как кавказец может не любить лошадей? Ведь это у нас в крови». Он, довольный, улыбнулся и сказал: «У перуанцев тоже». Вот так мы, два горных человека, нашли общий интерес и почувствовали друг к другу еще большую симпатию.

Перед шоу мы зашли в кафе, которое было на этом зимнем стадионе, где должны пройти соревнования. А шоу проходило в форме соревнований. Первое блюдо, которое мы с Вайолой и Альфонсо попровали, было что-то типа

жареной курицы с рисом, залитое необыкновенно острым соусом, который придавал ему особую пикантность. А на второе, по рекомендации Вайолы, мы взяли фруктовый пудинг. Прекрасное блюдо, которое замечательно дополняло курицу с рисом.

Наконец, после шумной и немного напыщенной церемонии началось шоу. Всадники показывали прекрасных коней, просто одно заглядение – один лучше другого. Я представляю, в каком затруднении было жюри, выбирая из них лучшего. Правда, в шоу были разные номинации, поэтому и победителей было достаточно много. Конечно, грациозность и красоту перуанских лошадей оценивало компетентное жюри, об этом можно было судить по реакции зрителей. Они с одобрением реагировали на оценки, выставленные тому или иному всаднику с его лошастью.

Честно говоря, подобную красоту лошадей и то, как их представляли, я видел впервые, и это зрелище меня полностью захватило. Кто-то из великих сказал: «На свете нет ничего прекрасней, чем танцующая женщина и гарцующая лошадь». Да, он оказался прав! Действительно, это неповторимое по красоте зрелище! В этот вечер я увидел эту красоту.

После основного показа – конкурса лошадей – на арену вышли артисты, которые исполняли перуанские танцы. Красивые, пышные платья девушек прекрасно сочетались с широкополыми шляпами и нарядами юношей. Танцующие держали в руках белые платочки. Великолепная грация, легкое парение по полу, красивые, отточенные движения, яркие улыбки, ритмичные отстукивания каблучков – вот что такое перуанский танец! И наконец, самый главный танцевальный номер: всадник на коне и девушка. Как красиво гарцует лошадь, ловко управляемая всадником, и как великолепно движется девушка, делая невероятно красивые па. Да, это зрелище надо увидеть хотя бы раз в жизни!

Альфонсо то и дело вскакивал, восторженно аплодировал и восклицал: «Браво!» Он сидел впереди, недалеко от меня и часто кричал мне, указывая на танцующих: «Муса! Муса!» Всем своим видом мой новый друг хотел показать свой восторг и желал, чтобы я разделил его с ним. Я поднимал большой палец и тоже кричал: «Браво!». Альфонсо был в неописуемом восторге от шоу и ему трудно было сдерживать свой южный темперамент среди спокойных и сдержанных канадцев. Он словно чувствовал, что из всех окружающих только я один могу понять его чувства по-настоящему.

9.08.2000 г.

Сегодня после моих занятий в учебный центр пришел мой новый знакомый – Боб Дэвис. Это высокий, спортивного сложения, по-юношески стройный человек лет пятидесяти. Боб обещал мне показать реку Фрезер и покататься на лодке. Я приглашение принял с удовольствием. Но сначала мы заехали к нему домой на ланч. Дома была его супруга Шарон, которая хлопотала на кухне, видимо, готовясь к нашему приезду. Она приготовила вкусный суп, что-то типа борща с овощами и замечательный салат с сыром. После ланча мы поехали на реку. У Боба старая американская машина «кадиллак» с открытым верхом. На такой машине очень интересно ездить. Я сразу вспомнил американские фильмы-боевики, где на таких машинах разъезжали полицейские или гангстеры. (Да, удивительны дела Твои, о Аллах! Ведь не знаешь, что суждено увидеть и испытать).

В поездке с нами была молодая китайская семья, с которой дружат Боб и Шарон. Китайцы, теперь взявшие новые имена – Майк, Люси – и их маленькая дочь Джени, которой, наверное, лет 5, приехали в Ванкувер около года назад. Они эмигранты, живут недалеко от Боба.

Боб подцепил к «кадиллаку» тележку, на которой была его лодка, и мы поехали. Шарон, сославшись на дела, осталась дома.

Боб живет рядом с рекой, в живописном месте. Мы проехали всего метров триста-четырееста и прибыли на берег Фрезера. На реке было очень интересно. Лодка у Боба довольно большая, вместительная. Он встал у руля и покатил нас по ровной глади воды. Погода стояла замечательная, по-летнему солнечная. Кстати, лето в Ванкувере не жаркое, а довольно-таки прохладное по нашим кавказским меркам – что-то около 25 градусов.

Фрезер – судоходная река, по ней плавают разные суда, но в основном катера, фиш-боты, пассажирские суда и сухогрузы. Еще по ней сплавляют лес – великолепные канадские сосны и ели. Мы видели целые горы бревен у берега. Иногда замечали речных зверьков среди бревен. Из объяснения Боба я понял, что это бобры. Мы проплывали под мостами, в одном месте их рядом оказалось целых три. Наш катер быстроходный, иногда он отрывался от воды и шлепался на поверхность с небольшой высоты, тогда все дружно смеялись. Больше всех радовалась маленькая китайка Дженни. Для нее эта поездка большой праздник и увлекательное путешествие.

Вскоре мы добрались до города Нью-Вестминстра. Этот небольшой городок лежит на берегу Фрезера. В порту стояли разные суда, крупные и мелкие. Полюбовавшись на них, мы повернули обратно. Люди с берега и судов дружелюбно махали нам, мы тоже в ответ поприветствовали их.

На обратном пути увидели завалившуюся на бок баржу с лесом. Боб подвел катер поближе, чтобы посмотреть, что же там случилось. Баржа была чересчур перегружена и, наверное, от большой волны накренилась набок. Два катера пытались с носа и кормы оттянуть баржу и вытащить ее из-под леса. С одного катера крикнули, чтобы мы отплыли подальше, поскольку находиться рядом было небезопасно. Боб завел мотор и отошел на порядочную дистанцию. Отплывая, мы увидели, что катерам все-таки удалось освободить баржу из-под огромной горы леса. Бревна за считанные секунды с грохотом соскользнули в воду. Баржу на буксире потащили в порт, она все еще стояла накренившись.

14.08.2000 г.

Сегодня был день моего рождения. Мне исполнилось 48 лет. Да, солидный возраст.

Мои друзья устроили ланч в парке, который называется Central park (Центральный парк). Он находится в Бернаби. Видимо, здесь, в Канаде, такая традиция – отмечать какие-либо торжества в парке. По-моему, замечательная традиция. Минимум затрат и максимум удовольствия. Все происходит на природе, просто и легко. У нас был положенный в таких случаях торт со свечками, которые я задул одним дуновением. Друзья закричали дружно «Good!» и спели для меня «Happy birthday!», которую поют во всем мире, поздравляя именинника.

Этот день рождения мне запомнится надолго. Было весело, все шутили, рассказывали разные смешные истории. Я впервые отмечал свой праздник в такой обстановке: кругом один из самых красивых парков провинции, яркий солнечный день, пение птиц, рядом новые друзья, которые, оставив свои дела, пришли сюда, чтобы сделать мне приятное. Я поблагодарил их за внимание, за доставленную радость и приятное время, которое мы провели в этом чудесном месте.

Моя учительница Вайола вызвалась отвезти меня домой, поскольку у Руфь были срочные дела, а Эд в тот день был на работе и не смог побыть с нами.

Мне взгрустнулось. Моих родных и близких не было рядом в мой день рождения. Я здесь в парке отдыхаю, а они там, дома, в тяжелых условиях войны, среди хаоса, разрухи и страдания.

Я часто жалел, что приехал сюда в такое тяжелое для меня и моих соотечественников время. Я чувствовал себя виноватым, как будто я кого-то предал. Поэтому не мог я здесь быть по-настоящему счастливым и беспечным.

За все время пребывания в Ванкувере я не чувствовал себя таким одиноким, как сегодня.

В тот день Вайола везла меня из Бернаби в Ванкувер. Фактически, Бернаби – это пригород большого Ванкувера, город-спутник.

Как всегда бывает в больших городах, дорога была перегружена, мы то и дело оказывались в пробках.

«Too much traffik! (Какое большое движение)», – часто вздыхала Вайола, стараясь как можно аккуратней вести машину.

У них с Альфонсо один автомобиль на двоих, почти новое «Вольво». Если Вайола водит очень аккуратно, стараясь строго соблюдать все правила, то Альфонсо – большой лихач – любит гонять, как будто он восемнадцатилетний юнец, и этим напоминает мне наших молодых земляков, любителей быстрой езды. По этому поводу Вайола ему часто выговаривает, напоминает ему о его годах и здоровье. В ответ тот улыбается и что-то говорит по-испански, единственное, что я понимаю, это «керида», т.е. «дорогая». Когда-то я учил португальский, неплохо его знал, но, как известно, любой язык забывается, если им не пользоваться.

Вайола благополучно меня довезла на 19-е авеню к нашему дому. Я смотрел ей вслед, когда она уезжала, и почему-то вспомнил свою маму. Вайола мне напомнила мою покойную мать, так рано ушедшую от нас. Наверное, как у всех матерей, у них есть что-то общее. А они с моей мамой примерно одного возраста.

У Альфонсо и Вайолы есть единственный сын, который живет в другом городе. У него семья, работа, живет хорошо. Но приезжает очень редко, также редко и звонит. Родители, конечно же, скучают по сыну и внукам, но ему все некогда, нет времени доставить радость старикам, осчастливив их своим посещением. Вот такова она, канадская действительность, в ней всего хватает – и радости, и печали...

24.08.2000 г.

Мои занятия английским продолжаются. Судя по реакции моих канадских друзей, я стал общаться значительно лучше и свободней. Даже строгая и требовательная Вайола иногда меня хвалит. Я, конечно, стараюсь, ведь мне же надо оправдать цель своего пребывания здесь, на далекой канадской земле.

На днях исполнилось два месяца моего пребывания в Ванкувере. Сейчас я чувствую себя намного уверенней, чем в первые дни, когда боялся сказать что-то неправильно. Нет, никто не собирался смеяться и делать мне замечания по поводу языка. Наоборот, все старались помочь, ободрить, дать совет. Помню, вначале, наблюдая, как я мучаюсь с тем, чтобы правильно сказать фразу, Эд сказал: «Муса, не нужно стесняться, говори, как можешь, ведь это не твой родной язык». Я почему-то запомнил его слова и стал говорить, как мог. Так появилась уверенность, а уверенность – одно из главных условий в изучении языка. Так потихоньку я стал говорить четко и правильно, почти как тот японец в анекдоте. Приехал в Россию японец, вначале ни бельмеса не знал, но упорно учил русский. Прошел месяц-другой. Все стали замечать, что он, вроде бы, лопочет что-то более-менее правильно. У него спросили, как это он так быстро усвоил русский, ведь все жалуются, что это очень трудный язык. Японец отвечает: «Ницево, ницево, в дзень два-три слова, в дзень два-три слова, а все у меня здесь – в пузе», – и показывает на голову. В отличие от этого бедного японца, у меня к изучению языка был более серьезный подход. Конечно, были проблемы с разговорным, но эта преграда день ото дня становилась все проще и проще для преодоления.

Таковы некоторые из записей в моем «канадском дневнике». Я его храню уже много лет, иногда листая его пожелтевшие страницы, чтобы вновь окунуться в ту далекую жизнь, уже окончательно и бесповоротно ставшую историей.

В конце сентября заканчивались дни моего пребывания в Канаде. С языком все было хорошо: я мог свободно общаться, читать и писать довольно-таки грамотно. Вайола, добрая моя учительница, была мной довольна. Она подарила мне очень старую и дорогую книгу на английском – произведения Уильяма Шекспира, а моей жене – украшения из серебра, тоже старинные и дорогие. Просила писать, хотя бы иногда. Я попрощался со всеми друзьями, тепло поблагодарил их за дружбу, за теплоту их сердец.

Перед моим отъездом мы с Эдом и Руфью вечером долго сидели во дворе дома и говорили обо всем понемногу. Я благодарил их за гостеприимство, за все, что они сделали для меня. Они беспокоились обо мне и моей семье, желали мне счастливой жизни, просили не забывать. Так закончилась моя поездка в Канаду.

И в заключение хотел бы рассказать об одном случае, который произошел со мной на Празднике дня народов. Есть в Ванкувере такой праздник, на котором представители разных народов показывают свою культуру. Это, как правило, блюда национальной кухни, песни, танцы, костюмы. В общем, очень интересное зрелище.

И вот на этом празднике ко мне подходят двое молодых людей и здороваются по-русски. Я и до этого знакомился в Ванкувере с россиянами и даже подружился с одним грузином, кстати, очень хорошим человеком. Эти новые знакомые рассказали о себе. Они с великим трудом попали в Канаду, вроде бы, устроились здесь неплохо. Поспрашивали обо мне и моих дальнейших планах в Канаде. Когда же я сказал, что на днях уезжаю домой, их удивлению не было предела: «Да Вы что!? Как можно отсюда уехать? Что там в России делать? Тем более, у вас дома в Чечне идет война? Оставайтесь, ведь для Вас здесь зеленый свет, у Вас не будет никаких проблем с видом на жительство, вам его дадут сразу, тем более, если вы знаете английский!»

Для этих молодых людей я был странным и чужаковатым чеченцем, которому в жизни выпал очень счастливый лотерейный билет, но он не хочет им воспользоваться. Я не стал им ничего объяснять и доказывать, просто пожелал удачи и отошел в сторону. Ну как можно было что-то объяснить людям, которые отказались ради красивой жизни на Западе от своей Родины, от родных и близких, от тех, кто их растил и воспитал? Нет, они бы в любом случае меня не поняли.

Да, я знал, что у меня не будет проблем с видом на жительство в Канаде, что при желании есть возможность остаться, и мне не откажут. Но я бы не смог променять на жизнь в Канаде, пусть богатую и благополучную, свою родную до боли, измученную и дорогую Чечню. Там было мое детство, юность и зрелые годы и там я был по-настоящему счастлив! И нигде, ни в одной стране мира я не был бы так свободен, так счастлив, как в моей маленькой, очень гордой и очень красивой республике.

И я вернулся домой – к вам, дорогие мои близкие и друзья, дорогие мои горы... Я знал, и твердо в этом убежден, что по-настоящему человек может быть счастлив только у себя на Родине, в родном краю, где все тебе близко и знакомо, где все тобой прочувствовано и испытано, где тебя любят и ждут – всегда, во все времена...

2017 год, май-сентябрь

Гость редакции

«Нам нужны молодые люди, преданные науке»

Шарани (Овхад) Джамбеков – известный фольклорист, публицист, старший преподаватель Чеченского государственного педуниверситета им. Т. Эльдарханова, профессор. Он составитель нескольких фольклорных сборников (в их числе издание 1990 года, ставшее сегодня библиографической редкостью), автор учебников для студентов филологических факультетов вузов, трех монографий и многочисленных научно-исследовательских работ по чеченскому фольклору и литературе. Сегодня он гость нашей редакции.

Муса Ахмадов. Шарани, мы рады приветствовать Вас в редакции. Несколько месяцев назад Вы защитили диссертацию. Теперь Вы доктор филологических наук. С чем мы поздравляем Вас. Ваша первая диссертация, кандидатская, по фольклору...

Шарани Джамбеков. Да, она называется «Жанровые и поэтические особенности чеченских героических песен (илли)».

На фото слева направо: Муса Ахмадов и Шарани Джамбеков.

Муса Ахмадов. А докторская диссертация по литературе.

Шарани Джамбеков. Ее можно считать продолжением кандидатской диссертации. В ней раскрываются, развиваются дальше те теоретические пункты, которые обозначены в первом труде. Свою работу я посвятил чеченским писателям, хотя использовал и произведения других северокавказских авторов. Меня интересовала тема фольклорных традиций в произведениях писателей двадцатого века. 30-е годы прошлого столетия – это время становления нашей литературы. Они прошли под лозунгом «Пережиткам прошлого – бой!», все произведения должны были соответствовать духу соцреализма. Фольклор, его богатейшее наследие, были объявлены неким балластом, который мешает развитию литературы. Дав оценку этому явлению, я показал, какое влияние оказал фольклор на творчество трех наших писателей.

Муса Ахмадов. А как называется Ваша докторская диссертация?

Шарани Джамбеков. Название довольно длинное: «Место фольклора в системе мировидения, литературно-эстетической концепции и творческой индивидуальности чеченских писателей XX века (Проза Магомета Мамакаева, Абузара Айдамирова, Шимы Окуева)».

Саламбек Алиев. А какое произведение Магомета Мамакаева Вы использовали?

Шарани Джамбеков. Во время работы над своим исследованием меня заинтересовала тема абречества в творчестве М. Мамакаева. Это сквозная тема как в произведениях чеченских писателей, так и соседних народов. Работая над диссертацией, я ознакомился с большим числом произведений северокавказских авторов. Абречество, как явление, было известно на всем Кавказе, но нигде не было так широко распространено, как в Чечне.

Муса Ахмадов. Вы показали в своей работе, что влияние фольклора на литературу благотворно.

Шарани Джамбеков. Да, вне всякого сомнения, благотворно.

Муса Ахмадов. И Вы утверждаете, что в истории Чечни абречество было более развито, чем у других народов, хотя произведений, посвященных этому явлению, у нас не так и много.

Шарани Джамбеков. Абреческое движение было больше распространено в Чечне, чем в других регионах. Оно не прекращалось даже в советские годы. Достаточно вспомнить абреков 40-х годов прошлого столетия или того же Хасуху Магомадова, который не прекращал своей деятельности до гибели в 1974 году. В своем труде я исследовал романы трех чеченских писателей: «Буря» А. Айдамирова, «Зелимхан» М. Мамакаева, «Красные цветы на снегу» Ш. Окуева. Абреки из произведений М. Мамакаева, А. Айдамирова – люди самоотверженные, бескорыстные, благородные. Такими же являются и герои Дзахо Гатуева, Владимира Иксуля – и сам Зелимхан, и другие абреки. Они выступают как борцы против социальной несправедливости, грабят и убивают чиновников и офицеров, которые притесняют бедняков. Большую часть захваченной добычи раздают тем же беднякам. И народ воспеваает их как героев, слагает о них песни. Герои же Ш. Окуева живут в предреволюционную эпоху, когда устои, на которых зиждутся народные обычаи, адаты, подверглись некоей деформации. Автор показал иную сторону этого явления, которое оно обрело на своем закате. Халид и его братья из романа «Красные цветы на снегу», называя себя абреками, не гнушаются ничем ради своей выгоды. Они обыкновенные грабители. Вероятно, в это время и появился в народе следующий рассказ: некий молодой человек решил стать абреком и обратился к матери: «Мама, я ухожу в абреки. Мне нужны быстроногий скакун, теплая бурка, хорошая винтовка, пистолет, острый кинжал. Будешь каждый вечер приносить мне на опушку леса сушеное мясо, курдюк, сыр, чуреки, кукурузную муку...» – «О-ох, сынок, – запричитала мать, – какую тяжелую ношу ты хочешь взвалить на меня! Может, тебе дома остаться?..» В это переломное время начали меняться взгляды народа на абречество.

Муса Ахмадов. Эта эволюция касается, на мой взгляд, и в целом всего фольклора. У нас есть жанр героических песен, и если раньше были герои или, которых народ в своем творчестве несколько идеализировал, то в более поздних песнях некоторых из них стали рисовать в сатирическом плане.

Шарани Джамбеков. Как раз такие люди, подобные персонажам Шимы Окуева, и становились героями этих сатирических песен. Но если углубиться в историю, мы найдем, что и в более древние времена существовал такой тип людей. Асланбек Шерипов пишет, что некогда у нас были некие молодцы, не обделенные такими личными качествами, как смелость, отвага, не лишённые благородства, которые тем не менее гнушались труда, более того – презирали и сам труд, и людей, добывающих хлеб насущный своим трудом...

Муса Ахмадов. Это отрицательные герои.

Шарани Джамбеков. Да, отрицательные. Но в минуту, когда над Родиной нависала опасность, они становились в первые ряды ее защитников и, найдя более достойное применение своей отваге, бесстрашно, храбро сражались в гуще врагов.

Муса Ахмадов. События последующих лет явили нам иную картину: такие люди сразу шли на сговор с врагом и обрекали свой народ на войны и лишения. Люди становились абреками по разным причинам. К примеру, у Зелимхана своя история.

Шарани Джамбеков. Зелимхан выбрал этот нелегкий путь, не стерпев несправедливости людей, облеченных властью. У него было своя конкретная цель – отомстить обидчикам. Его образ отображен в фольклоре как защитника народа, борца за справедливость и свободу. Таковы же и другие герои устного народного творчества – реально существовавшие абреки Геха, Вара и многие другие. Надо сказать, что, несмотря на то, что власти сжигали дома заподозренных в укрывательстве Зелимхана, ссылали их в Сибирь, никто не винил в этом абрека, не проклинал его. А вот сподвижник Зелимхана Харачойского, Суламбек Гараводжев из села Сагопши, видя, что из-за него страдают ни в чем не повинные люди, решил сдать властям. Он поставил лишь одно условие: чтобы его расстреляли, а не повесили. Генерал Михеев дал ему слово, но не сдержал его: Суламбека принародно повесили.

Саламбек Алиев. В словарях слову «абрек» дается разное определение. Какое из них, на Ваш взгляд, более точное?

Шарани Джамбеков. Этому понятию определение всегда давалось исходя из того, какая идеология проводилась государством в то или иное время. Но самую объективную оценку абречеству дает сам народ. Его искренней любовью, уважением пользовались абреки, которые восстали против несправедливости, в тяжелую для страны годину самоотверженно вставали на ее защиту.

Роза Межиева. Вам не кажется, что система абречества воспринимается так противоположно не потому, что она вырождалась в советские годы, а потому, что власть в стране сменилась? Зелимхан и его современники преподносились в романтическом ореоле, так как они воевали против царской власти, которая уже была свергнута, а тех, кто воевал против Советской власти, называли бандитами, вредителями. Но ведь они тоже стали абреками не просто так. Они пострадали от новой власти и решили ей мстить...

Шарани Джамбеков. Тут все зависит от системы. Вот возьмем Майрбека Шерипова, который поднял восстание против Советской власти. Он ведь тоже восстал против системы, но власти называли его бандитом. Хасуху Магомадова, который несколько десятилетий воевал против власти, называли политическим бандитом. Я думаю, что царская власть в этом плане была морально выше, чем власть, во главе которой стояли мужики, чем так называемая «народная»

власть. Царская власть, если можно так выразиться, церемонилась со своими противниками. Ведь она могла в свое время легко уничтожить Ленина, Сталина и их товарищей, которые пошли против царя, но не сделала этого. Она боролась с ними в рамках каких-то моральных правил, а Советская власть была трусливой, не знала меры и безжалостно расправлялась даже со своими мнимыми врагами.

Сулиман Мусаев. Хочу задать вопрос о фольклоре. В советское время студенты филологического факультета каждое лето проходили фольклорную практику – собирали во всех отдаленных селах и аулах сказки, легенды, предания. Сегодня же, думаю, людей, знающих еще не опубликованные образцы устного народного творчества, мало.

Шарани Джамбеков. Очень мало.

Сулиман Мусаев. Как Вы думаете, стоит ли сегодня возрождать эту практику? Нужна ли она?

Шарани Джамбеков. Я по нашему университету скажу. В позапрошлом году, в августе, наш ректор заключил договор с Тбилисским университетом о взаимопосещении. Ректор тут же отозвал меня из отпуска – а я к тому времени два месяца, как уже защитился, – и выдал удостоверение профессора. И мы, три преподавателя (я, Ибрагим Хабаев и Марем Гарсаева) и тринадцать студентов выехали в Грузию, Панкисию, к нашим соплеменникам. В Панкисии мы жили ровно неделю и кое-что записали – в основном, пословицы и поговорки.

Саламбек Алиев. А вы свободно понимали друг друга?

Шарани Джамбеков. Конечно. Это ведь такие же чеченцы, как и мы с вами. Говорят на кистинском диалекте чеченского языка.

Саламбек Алиев. А где вы жили всю эту неделю?

Шарани Джамбеков. У местных жителей. Мы, пятеро мужчин, жили у Пареулидзе Ростома. Это житель села Омало, из рода хилдехарой. Он хорошо знаком всем нашим научным работникам, бывающим в командировках в Тбилиси. Доктор филологических наук, профессор. Очень хороший человек. Он преподает в Тбилисском университете, где ведет ингушскую группу, и в Институте языкознания имени Чикобавы.

Муса Ахмадов. А чеченской группы у них нет? Не принимают?

Шарани Джамбеков. Принимают, даже просят прислать студентов. Грузинская сторона обеспечивает им места в общежитии, выплачивает стипендии, но мы никак не соберем группу, чтобы туда отправить.

Муса Ахмадов. Так надо организовать студентов, собрать группу и отправить в Тбилиси. Я и раньше приводил вам пример – когда во время войны в палаточном лагере в Ингушетии Дидигов с Солцаевым не могли собрать группу из чеченских девушек, чтобы отправить учиться в театральный институт в Москву, я лично обходил палатки, разговаривал с родителями – в результате желающих было больше, чем имелось мест. Надо работать с людьми.

Шарани Джамбеков. Работа ведется. Кое-какие подвижки уже есть. В Тбилиси просят, чтобы присылали людей, уже имеющих филологическое образование, чтобы они уже там могли изучать древнегрузинский язык и

работать с текстами в местных архивах. Наш министр и представители научных кругов республики были в Ереване, Тбилиси, заключили договоры. Так что, подвижки в этом направлении есть.

Сулиман Мусаев. Несколько лет назад прошла информация, что в одном из архивов Санкт-Петербурга нашли семь текстов конца XIX века, написанных арабской графикой на чеченском языке. Среди них, насколько я знаю, были и религиозные, и художественные тексты, и даже руководство по ведению хозяйства. Был даже путевой очерк некоего паломника, отправившегося в хадж в Мекку. Нужен был человек, который переложит эти тексты на кириллицу. Известна ли Вам судьба этих рукописей?

Шарани Джамбеков. Нет, к сожалению, мне неизвестна судьба конкретно этих текстов. Но есть хорошая новость: вчера (28 марта – С. М.) Глава республики Рамзан Кадыров провел совещание с историками, на котором поручил создать рабочие группы по изучению архивов крупных российских центров, Тбилиси, Еревана, Стамбула. Первые результаты будут оглашены уже этой осенью. Даже в Багдаде хранятся пособия по исламу на арабском языке, написанные чеченцами через семьдесят лет после смерти пророка Мухаммада (*да благословит его Аллах и приветствует*). Свою национальную принадлежность они отображали в своих именах на обложке словом «Шишани». Так что, работы непочатый край.

Саламбек Алиев. После распада Советского Союза все народы Северного Кавказа начали спешно растаскивать аланское наследие и объявлять себя их потомками. Одна из республик добавила к своему официальному названию слово «Алания», другая назвала свою новую столицу Магас. А вот карачаевцы и балкарцы утверждают, что их самоназвание «аланы», что при встрече они обращаются друг к другу «алан» и что они прямые их потомки. Так чьими же предками были аланы? На какие источники, на Ваш взгляд, стоит опираться при поиске ответа на этот вопрос?

Шарани Джамбеков. Алания занимала, согласно исследованиям, обширную территорию на Северном Кавказе и населяло ее множество племен и народов...

Муса Ахмадов. Одно время имя Маас (это один из вариантов названия столицы Алании) носил поселок Калинина города Грозного. Во время археологических раскопок городище Маас (Магас) обнаружено около села Алхан-Кала. Даже не все осетины согласны с утверждением о том, что они потомки аланов. Вот книга, подарок нашего друга, писателя Бориса Гусалова. Она называется «Аланы: откуда корни? Во власти мнимого тождества». Автор книги – осетинская исследовательница Тина Дзокаева. В ней она утверждает, что осетины никакого отношения к аланам не имеют. Вот ее вступительные слова: «Рискуя нарушить кавказские обычаи, все же хочется спросить у загостившихся аланов: «А вы сами-то откуда будете, дорогие гости? Где ваши собственные предковые места обитания?»

Шарани Джамбеков. Интригующее начало... Надо будет прочитать (*рассматривает книгу*)... Оказывается, эта книга лишь продолжение целой серии книг (*читает*): «Осетины в плену у аланов», «Осетины – потомки осетин», «Нарты. Нераспознанная символика», «Покушение на этнонимы»... Что касается аланов, их наследия – я, повторяю, уверен, что это был конгломерат разных племен и народов.

Муса Ахмадов. Шарани, вот в писательских кругах у нас есть добрая традиция – многие наши писатели воспитали себе достойную смену, дали путевку в литературу начинающим тогда авторам. К примеру, воспитанниками Магомета Мамакаева можно считать Магомед Дикаева, Алвади Шайхиева, Саидбека Дакаева, Шаида Рашидова... А вот в научной среде дела с этим обстоят хуже. Конечно, это связано и с войнами, прокатившимися по нашей республике, но не только...

Какие на сегодняшний день у нас достижения в этой области, какие недочеты? За годы преподавательской работы в университете Вы выпустили большое количество молодых специалистов, и многие из них отзываются о Вас с большой теплотой. Что лично Вы сделали для того, чтобы воспитать себе достойную смену?

Шарани Джамбеков. Из всех своих учеников я хотел бы выделить Расумова Ваху. Он много читает, пишет, недавно защитил диссертацию по фольклору. Сегодня у меня еще четыре аспиранта. Но, если говорить в общем, дела не так уж и хороши. Молодежь сегодня очень мало читает. А нам в фольклористике, литературоведении очень нужны молодые люди, буквально одержимые своей работой, преданные науке.

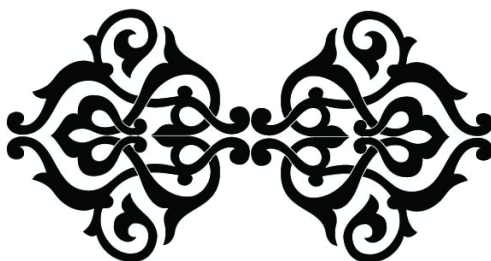
Муса Ахмадов. Шарани, что бы Вы посоветовали нашим студентам, которые интересуются научной работой, культурой чеченского народа?

Шарани Джамбеков. Я бы посоветовал им много читать, копить свой багаж знаний, пока они молоды. Надо постоянно работать над собой, накапливая знания, совершенствуя манеру письма, стиль изложения. Когда я отнес свою первую публикацию в шатойскую районную газету, ее главный редактор всю исчеркал ее, пришлось почти заново переписывать (смеется). Признаюсь, это оставило несколько неприятный осадок в моей душе, и только позже я понял, что этим он оказал мне добрую услугу, потому что в дальнейшем я стал более привередливее относиться к своим текстам.

Муса Ахмадов. Большое спасибо, Шарани, что нашли время зайти в нашу редакцию и за интересный разговор. Желаю Вам и в дальнейшем творческих успехов и крепкого здоровья. Дела реза хуьлда хьуна!

Шарани Джамбеков. Массарна а хуьлда Дела реза!

Подготовил Сулиман МУСАЕВ.

Начало большого пути

Нам, поколению тех, кто в далеком прошлом или в недавнем времени прошли своим путем студенческие тернии, конечно, трудно забыть те переживания, как сегодня кажется, по самому пустячному факту: проваленному экзамену, неудачно защищенной курсовой работе. Но, по себе знаю, любой творческой удаче тех лет безмерно радуешься до преклонного возраста, как вселенскому открытию...

Признаюсь, я не принадлежу к тем, кто еще в студенческие годы опубликовали в солидных научных «Известиях...» свои первые научные изыскания, как ныне широко известный ученый-лингвист В.Д. Тимаев.

Но сегодня мне очень приятно напутствовать своих студентов в высокий научный и творческий «полет» с их, может быть, еще недостаточно зрелыми, но искренними исследованиями. Аминат Хасбулатова и Петимат Усманова, вроде бы, ничем не отличаются от своих однокурсниц, разве что тем, что чуть-чуть увереннее других. И, что особо радует, они в постоянном поиске, а ищущие всегда добьются своей цели. В добрый путь!

Шарани Джамбеков,
преподаватель чеченской литературы ЧГПУ

Аминат Хасбулатова

Об особенностях формул извинения в русском и чеченском языках

Генезис речевого этикета исследователи прочно связывают с развитием государства как основной регулирующей и управляющей системы общества. Государство, подразумевающее по своей природе иерархическое строение институтов власти, социальной стратификации, подчинения, нуждается в нормах и правилах поведения, которые бы на практике служили средствами дифференциации и распознавания различных социальных групп, слоев, институтов.

«Этикет (французское *etiquette* – ярлык, этикетка) – совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда)»¹. Как видим, само слово «этикет» пришло к нам из Франции, из королевского двора Людовика XIV. А этикетками называли маленькие бумажные планшеты, выдававшиеся тем, кто хотел (или его заставляли) предстать перед королем. На них было написано то, как должен человек обращаться к королю, какие движения должен делать, какие слова говорить.

С тех самых пор как возникло человеческое общество, люди стали вырабатывать правила и принципы поведения и общения, которые определяют взаимоотношения людей в самых различных житейских ситуациях: в семье, на работе, в соседской общине, в кругу друзей, среди малознакомых или совсем незнакомых людей, в отношениях с начальником и подчиненным, со старшим и младшим и т.д. Эти правила именуются этикетом. Соблюдение норм этикета свидетельствует о принадлежности к разряду воспитанных, культурных людей, т.е. – «*овзда нах*»² [*овзда* (ист.) – уздён; *овзда* – прил. вежливый, обходительный, учтивый, воспитанный], а несоблюдение этих норм свидетельствует о таких человеческих пороках, как откровенная грубость, бескультурье, неуважение

других людей и т.д. Понятие *овзда стаг* в чеченском представлении часто увязывается с понятием *гиллакх долу стаг*, где философский термин *гиллакх* означает «*адамашна юкъяра уйр-марзо шаръеш, члагъеш йолу, кхин йолчу садолчу хумнех уш къастош йолу юкъаметтигаи*»³.

В России развитие этикета связано с эпохой Петра I, который решил преобразовать русские нравы на западный манер. Важнейшим достижением Петра I в этой области было то, что он ввел в общество русскую женщину, которая до этого должна была, в основном, сидеть «в тереме», предоставив право светского общения. Именно на отведении особых функций в обществе мужчине и женщине, на провозглашении обязанностью кавалера ухаживать за дамой и был основан этикет того времени. Правила поведения мужчины по отношению к женщине и сегодня составляет основу этикета. Этикет предписывает некие нормы, следуя которым все члены общества чувствуют себя комфортно, а ситуации общения и поведения людей предсказуемы.

Есть любопытная притча о происхождении этикета, которая хорошо иллюстрирует сказанное:

«Однажды на каменном плато ежуху и ее ежат застала снежная буря. Решив переждать непогоду, они с трудом отыскали небольшое укрытие среди камней, где сбились вместе, чтобы не замерзнуть. Однако те, кто попал в середину кучи, задыхались, а те, кто оказался с краю, мерзли. Семейство ежей пробовало самые различные комбинации, но никак не могли отыскать «золотой середины» – то они кололи друг друга иголками, то замерзали... Но, в конце концов, они нашли то, что искали: устроились так, что никто никого больше не колол иголками и всем было тепло»⁴. – «Цхъана заманахъ цхъана ломан буюххъехъ зу а, цуьнан кӀорнеш а дорцехъ йисна хилла. Тулгаш юкъахъ шайна дӀаловчкӀа меттиг а лехна, шел ца яла герташ, вовшашна теттӀа а таӀна, дӀатийна уш. Амма юккӀе нисӀеллачеран са дукӀлуш хилла, тӀех йохъяларна, ткӀа йистехъ ерш – шеллуш хилла. ХуӀа дича а, массеран а аьтту беш долу хӀал карош ца хилла царна: цхӀаерш, кӀохцалш йитталуш, лазош хилла, вуьш, юьстах нисӀелларш, шеллуш хилла. Эххара, царна карийна шашь лобхург: уш дӀанисӀелла вовшашна новкӀарло ца еш, массарна йовхо хуьлчу кепара».

И вот это идеальное расположение, удобную для всех позицию, люди и называли хорошими манерами, то есть этикетом. Таким образом, этикет есть совокупность правил «хорошего тона», принятых в обществе и регулирующих порядок поведения и общения людей. Этикет представляет собой сложную систему материальных (физических, речевых) знаков, которые указывают на отношение говорящего к собеседнику, оценку собеседника и в то же время на оценку человеком себя, своего положения относительно собеседника.

Немаловажную роль в развитии речевого этикета играют традиции и обычаи того или иного народа. Речевой этикет одного народа отличается от речевого этикета других этносов. Рассмотрим это на примере формул извинения в русском и чеченском языках.

Если перевести фразу с одним и тем же лексическим значением на чеченский язык, то значение, например, извинения может перейти к одолжению, к обращению и т.д. Но также стоит уточнить и тот факт, что немаловажную роль здесь играет и интонация.

Многочисленные сопоставительные исследования свидетельствуют о том, что, принося извинения, представители разных культур далеко не всегда ведут себя одинаково, потому что речевой акт имеет ряд культурно-специфических особенностей. При сопоставлении чеченских и русских формул извинения выявляются различия, касающиеся речевых моделей, их семантики, степени экспрессивности, частотности и ситуаций употребления.

Чеченский язык предлагает несколько формул извинений:

Бех ма биллалахъ. – Извини(те), пожалуйста;

Бех ца биллар доьху. – Прошу прощения;

Бех ма биллалахъ со тӀаьхъа висарна. – Извините за мое опоздание;

Бехк ма биллалахь хьуо юкъахвакхарна. – Извините, что прервал Вас...

Однако частотность и сфера употребления данных формул извинений существенно различаются.

Формула *«бехк ца биллар доьху»* может быть использована для усиления извинения говорящего, не являясь при этом типичной формулой извинения, аналогичной русскому «простите, пожалуйста».

Наиболее употребляемой речевой формулой извинения в чеченской коммуникации является *«бехк ма билла»*. Тут мы замечаем одну особенность: *«бехк ма билла»* может выражать обращение, маркер вежливости, а *«бехк ца биллар доьху»* показывает вину. Речевая формула *«бехк ма билла»* чаще всего употребляется как формула привлечения внимания при обращении (а также для обращения внимания на какое-либо негативное действие). В последнем случае данная реплика произносится с определенной интонацией, выражающей недовольство, с ударением на каждом слове.

Интересной особенностью чеченского коммуникативного поведения является то, что при нарушении личного пространства обычно одновременно извиняются оба участника ситуации (*«бехк ма биллалахь»*), независимо от того, по чьей вине оно произошло. В подобных извинениях содержится обоюдное признание некоторого дисбаланса в отношениях и готовность к его восстановлению.

Степень интенсивности выражения извинения зависит от конкретного коммуникативного контекста и определяется многими социальными факторами. Важную роль здесь играет временной фактор: предшествует ли извинение негативному событию либо приносится, когда оно уже произошло⁵. Усиление извинения возможно при помощи повторов или употребления нескольких речевых формул:

«Даггара кьинтIера валар доьху» / *«Дела дуьхьа валалахь сунна кьинтIера»* (например, в магазине, нечаянно задев плечом другого покупателя).

Незначительная горизонтальная дистанция и сформированные на ее основе культурные ценности (контактность, общительность, искренность, эмоциональность, солидарность и др.) делают допустимым не извиняться (либо делать это значительно реже) при неожиданном приближении и даже соприкосновении (на улице, в транспорте), за вмешательство в разговор, за откровенность, разговорчивость, свободное проявление эмоций, также при обращении с просьбой, запросе информации и т.д.).

Более высокая статусная дистанция характерна для чеченской культуры. Во многих культурах люди, имеющие более высокий социальный статус, извиняются перед нижестоящими реже. В русской культуре данная тенденция является ярко выраженной (скажем, родители редко извиняются перед детьми, преподаватели – перед студентами, начальники – перед подчиненными), нежели в чеченской. В русской культуре извинение в гораздо меньшей степени является благородным жестом, его, скорее, воспринимают как признание своей вины. Очевидно, еще и поэтому русские редко извиняются при наличии объективного оправдания.

В русском языке основной формулой извинения является извини(те), реже употребляется прости(те). Обе эти формулы – императивы и представляют собой побуждения, направленные на адресата с целью модифицировать его отношение к говорящему – извинить (снять вину) или простить. Данные формулы представляют собой скрытую просьбу, что подтверждает часто добавляемое слово пожалуйста (извини(те), пожалуйста / прости(те), пожалуйста), а также наличие такой формулы извинения, как *«прошу прощения»*, употребляемой людьми старшего возраста.

Побуждение, содержащееся в формулах извините / простите может быть усилено при помощи интенсификаторов ради Бога! / ради Аллаха! простите, ради Бога! (наступив в транспорте на ногу пассажиру или задев его сумкой). В официальной речи возможны примите мои (наши) извинения /принишу (приносим) свои извинения.

Наиболее типичными репликами-реакциями на просьбу извинить, как и в чеченском языке, являются формулы, выражающие незначительность повода для извинения (не стоит / не стоит извинения / не стоит об этом говорить/да что ты (вы)! /какие пустяки! /не за что), заверение в том, что случившееся не нарушило равновесия отношений и ничего серьезного не произошло (ничего/ничего страшного / все в порядке), выражение готовности адресата извинить (пожалуйста). Однако в русской коммуникации, в отличие от чеченской, адресат может проявлять и меньшую готовность отреагировать на просьбу извинить или простить (чаще при асимметричных отношениях) и даже ответить замечанием:

Ср.: *«Прости, пожалуйста, мама»* – *«Так уж и быть! Но чтоб это было в последний раз (мать и сын)»* – [*«КъинтIера ялахь, нана. – ХIуммаъ дац, тIаккхахула кхин ма далийталахь иза (наний, кIантгий)»*];

«Извините!». – *«Надо смотреть, куда идешь (на улице)»* – [*«Бехк ма биллалахь»*]. – *«Хъажа веза айхъа хIун лела до (урам новкъахь)»*];

«Извините меня!». *«Ничего страшного!»* – [*«КъинтIеравалахь. – ХIуммаъ дацара иза-м»*]...

Сопоставление речевых формул, употребляемых при извинении в чеченской и русской коммуникации, как видим, выявляет существенные различия. В чеченском *«Дела дуьхъа бехк ма биллалахь»* говорящий выражает свое сожаление по поводу происходящего (произошедшего). Адресат в ответ спешит заверить, что ничего, что может навредить гармонии отношений (*«Вай, хIуммаъ дацара иза-м»*), не произошло, а часто они являются не выражением сожаления, а формальным знаком внимания.

В русском извини(те) выражает просьбу извинить, которая направлена на адресата и содержит побуждение модифицировать его отношение к говорящему. Отреагировать на эту просьбу адресат может с большей или с меньшей степенью готовности. Как и для выражения благодарности, для извинения должен быть повод, что проявляется в ответной реплике-реакции «не за что», характерной для обоих речевых актов и свидетельствующей о неполной десемантизации данных речевых формул.

Таким образом, в сопоставляемых коммуникативных культурах поразному трактуются случаи, когда следует принести извинение: если русские извиняются при наличии повода для извинения, то чеченцы делают это гораздо чаще и даже в тех ситуациях, когда явный повод отсутствует.

В обобщенном виде отмеченные различия можно сформулировать следующим образом:

- чеченцы извиняются чаще и экспрессивнее, чем, скажем, русские;
- русские извиняются менее экспрессивно и реже, главным образом, тогда, когда имеется повод для извинения, они придают больше значения содержанию, чем форме;
- в чеченской коммуникации при нарушении личного пространства извиняются оба участника коммуникативного акта; в русской, как правило, тот, кто его нарушил;
- в чеченской коммуникативной культуре извинение – это не только выражение сожаления, но и часто употребляемый знак внимания по отношению к адресату, формальный маркер вежливости.

¹ Словарь по этике. Сост. Гусейнов А.А., Кон И.С. – М.: Политиздат, 1989. С. 18.

² Чеченско-русский словарь. Сост. А. Мациев. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. С. 333.

³ Хасиев С.-М. Дошам // Нохчийн Гиллакхех. – М.: Орбита-М, 2011. С. 3.

⁴ Цит. по: Борисов В.К., Панов М.И. и др. Этика деловых отношений. М., 2006. С. 26.

⁵ Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. – М.: Издательство «РУДН», 2009.

Петимат Усманова

Сравнительная характеристика формул приветствия в русском и чеченском языках

Речевой этикет является важной частью традиционного этикета. Он, прежде всего, тесно связан с этикетом коммуникативного поведения людей¹.

Исследователи отмечают, что этикет в современном мире все более упрощается, становится несравненно свободным и естественным, приобретает смысл повседневного благожелательного и уважительного отношения ко всем людям, безотносительности к занимаемой ими должности и общественному положению. «Учтливое обращение с женщиной, почтительное отношение к старшим, формы обращения и приветствия, правила ведения разговора, поведение за столом, обхождение с гостями, выполнение требований, предъявляемых к одежде человека в различных обстоятельствах, – все эти законы приличия воплощают общие представления о достоинстве человека, простые требования удобства и непринужденности во взаимоотношениях людей. Внимание к внешней форме проявляются здесь лишь постольку, поскольку в ней отражаются представления о красоте в поведении и внешнем облике человека»².

Приветствие, о котором мы собираемся говорить, является одним из самых важных ритуалов традиционного этикета, поскольку первое впечатление о человеке мы получаем именно из его приветствия, жестов и мимики. Вежливое приветствие ценится во всех сферах жизни людей и на всех уровнях общества. Изучая чеченский речевой этикет, мы заметили различия между приветствиями в русском и чеченском языках, и решились порассуждать на эту тему.

Язык всегда предоставляет говорящему возможность выбора: как выразить мысль, как сказать метко и доходчиво, чтобы быть услышанным и понятым. Человек должен иметь эту свободу выбора, иначе развитие языка может зайти в тупик, в то же время у него должны быть критерии выбора, главными из которых являются уместность данной формы речи в ситуации общения и эффективность речи: как известно, большего положительного результата может достигнуть только взвешенное и корректное слово. Ведь словом можно воздействовать, как жестом или поступком: можно обидеть, оскорбить, а можно поддержать или восславить. Язык впитал в себя все формы доброжелательного отношения к другому человеку. А начинается все это с приветствия.

Приветствие – в первую очередь, есть проявление уважения к собеседнику (знакомому, а иногда и незнакомому) при встрече. Здраваться – значит подтверждать знакомство, подчеркивать хорошее отношение к адресату, желать ему здоровья («Здравствуйте»), как в русском языке, или благополучия («*Гуййре дика йойла*»), как в чеченском языке.

Многочисленные сопоставительные исследования свидетельствуют о том, что, приветствуя, представители разных культур далеко не всегда ведут себя одинаково, и этот речевой акт имеет ряд культурно-специфических особенностей. При сопоставлении чеченских и русских формул приветствий выявляются различия, касающиеся речевых моделей, их семантики, степени экспрессивности, частотности и ситуаций употребления.

В русском языке, как известно, не так много приветствий: всего около десятка фиксированных формул: «Здравствуй(те)», «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер», «Доброй ночи» и еще несколько общеизвестных форм; в чеченском языке, напротив, приветствий бесконечное множество, большая часть из них – ситуативные, формирующиеся при конкретной бытовой ситуации. Например, есть общие для двух культур приветствия, скажем, при встрече утром: «*Гуййре дика хуьлда!*» – «Доброе утро», в обеденное время: «*Де дика хуьлда!*» – «Добрый день», вечером: «*Суьйре дика хуьлда!*» – «Добрый вечер!», ночью: «*Буйьса дика хуьлда!*» (или «*Буйьса декьала хуьлда*») – «Доброй

ночи»). Эти приветствия в чеченской коммуникации обязательно предполагают ответные формулы: «Дела реза хийла / диканца вехийла / дукха вехийла» и т.п., и зачастую принимается адресатом приветствием в полный рост³. Здесь между близкими знакомыми может состояться непродолжительный диалог о «жизнь-быть».

Но есть ситуации, когда, к примеру, проходящему мимо сидящих (в кафе) людей, занятых приемом пищи (знакомых и даже незнакомых), становится неудобно и не поздороваться, и беспокоить одновременно. В таких случаях обычай рекомендует ситуативное приветствие: «Глоза юург хийла», которое дает право обедающим или ужинающим ответить кивком головы, не отрываясь от трапезы, тем более вставать, протягивать руку и т.п.

Подобная ситуация может случиться при приветствии пахаря, занятого вспашкой, или женщины, занятой прополкой кукурузы: тут достаточно проявить уважение к людям труда, поприветствовав ничему не обязывающей общей в такой ситуации формулой: «Хьекхийла хьан (шу)!» – «Да (пусть) уродится (у вас) урожаем в изобилии». Допускается это, прежде всего, из-за уважения к людям, занятым полезным трудом. В этом случае работающий, скажем пахарь, может, не отвлекаясь от дела, коротко ответить на приветствие: «Дела реза хийла» – «Пусть вами будет доволен Аллах», и продолжить свою работу.

Занятого другой сельскохозяйственной работой – заготовкой сена – (косаря) приветствуют: «Глоза яорг хуьлда!» – (Пусть /домашние животные/ поедят с аппетитом); возвращающегося с мельницы с мукой («ахьар», «дама»): «Глоза дуург хуьлда!» – «Кушайте на здоровье»; работающего на производстве (за зарплату): «Болх беркате бойла!» – («Чтоб) работа приносила изобилие»; работающего у себя дома: «Ирс долуш хуьлда» – «На счастье»; продающего мясо: «Жижиг мехала долилла» – «Чтоб мясо в цене оказалось»; продавца (в магазине, на базаре): «Мах беркате хуьлда» – («Чтоб торговля принесла изобилие»); пастуха: «Дебийла» – («Чтоб приумножилось поголовье»); купившего козу-овцу, корову, лошадь: «Дала хайра дойла» «Пусть Аллах добро приумножит»; охотника: «Дала аьтто бойла» – «Пусть Аллах принесет (тебе) удачу». Занятого (или занятых) оказанием коллективной помощи кому-либо (прополкой, обмозкой строения, расщеплением шерсти и т.п.) приветствуют: «Болх меле хуьлда» – «Пусть вам воздастся за благодеяние»; путника могут приветствовать в форме вопроса, взамен полноценного приветствия: «Хьо дласаваха ваьлла?» – «Ты отправился в путь?» или стоящих в стороне от дороги людей (знакомых или малознакомых): «Шу латташ ду? – «Вы стоите? и т.п.

Однако частотность и сфера употребления данных формул существенно различаются.

Формула «Приветствую вас!» на русском языке усиливает само приветствие во всех случаях, а в чеченском языке аналогичное ему «Маршалла ду хьоьга / шуьга» интонационно может усиливаться только в зависимости от ситуации.

Наиболее употребляемой (среди мужчин) речевой формулой приветствия в чеченской коммуникации является «Ассаламу Галайкум!» – «Мир Вам!». Она в арабской языковой среде используется без каких-либо ограничений: при приветствии сына и дочери с отцом (и наоборот), брата с братом, сестры с сестрой, сына и дочери с матерью (и наоборот) и т.д. Приняв Ислам, чеченцы обычную для арабской среды формулу приветствия приняли как настоящую святыню, как дола, и «приспособили» для чеченской языковой среды с характерными ограничениями (табу). «Салам луш дац нохчашиа тлом-члур юкъа ян йиши йоццохь. Ткъа тлом-члур бохург нохчочо лелор дац цхьанна а зудчуьнца; юкъ ехказа, глеметта хлоттаза волчу кхиазхочуьнца; юкъ яьстинчу, къанвеллачу стагаца; шен цлийнах волчу гергарачуьнца»⁴. Используют эту формулу большей частью только между ровесниками. Словом, формула «Ассаламу Галайкум!» в речевом этикете чеченцев занимает особое место, так как считается не только приветствием, но и уважительным отношением к приветствующему, которое, как правило, завершается рукопожатием.

Этот разговор будет неполным, если не отметить еще одну важную деталь: у чеченцев не принято приветствовать подобной формулой своих родственников по материнской и супружеской линии («*ненахой*», «*стунцхой*»), подчеркивая тем самым особое родство. Тут не может быть и речи о рукопожатии.

Интересной особенностью и чеченского, и русского коммуникативного поведения является то, что при встрече взрослых и молодых право приветствовать первыми закреплено за молодыми. При приветствии друзей, ровесников вполне допустимо полувульгарное: «Привет!», «Приветик всем», «Здоровья всем» – «Маршалла ду соьгара», что недопустимо при приветствии учителей, родителей, вообще взрослых... В то же время следует отметить то, что в приветствии на чеченском языке чувствуется оттенок более уважительного отношения к ровеснику и другу, ввиду того, что здесь наличествует ярко выраженное благопожелание.

В чеченской коммуникации усиление приветствия возможно при помощи повторов или употребления нескольких речевых формул:

«*Де дика хуьлда! Йоглуш юй хьо (воглуш вуй хьо)*»;

«*Маршалла ду хьььга! Муха Ia шу?*».

Чаще всего усиление приветствия сопровождается пожеланиями:

«*Гуьйре дика хуьлда! Де беркате догIийла!*»;

«*Здравствуйте! Удачного дня*».

Наиболее типичными репликами-реакциями приветствия в русском языке являются упрощенные формулы типа: «Здрасти», «Зд(а)рово», «привет», которые используются при приветствии только в молодежной среде). Упрощенные формулы приветствий присутствуют и в чеченской культурной коммуникации. Скажем, чтобы не обременять излишним вниманием незнакомых, малознакомых, идущих навстречу или стоящих поодаль приветствуют, сопровождая кивком головы: «*Йоглуш юй?*» / «*воглуш вуй?*» / «*доглуш дуй?*» / «*лаьтташ юй?*» / «*лаьтташ вуй?*» / «*лаьтташ дуй?*» Эти формулы больше всего используются, конечно, между малознакомыми людьми. В подобной ситуации ответной формулы может и не прозвучать.

В русском языке реже используются пафосные формулы «Приветствую вас!», «Разрешите вас поприветствовать!». Эти и им подобные приветствия практически вытеснены общепринятыми формулами: «Здравствуйте!», «Добрый день!» и т.д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- в чеченском языке есть формулы приветствия, которые используются только между мужчинами («*Ассаламу Iалайкум*»);
- есть существенное различие в приветствиях взрослых и молодых;
- в чеченском языке практически все формулы приветствия ситуативные, состоящие сплошь из благопожеланий («*Гуьйре дика йойла*» («*утро (пусть) хорошим будет*»).
- в русском языке фиксированное количество формул приветствия («*здравствуй(те)*», «*здравия желаю*», «*доброе утро*», «*добрый день*», «*добрый вечер*» и некот. др.).

¹ Стернин И.А. Русский речевой этикет. – Воронеж, 1996.

² Словарь по этике. Под редакцией И.С. Кона. Издание четвертое. – М.: Издательство политической литературы, 1981. С. 416.

³ В чеченской речевой коммуникации есть особый вид приветствия – «приветствие вставанием». Вставанием приветствуют младшие по возрасту старших родственников, прежде всего, родителей, дедов и бабушек, а также гостей. Появление этой традиции, на наш взгляд, связано с тем, что у чеченцев приветствие закреплено не за взрослым или младшими, а за теми, кто подходит к стоящему (сидящему) адресату.

⁴ Хасиев С.-М. Нохчийн гIиллакх. М.: Орбита-М, 2011. 5 арIо.

Книжные новинки**«От правды жизни – к правде художественного слова»**

Автор книги «От правды жизни – к правде художественного слова» Казбек Байсалович Гайтукаев известен как историк литературы, критик и литературовед, член Союза писателей СССР, сопредседатель МСПС (Международного сообщества писательских союзов), первый демократически избранный председатель Союза чеченских писателей (1997–2002).

В новую книгу Казбека Байсаловича Гайтукаева «От правды жизни – к правде художественного слова» вошли лишь немногие из его литературоведческих исследований и критических статей более чем за сорок последних лет. Некоторые из них были опубликованы в книгах: «В пламени слова. Критические статьи Всесоюзной юбилейной – 1984 года – лермонтовской конференции (1987), в местных журналах «Орга», «Нана», «Вайнах», а также в коллективных научных трудах регионов (Махачкала, Киев, Пятигорск, Ростов-на-Дону, ж. «Дон») и др.

Новая книга Гайтукаева К. Б. «От правды жизни – к правде художественного слова» представляет интерес не только для специалистов-литературоведов, литературных критиков, но и вузовских преподавателей, студентов-филологов, школьных учителей, старшеклассников, а также для широкого круга любителей родной и русской литератур.

Книга написана ясным, доступным литературным языком, читается легко и легко запоминается.

Сацита Исраилова

К нашим иллюстрациям**«Для написания картины нужен взрыв эмоций»**

Премьера трагикомедии по пьесе народного писателя ЧР Мусы Ахмадова «Шен ца – цен ца» в постановке художественного руководителя-директора Чеченского государственного драматического театра им. Х.Нурадилова, режиссера Хавы Ахмадовой была приурочена ко Дню чеченского языка и стала украшением праздничных торжеств, связанных с этой датой.

Главный герой пьесы – молодой художник Кюри, ищущий признания и свободы соиздания в Париже. Ради этого он покинул Родину, не понимая, что, оторвавшись от своих корней, он утратит те духовные силы, которые питали его творчество.

Одной из важных составляющих постановки стало материальное, осязаемое, видимое воплощение творческой концепции центрального персонажа драмы. Картины Кюри обрели «плоть и кровь» благодаря художнику ЧГДТ им. Х. Нурадилова Абу Пашаеву. Именно он создал полотна, которые иллюстрируют произведения главного героя пьесы: по ходу действия они появляются на сцене как артобъекты – Кюри рисует их, размещает в разных местах на обозрение прохожим, друзья устраивают выставку-продажу его картин, чтобы собрать деньги на его лечение...

Перед А. Пашаевым стояла довольно сложная задача: ведь Кюри – не обычный художник, а новатор, придумавший свой неповторимый стиль – «треугольниконизм»: он видит мир в виде треугольников, напоминающих по форме древние чеченские башни.

«Главная моя задача заключалась в том, чтобы как можно точнее передать замысел режиссера. Мне нужно было понять персонаж Кюри. Я часто приходил на репетиции, смотрел, как актер работает над образом своего героя, и пытался сам вжиться в этот образ. Для написания картины нужен взрыв эмоций, и только потом через линии, пятна, игру света и тени рождается полотно. У Кюри символ башни доведен до абсурда, но он читаем и понятен зрителю. Его стиль – это соединение абстракции, импрессионизма и квантовой геометрии...» – рассказывает А. Пашаев.

Абу Пашаев работает театральным художником около десятка лет. Наряду с этим преподает в Чеченском государственном педагогическом институте и является доцентом кафедры ИЗО факультета искусств. Он член Союза художников России с 2002 года и заслуженный художник Чеченской Республики.

А. Пашаев написал около пятисот полотен. Свой живописный жанр он характеризует как симбиоз на стыке экспрессионизма и художественной метафизики.

На 1, 2, 3 и 4-ой страницах обложки представлены следующие композиции Абу Пашаева к спектаклю «Шен ца – цен ца»: «Дола» («Мольба»), «Даймакках зенаш» («Сны об Отчизне»), «Лахам» («Искание»), «Ненан узам» («Причитание матери»).

Рауса Сайдулаева

Сведения об авторах и переводчиках

Салих Гуртуев (1938). Поэт, переводчик. Заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии. Первый президент общественной межрегиональной организации «Клуб писателей Кавказа», созданной в 2008 году. Окончил филологический факультет Кабардино-Балкарского университета. Автор более 20 книг поэзии и литературных эссе. Заметным вкладом в развитие балкарской литературы явились сборники стихов на родном языке: «Кручи», «Примите в гости», «Чаша бытия», «Нежность души», «Четыре яблони», «Полдень», «Пройденный путь», «Высокие тени», «Свет звезд», «Веги века», «Кайсын, каким его я знал» и другие. Он автор переводов на балкарский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Есенина, Маяковского, Тихонова, Айтматова, Евтушенко, Рубцова. Его стихи переведены на польский, сербский, турецкий, венгерский, киргизский, туркменский, грузинский языки. На русском языке в Москве и Нальчике издано шесть сборников.

Адам Ахматукаев (1961). Родился в селе Алхан-Юрт Урус-Мартановского района. Автор семи книг поэзии и переводов. Соавтор более десятка коллективных сборников. Периодически публикуется в Чеченской Республике, а также за пределами республики и страны. Член Союза писателей России, председатель Чеченского отделения Клуба писателей Кавказа. Участник многих международных литературных форумов. Его стихи переведены на азербайджанский, балкарский, белорусский, кабардинский, казахский, русский, таджикский и другие языки. Творческая деятельность отмечена Почетным знаком Чеченской Республики «За трудовое отличие», Благодарственными письмами Парламента Чеченской Республики, Почетной грамотой Союза писателей России, Премией Союза писателей-переводчиков России с вручением ордена «В.В.Маяковский», медалью Союза писателей Чеченской Республики «Академик Петр Захаров», медалью Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу», Благодарностью министра информации Республики Беларусь. Лауреат премии Интеллектуального центра Чеченской Республики «Серебряная сова» (2017).

Юрий Щербаков (1956). Родился в Астрахани. Председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России. Поэт, публицист, прозаик, переводчик. Автор более двадцати книг поэзии, прозы, публицистики, переводов. Печатался во многих всесоюзных и всероссийских литературных журналах, альманахах и газетах. Его произведения переведены на ряд языков народов России. Участник многих международных литературных форумов. Награжден орденом Дружбы, медалями «Навеки вместе» Республики Калмыкия и «За заслуги перед Астраханской областью». Лауреат первого международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна», Всероссийских литературных премий «России верные сыны» имени Александра Невского, Бунинской, «Традиция», «Имперская культура», имени Василия Тредиаковского, международной премии Курмангазы Сагырбаева, «Русское поле», Славянского литературного форума «Золотой витязь». Депутат Астраханской городской Думы.

Хава Гагаева (1987). Окончила среднюю школу в селе Ванавара Красноярского края РФ. Окончила Чеченский государственный колледж искусств, отделение инструментального исполнительства (фортепьяно). Пишет стихи с пятнадцати лет. В журнале публикуется с 2012 года.

Элина Сайдулаева (1974). Родилась в с. Сержень-Юрт, живет в г. Грозном; в 2010 г. окончила ЧГПИ по специальности «учитель русского языка и литературы», в 2012 г. получила второе высшее образование в ЧГУ (по специальности «педагог-психолог»). С 2015 г. работает в ГБПОУ ЧТТ. Писать стихи и рассказы начала со школьных лет. Публикуется в журналах «Вайнах», «Нана» с 2006 г.

Муса Арсанукаев. (1952) Родился в г. Лениногорске Казахской ССР. В 1975 году окончил филологический факультет ЧИГУ. В течение 27 лет проработал в Чирчико-Юртовской СШ. В периодической печати публикуется с 1974 года после окончания «Школы корреспондентов» при республиканской газете «Комсомольское племя». В настоящее время работает заместителем редактора республиканской газеты «Хьехархо». Член СЖ ЧР с 2009 года, член СП России с 2010 года, заслуженный журналист ЧР.

Аминат Хасбулатова. Студентка 4 курса (РЧЛ-214) Чеченского государственного педагогического университета.

Петимат Усманова. Студентка 4 курса (РЧЛ-214) Чеченского государственного педагогического университета

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.